

0.335
1973 / 2

Литературная

ЖУРНАЛ

1

92 10335/2

1973

МАРИДЖАН

НОВОГОДНЕЕ

О чем мечтать? Что пожелать сердечно
Мне, всем всегда желающей добра?
Чтоб наконец изгладились навечно
Следы войною нанесенных ран.

Чтоб небо не утратило глубиной,
Немыслимой своей голубизны;
Чтоб не было на свете одиноких,
Чтоб не было несчастных и больных.

Чтоб выросли леса на горных склонах
И зацвели сады среди пустынь,
Чтоб зрели в виноградниках зеленых
Густые гроздья ягод золотых.

Чтоб в житницах зерно не иссякало,
Чтоб все вокруг, куда ни кинешь взгляд,
Цвело, и изобильем небывалым
Нас радовала щедрая земля.

Пусть детям всей планеты сладко спится,
Легко живется — в мире и в тепле,
И пусть улыбка освещает лица
Всех матерей, живущих на Земле.

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

Литературная

ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

ЯНВАРЬ

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

819.76

ქოველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-17

№ 1

იანვარი 1973 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Год издания семнадцатый

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

*Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются.*

Григол АБАШИДZE,

Тенгиз БУАЧИДZE,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДZE,

ნატელა კარაშვილი

(ответственный секретарь),

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАЗУРИН

(заместитель главного редактора),

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

მიხაილ მრეულიშვილი,

Георгий ХУЦИШВИЛИ,

Эммануил ФЕЙГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5. Телефоны: гл. редактор — 93-65-15,
зам. гл. редактора — 93-13-57, ответ. секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59,
отдел прозы и очерка — 93-31-43, отдел поэзии и искусства — 93-31-43, отдел
критики и публицистики — 93-65-19.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

МАРИДЖАН. Новогоднее. Перевод Галины Павловской	На второй стр. обложки.	
ОТАР ЧЕЛИДЗЕ. Амиран-гора. Поэма. Продолжение. Перевод Льва Халифа		5
ГЕОРГИЙ КАЛАНДАДЗЕ. В зале публичной библиотеки. Перевод Галины Павловской		8
ГИВИ ГЕГЕЧКОРИ. Скалистые дороги Уплисхихе. Спокойный старец, великий, странный. Беседа с самим собой. Когда случится пережить... Тень. Однажды в детстве, когда смеркалось... Перевод Юны Морц		9
КУМФ ЛОМИЯ. Абхазские строки. Перевод с абхазского Якова Козловского		10

ПРОЗА

РОСТОМ БЕЖАНИШВИЛИ. Последний перегон. Повесть. Окончание. Перевод Камиллы Коринтэли		11
АКАКИЙ ГЕЦАДЗЕ. От станции до станции. Рассказ. Перевод К. Салакая		28
ВАНО УРДЖУМЕЛАШВИЛИ. Божья коровка. Роман. Продолжение. Перевод Марка Рывкина		36

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

• КОБА ИМЕДАШВИЛИ. Письмо переводчику		49
• ДМИТРИЙ ИОВАШВИЛИ. Некоторые штрихи беллетристики Арчила Сулакаури		52
• ВАСО БАИАДЗЕ. Разговаривая с детьми доверительно и просто		56

ОЧЕРК

РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Море, покорное человеку . . . 60

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ

- МАМИЯ ДУДУЧАВА. Об особенностях познавательной
сущности художественного творчества . . . 68
- НИКОЛАИ ДЖАШИ. Эстетика Грузии за 50 лет . . . 77

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- МАРК ЗЛАТКИН. «Когда книга сближает народы».
Продолжение . . . 84

ПУБЛИЦИСТИКА

- АНТОН ЛЕЖАВА. Грузинские революционеры на Се-
верном Кавказе . . . 90

В МИРЕ КНИГ

- БОРИС ПИРАДОВ. М. Горький в Азербайджане . . . 95

АМИРАН-ГОРА

ПОЭМА

X ГЛАВА

О чем мы молились, таежники, о чем мы думали с радостью — я нашел дорогу в подполье надежное по безошибочному адресу. Десятикратно оправдалась верность, и, как ручеек в трудном пути, подпольщики, мечтающие деспота свергнуть, помогли мне призвание мое найти... Испепеленная юность! Не сломлен бедами был я, — с открытой душой радости я дождался огромной, за всю мою жизнь не самой ли большой?.. Дало мне время обвенчаться с любовью первой моей, я наконец дождался счастья, (пусть только счастье будет подлинней!)

В глазах моих
 Застряли слезы,
 Когда с ребенком у дверей,
 Раскрытых жадно,
 Встречал гостей
 Счастливец поздний,
 За этот день —
 И жизнь не жалко!
 Там песни революции смешались
 С гурийскими певучими руладами,
 На целом выдохе не умещааясь,
 Гремела песня —
 С ней мы сладили!
 И время,
 Как прикованное намертво
 К горе, взметнувшей Прометея,
 От наших песен
 Будто замерло,
 Да и гора казалась мне светлее.
 Костер до неба —
 Песни разожженные,
 К грохоту припева прибавлялся
 Крик сына моего новорожденного,
 И он звонком рассвета

Мне казался.
 И песни били
 Как из ран незарубцованных,
 Благословляя сына
 И фундамент дома,
 Песни славные, рискованные,
 В душе живущие подолгу.
 «Я — Арсен Джорджиашвили
 Освободил народ от горя,
 Кинул бомбу — убил зверя,
 Только сам попался вскоре...»
 Он песней улетел
 Туда, где зори вечны, —
 А в сердце нашем
 И хвала ему и слава.
 Я же прячусь,
 Утром, днем, вечером
 Я прихожу к себе домой
 Из тайного подвала.
 Нас закалили царские овчарки,
 Нас сделали они мудрее бога,
 Сбегали мы от них довольно часто,
 Чтоб завтра под ноги
 Рвануть им бомбу.

На небе как залог оставили мы солнце, и в потолок пол для нас превратился. А под ноги мы стелим знамя черной сотни — старье «Единой Почвы», — наступать противно! О пропасть тайно закрытой двери, снуют повсюду стукачи в ночи, но тайных типографий дышит ветер, от свежей краски чуть во рту горчит. Войны свирепость сообщит газета, страна поражена — конец войне! Давайте же поможем мы рассвету и будет нам рассвет светлей вдвойне! Восстанем, выступлением, забастовкой, на страх заводчикам-врачам восстал рабочий, шелестя листовкой, уже с винтовкой — в дополнение к речам. Гремят по городу баррикады, — год Девятьсот Пятый научил. Мы были пораженными богаты, сегодня же успех не без причин. Но среди нас предатели бывали. Как снег на сердце — леденеет крик. ...И вот с прищельцем из тайги передали фамилию: «Твой побратим, посмотри! Сам батумец — наш руководитель его раскрыл и опознал, позор на голову его родителей! Я с этой вестью может опоздал...» Я вспомнил поражение первое, я как помешанный кричал, он выдал главарей тогда, наверное, как затаенно он молчал! В глазах моих все вверх ногами, но односельчанина лицо, как маятник, раскачивает память, мой дом, мой край, страну отцов. Где, впрягшись в горе и невзгоды, все испытали вместе, как один, — напев один, одна дорога, и жизнь одна по-братски, до седин. Одной соединенные мы целью, нет уз роднее, кровнее, живей! И все предать — за какую же цену?.. Не баба я — предателя жалеть! Когда предателю мы да-

рим жалость, мы дарим жизнь ему, — А нам-то как же жить без отпущения, не вырвав жало, тебя ж могущее убить?! Его убрать мне ночью поручили. Мой побратим — я ж должен и убить!.. И я замерз, как не мерз в Сибири от этого поворота судьбы. Нам часто кажется, что все б исполнить смогли мы, что прикажет век суровый наш... Я был похож на вырытого из могилы, крест-накрест на груди моей взорвался патронташ. Двойник души моей отделился устало, ушел назад, туда, где даже тайга молчит. Самого обвинителя устами я приговор желал смягчить: он с детства верил обреченным, о братьях думал, о, если бы батумец сам про предательство это черное мне сказал там, в сибирских лесах! Мир обездоленный жалею целый, я помогу цепям ржаветь... ..«И все отдать! Ну — за какую цену? Не баба я — предателя жалеть!» Приказ подпольщиков сердце выжег, святой приказ...

XI ГЛАВА

Обвинителя неумолимость и обвиняемого (для меня — дорогое лицо) — в какой-то миг слились в душе моей воедино, и я возненавидел целый мир. Я ждал, я жаждал только чуда, я жаждал чудо совершить... Я чувствовал еще покуда, что надо жить, что стоит жить. Я походил на вопиющего в пустыне и ноющего из угла, мне свет вдруг сразу опостылел, меня борьба спасти могла. Я приговор привел бы в исполнение, я перестал походить на человека, на себя, доводил до белого каления я сам себя — его судья. Он сверстник мой, он, бравший все грехи мои на душу, как светел был, и волосы светлые, нарушил клятву — все разрушил, а мне казался он святым!.. Я вижу опять сквозь сплетенье дорог, как он бежит по моим следам, спотыкаясь, бежит босоног, и провозаает в Сибирь, как навсегда... Пока я собирался отомстить, нам, двадцати, главари поручили почту взять, заключенных отбить, как можно быстрее, часа за четыре. Мы на поезд должны напасть, и во время операции этой я сам своего побратима — своего напарника должен был убрать незаметно. Я вызвал из дому его в полночь, попросил в старье переодеться. «Мы идем на испытание, помни!» — я сказал своему другу детства. Я решил про себя отомстить еще в лесу, чего тянуть расплату! Шли мы лесом — нас было двадцать, не считая бывшего моего брата... Он один затесался среди нас, осквернивший человеческую совесть, я еще не сказал всего ему с глазу на глаз, но вот уже подходит поезд. Остановился заключенных эшелон в тупике, как телец на закланье, мы открыли стрельбу, и пошло по намеченному плану заранее. Освободили заключенных мы, единомышленников своих, — оружия еще не захватили... Вернулся вмиг, ищу глазами — скрылся побратим. Внезапно пар выбрасывает паровоз и отрывается от поезда, я от удивленья в землю врос — он бросился, еще секунда — было б поздно. Удивила меня всерьез его невиданная самоотверженность — часового бросил под откос, и вот он машиниста раненого держит. У обрыва поезд встал как вкопанный. Трус, переродившийся в героя?.. Или искупил он сразу, скопом трусость первую, предательство второе?! Гневом пробежал по поезду, отгрузив оружия уйму, «Взяли почту — деньги революции. Пойдут на пользу, они попали к людям умным!» — так царю в расписке написали, взяли раненых на плечи, в лес заключенные подались сами, но на душе не стало легче. Я сказал: «Опасность миновала!» Но простить предателя не в силах, но бесстрашие — черта не малая, — не игрой же это было! На наших спинах раненые стонали, мы прокладывали к жизни дорогу, тени павших впереди стояли, как пришедшие к нам на подмогу. Бойцов удача окрыляла ночи этой, все восхищались моим побратимом, и кто б подумал — кто он на самом деле, парень светлый?! И — о конце его неотвратимом. «Одной соединенные мы целью, нет уз роднее, кровнее, живей!» И все предать, ну за какую цену? Не баба я — предателя жалеть!..

Как мне быть с моим побратимом при встрече,

Если я люблю его до жжения,
Наверно лечь
И умереть мне легче,
Чем жертву довести до жертвенника.
Дружба, битвы — смелость певшие,
Неужели это маска предателя?
Неужели ни оправдать
Не могу безгрешного,
Ни отомстить,
Ни покарать его?!
Если мне не справиться с сомнением

И не могу ничего я изменить,
Тогда зачем пришел я к ленинцам...
О возрожденье страдавшей души
Звонят колокола тревогу.
Перечитанными страницами шуршит —
Чье-то сочетание дорога.
Как плуг — гумно,
Я раздроблял
Своих сомнений
Явную беспомощность
И ветер свежесть раздавал
От всей души — беспощально.

Над нашими головами кричала сова окрест, и дорога сокращалась до го-
рода, и стеснял дыханье дремучий лес, и продолжалась молодость. А из тем-
ного мира — с черной водой, тоже молодой, не бородатый, как оскверняющий
что-то святое, среди нас один затесался предатель. Тихо шел, молчаливый и
грустный, как на полуслове прерванный...

ХII ГЛАВА

Удручен печалью и бессонницей, думы душу извели донельзя. Жду чего-
то, на душе не солнечно, посоветоваться не с кем. Нет, из юности смотреть
нельзя, пусть все рассеется, что кажется, когда крепости, которые надо взять,
уже стоят не домиками карточными. Научило время меня навечно, уже ни-
чем не удивить людей таких. Предателя напугало, наверно, бегство друга из
тайги. Появится иль нет? Я все же надеюсь... К тому же море начало шалить,
и ветер дуть на самом деле, разбрасывая сигнальные шары. И от рыбалки ус-
тавшие частой, сели на лодку с чешуйками на носах и отрывают крылья
чайки, словно крошечные паруса. У дороги скала из гипса белого, с головой,
как змея, оголенной, не похожий на трусливого и белого — вот, вижу, он идет
неподалеку, ко мне спешит судьба моя неправая. С вызовом глядит — не за-
быто, будно с вестью идет не праздно — что вояк бежал из Сибири. «Неужто
рад, изменник?» — глаза накалились. Неужели о побеге не знает? Слово удоч-
ка в лодке притулились, оба подобные вопросительному знаку. От пережитого
надорванный немало, я говорю себе — «пора!» Вот и возмездие настало, и бре-
мя мести — как с плеч гора. Лишь для мщения тебя создала свежесть святой
земли, но есть и сила у тебя немалая — дни прошлого, они бы помогли. Они,
мою память взявшие за шиворот, все остальное отодвинули локтем — и улы-
баюсь я фальшиво, как неудачливый актер. Море подымалось волнами обрат-
ными, и лодку наотмашь било, а он несказанно был обрадован побегом ка-
торжанина из Сибири... Мой побратим, он радовался искренне и долго побегу
нашего Арсена из тайги. Я про себя бурчал, с собою споря... «Ты что печа-
лен?» — он ко мне пристал... И громко вздрагивало море и где-то билось о
причал. И чтоб развеселить меня, запел он, мой синеглазый побратим, как
будто там — за пеной ему бессмертье море возвратит. Свисала смерть петлею
с глыбы, а он мне пел, и волны непокорные пахли солнцем, небом, рыбой.

«Милая моя отчизна,—в небе жаворонки, Расцвела лужайка,
Отчего же тебе взгрустнулось, Горы синие,
Скажи! Расцвела красота лесная,
Если настоящее тебя не жалует, Родина моя, любимая —
То будущее нам принадлежит! Когда же ты расцветешь, родная?!»

«Настала откровенности пора! Пока я на свете этом, тебе не ждать от
меня добра, тебе не дожидаться, предатель, расцвета матери-Грузии с ее го-
рами!» Я сек словами односельчанина: «Ты, предатель, должное получишь;
я, преданный тобой, в тебе души не чаявший, вышвырну в море, петлю натя-
нув получишь!»

«Преданный мной?!» — И гнев свой еле сдерживая, как изменился он ли-
цом! Мой побратим, моя надежда, наливал меня свинцом... Все, рассказанное
таежником, в подробностях я ему передал: что предателя — в море, так на-
дежнее, чтоб могилы его никто не выдал!.. Что не будет ему пощады, иначе
от гнева — самим хоть в петлю, и что сегодня я, с ним прощаясь, его послед-
ние слова терплю. Он, как подкошенный, упал на колени, склонился предо
мной побратим, по правде скажу: всего менее он на предателя походил... «Кто
он, умник, что обрек меня на смерть, кто он, сведший тебя с ума, его имя ска-
жи мне, разве безмянен он, как смерть сама?! Я описал каторжанина, с ко-
торым был знаком не понаслышке, как подсказал он наказание, чтоб за пре-
дателем захлопнуть крышку. И гневно выпрямил он плечи, будто невиновен
вправду. Сказал, обжигая, как плетью, меня, названного брата: «Я чист и по-
тому был на коленях, но я не вымаливаю твою жалость: вешай камень на ме-
ня скорее, сам я в море брошусь, пожалуй! За то, что брату ты предпочел по-
донка, уж лучше умереть!.. Но я вернусь еще, ждать тебе меня недолго —
с обоюдоострым приду мечом, — я буду казнить тебя ежеминутно. Кто прав,
кто виновен — тогда поглядим... От брата отрекавшийся в минуту трудную, —
какой же, к черту, ты — побратим?! Я, столько слов на тебя потративший, го-
ворю тебе — это знал я прежде — тот, кто обвинил меня в предательстве, сам
вожак не однажды предал. Но он не раз здесь берега обнюхивал и для из-
мены бросил якорь. Был «таежник» тот всегда под градусом и шпиком был
платным, явно, ходил в «друзьях» у друзей, так ему виднее, потому и был
при нем; помнишь представление и наводнение? — это он тех стражников при-

вел. Он ласков был, заботлив, как женщина, влезал он в душу всем, «помощник»... Все наши прежние поражения — все на совести доносчика!.. Мне на голову будто море вылилось, как я обидел брата дорогого! «Скажи мне, почему он именно на смерть обрек тебя, а не другого?» Усмехнулся горько, как сбросил мешок заплечный, клятвой связанный — друг мой родной. «Я скажу тебе и запомни навечно — ненавидел меня он за дружбу с тобой! Ты был в тайге — а он, с лисьей своей повадкой, задумывал здесь занять твоё место: и в лунные ночи увещал так сладко твою любимую — твою невесту!.. Разве им задуманную гадость он кому-нибудь рассказал-излил? И разве я, не отравив ему серенаду, отпустил бы его — не избил? Не магарыч он получил, покуда — полился уксус из рта и носа, и он, спасенный от меня лишь чудом, теперь, якобы из Сибири, является с доносом?! Порученье свое ты исполни старательно, если он убедил вас в моей лжи, иначе, как и я, обвинен будешь в предательстве, если я вдруг останусь жив... Пока ты другом быть не умеешь, как мачари бродишь — молодое вино, пока еще ты поумнеешь (а мудрость с годами придет все равно), ты забываешь клятву о братстве, а для меня священо оно, — ты хорошо ведь это знаешь!» — Так говорил мне друг, как оглушил, и удочек вопросительные знаки упреком мне вонзились в душу: «Как же ты мог называть меня изменником и так легко обречь на смерть?» Ему я говорю: «Ты чист, как свет!»..

Когда солнце, шипя, уползло в море, горизонт расписав кроваво-серебристо, я друга тайно переправил за город на лодке быстро. Я сказал, что будет лучше, если он до мая переждет в горах. «Постарайся нигде не встречаться с местными, — месть никогда не бывает стара! Пожить у родственников можно, пока батумец не вернется в Аджиарию. Я же всем скажу, что утонул ты в море»... И он ушел — я проводил товарища...

Перевод Льва ХАЛИФА

Окончание следует

Георгий КАЛАНДАДЗЕ

В ЗАЛЕ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В окне фиалки вечер разбросал.
Молчат, как эти каменные стены,
Читатели, заполнившие зал,—
Ряд серых мумий в тишине священной.
И только вдохновение шумит —
Осина на пригорке в летний вечер.
Вся мудрость мира,
все, чем дышит мир,
Встает с порога мне навстречу.
О, светлый час познания и труда!
Здесь тишина пронизана сияньем.
В ней мысль,
в ней радость узнавания,
В ней ожиданье и мечта.
Слепой служитель муз пришел в Колонф,
Иссохшею рукой коснулся лиры—
И над Элладой вспыхнул небосклон
И озарил полмира.
Шекспир и Данте,
Байрон и Тагор,
Флобер, Толстой и рядом с ними
Важа Пшавела дорогое имя —
Певца моих полей и гор.
Здесь постигают блеск и глубину
Строк Руставели.
Обаяньем тонким
Пленив сердца, неведомым потомкам

Отсюда Пушкин руку протянул.
...Волнуются моря.

Со всех сторон
Встают, растут валы, и снасти рвутся,
И корабли готовы захлебнуться,
И давится от смеха Посейдон.
Амундсен.

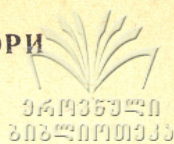
Нансен.
Дали снеговые.
Смертельный риск.
Борьба за каждый шаг.
Кометой прорезая вечный мрак,
Гагарин в космос вырвался впервые.
Сон? Явь? Мираж? Не знаю.

Тишина...
И снова идолы морского храма —
Уллис,
Колумб,
Синдбад,
да-Гамма,

И за кормой — растущая волна.
А в зале вдохновение шумит —
Осина на пригорке в летний вечер.
Вся мудрость мира,
все, чем дышит мир,
Встает с порога мне навстречу.

Перевод Галины ПАВЛОВСКОЙ

СКАЛИСТЫЕ ДОРОГИ УПЛИСЦИХЕ

Покуда жив, постранствуй влать! Ходи
По Уплисцихе, где скалистых троп
алфавит.

На серой лошади бессонницы сиди,
Пусть верный пес тебя в дороге не оставит.
Ты будешь спать в ложбине мягкой мглы,
Где геральдические звери дышат рядом.
И Пиримзе пройдет вдоль солнечной иглы,
Прильнет соском цветочным с огненным
зарядом.

Там предки встретятся. Травы сухая речь
Прошелестит за каждой тенью имя.
Косьбу и жатву завершив, пройдут, чтоб
лечь,
И за собою каждый пыль свою поднимет.

Не за тобой ли следом эта пыль?
Куда влечет тебя твой пыл? Ответ на это!
Иль дремлет лошадь на ходу? Какую боль
Ты увидишь, когда ослеп в огне рассвета?
Кто выжег до рожденья твоего
В душе твоей великих предков образ
точный?

О, флагом огненным — в нас кровное
родство
С народной древностью, чей корень —
вечно сочный!

На серой лошади бессонницы сиди,
Пусть верный пес тебя в дороге не оставит.
Покуда жив, постранствуй влать! Ходи
По Уплисцихе, где скалистых троп алфавит.

СПОКОЙНЫЙ СТАРЕЦ,
ВЕЛИКИЙ, СТРАННЫЙ

Галактиону Табидзе

Спокойный старец, великий, странный,
Застенчивый странник,
Своим целомудренным взором дитяти
Искавший сочувствия, как благодати,
И мудрый младенец в нем царствовал,
кстати ...

Спокойный старец, великий, странный,
Не приспособленный к бытности бренной,
Локти потертые, брови вразлет.
Путаник пуговиц, как он развлек
Многих вокруг, подтверждая мгновенно

Ликом блаженным каждое слово
Фразы: шаг, один только шаг —
От великого до смешного.
Спокойный старец, великий, странный ...
Однажды, кстати, мы забыли, что он —
наподобье дитяти,

И руку невольно разжали в людской толчее.
Он растерялся на миг и навек потерялся.
Словно нырнул и исчез в человечьем ручье.
В сумерках ищет его этот город огромный,
Факелы жжет и лелеет лучи на свече.

БЕСЕДА С САМИМ СОБОЙ

Возможно, кому-нибудь неприятен
Твой взгляд,
И твой нос,
И зубы твои,
Неприятна походка твоя,
И еще неприятнее реч,
И твой плач,
И твой смех,
И все твои строчки,

И мысли.
Возможно, ты ежедневно подсуден,
Ежедневно тебя осуждают за стенкой,
Ежедневно тебя к высочайшей мере
Приговаривает присутственный зал ...
Не так ли?
И если, действительно, так ...
Только совесть твоя обладает талантом
защиты.

* * *

Джансугу Чарквиани

Когда случится пережить
Твое исчезновенье,
Я содрогнусь, глотая сам
Июня дуновенье.

А если прежде я уйду,
Пей пиво на бочонке,
Скажи: «Я так его любил, —
Аж ненависть в печенке!»

Топор под солнечным лучом —
Повтор улыбки нашей.
И светел дух, и мощный свет —
Столбом над этой чашей.

Что наша смерть? По сути, в чем
Сюжет ее победы?
Начало и конец — чего?
В чем власть ее, поведай!

Как мало времени прошло.
Осталось нам так много —
Дорога жизни и еще
В Мальгазанзар* дорога ...

* Мальгазанзар — легендарный город из поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕГОН

ПОВЕСТЬ

Депо теперь уже плохо снабжалось запчастями. Изношенные, вышедшие из строя детали восстанавливали сами машинисты, помощники машинистов, слесари. Для всего этого нужны были знание, мастерство и большое терпение. Татэ как старый слесарь делал для рабочих чертежи электроконтакторов — больше никому было, инженеры-то ушли на фронт! А Татэ, если был не в рейсе, либо проверял на участке электровозы, либо сидел в депо на различных совещаниях, либо уходил по каким-то оперативным вызовам, и так проходило утро, день, вечер... И когда вконец измочаленный он попадал домой, чтобы отдохнуть несколько часов и рано утром снова бежать в депо, — вот тогда-то он усаживался за чертежи нужных деталей. От усталости смыкались веки, тяжелая голова гудела, но детали были необходимы, а для деталей необходимы были чертежи. И, превозмогая сон колоссальным напряжением воли и нервов, он сидел за столом, освещенным тусклой, мигающей копилкой, и чертил, чертил на развернутых листах школьных тетрадей из грубой желтой бумаги...

Но он не считал, что делает что-то особенное. И вообще, кто я такой, — говорил он, — я человек неученый и ничемный. Вот Гогиа — о, Гогиа — это да! У него голова ясная, и душа светлая, и рука сильная!

А Гогиа сражался на подступах к Москве, и давно уже не приходило от него вестей... Татэ прикрепил над своим рабочим столом его последнее письмо — с этим письмом ему легче было превозмогать сон и усталость. Гогиа писал в том письме, что враг яростно рвется в Москву, что стоят ужасные холода, что ранило его в руку, но он не покидает линии фронта. Не покидает потому, что за спиной его — Москва!

И когда Татэ взглядывал на нечеткие строчки письма, он не только забывал о своей усталости, о постоянном недосыпании — ему стыдно было помыслить об отдыхе...

Татэ с тяжким вздохом принял из рук Ясона стакан, молча выпил в помин погибших на войне.

Да, страшное письмо прислал ему соседский парень Шура Гелашвили... По сей день помнит он это письмо слово в слово...

«Приветствую тебя, дядя Татэ, — писал Шура. — Только как мне тебя приветствовать — мне, вестнику твоего большого горя и большой скорби...

Довелось мне встретиться здесь с нашими, и рассказали они мне о том, что было: в одной из атак у Гогиа кончились снаряды. А сидел он в то время в бронепоезде, и окружили его гитлеровцы. Гогиа с автоматом в руках выскочил первым. Гитлеровцы-то хотели взять всех живыми...

— Ребята, за Родину, бей их, гадов! — крикнул Гогиа и открыл огонь, а за ним выскочили и остальные.

Только у немцев было больше оружия, да их самих больше там было...

Ну вот... А после боя девушки из санбата нашли возле бронепоезда тело твоего сына. Дядя Татэ, ты должен выстоять в этом горе. Мы отомстим за Гогиа, мы возьмем кровь за кровь!

Твой Шура Гелашвили».

Татэ повернулся набок, сквозь сон чувствуя, что ему жарко, сбросил с себя бурку, которой заботливо укрыли гостя.

Хозяйка, боясь потревожить его своим появлением, послала в комнату мальчонку — племянника, узнать, не нужно ли чего. Тот стрелой слетал туда и обратно. Запыхавшись, тараща глазенки, сообщил:

— Лицо у него красное-красное, а бурка на полу валяется!..

— Жарко нынче в комнатах... А ну, сынок, сбегай еще раз, да тихонько, чтобы не разбудить, и приоткрой там оконце.

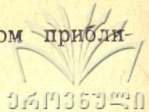
— А с буркой чего делать?

— Да пусть ее валяется.

Мальчонка на цыпочках вошел в комнату, отворил окно, потом приблизился к тахте, поглядел на спящего.

Из-под сомкнутых век Татэ катились слезы.

Мириану было месяца два, когда пришло то страшное письмо. Невестка Татэ — Асमत заплакала с неделю, а потом заявила, что у нее от горя и слез молоко пропало.

— Без материнского молока дитя хилое вырастет, — заволновался Татэ.

— Нынче грудью кормить даже не в моде, отец, — заметила Асमत, — Медицина вон говорит...

Татэ ошешил.

— Мириан должен вырасти здоровым, — сказал он резко.

— Не беспокойся, искусственное питание богато витаминами, — утешила его невестка и подсадела к зеркалу.

Очень скоро Асमत начала переглядываться да перемигиваться с официантом столовой, хромым Эдисоном Саришвили. Началось, правда, с того, что Эдисон взялся доставлять ей искусственное питание для малыша, но кончилось тем, что все в Хашури стали шептаться о хмаладзевской невестке и официанте Эдисоне.

Когда Татэ уходил в рейс, Асमत тотчас исчезала из дому, и заплаканная Эло, которую Татэ по возвращении заставал в одиночестве, ничего не могла ему ответить на вопрос, где невестка.

Мириан рос не только без материнского молока, но и без материнской ласки и заботы. Мальчику было уже два годика, а мать все не удосужилась хоть раз с ним погулять или поиграть. Зато бабушка и дедушка тряслись над ним, баловали его всячески.

Татэ несколько раз предпринимал тщетные попытки вызвать невестку на откровенность, пытался узнать, где она проводит все дни и вечера, но Асमत неизменно увивалась от разговора.

В один прекрасный день Татэ, вернувшись из рейса, нашел на столе записку, второпях нацарапанную на обрывке тетрадного листа.

«Жить по-вашему не могу. Каждый должен найти свой путь. Прощайте».

В тот день Татэ второй раз пережил смерть сына.

Со станции донесся грохот поезда. «Это ушел тридцать четвертый, скорый, — отметил Татэ, — Ереван—Москва. Значит, двадцать три часа тридцать четыре минуты по-московски... Значит, сегодня в двадцать три часа тридцать четыре минуты я узнал о позоре моей семьи...»

Впрочем, что неожиданного в поступке Асमत. Она часто жаловалась, что любит хорошо одеваться, а меж тем вот ходит она, красивая и молодая, в старомодных дешевеньких платьях...»

Плач внука прервал его размышления. Эло тихонечко напевала колыбельную, позвякивая погремушкой.

В окно он увидел — пробежали освещенные вагоны. Значит, прошел и Тбилиси—Сухуми. Значит, уже полночь.

Да, Асमत жаловалась на многое. Молодость ее проходит в одиночестве, — говорила она. — Без мужа. Без мужчины. Да, да... Еще она мечтала жить в Тбилиси. «Что мне делать в этой глуши?» — говорила она.

Татэ посоветовал ей идти на работу, но Асमत, хотя она закончила школу с грехом пополам, не сочла достойной для себя ни одну работу, которую не без труда добывал и предлагал ей свекор. Она согласна работать только в райкоме, либо в исполкоме, личным секретарем сказала она, потому что личные секретари ответственных лиц приобретают всякие дефицитные товары прямо со складов универмагов — так она слыхала...

«Это 2040-й, товарный... — Татэ проводил взглядом цистерны. — Значит, уже ноль двадцать три... Быстро же летит время!...»

Конечно, ничего неожиданного не было в поступке Асमत. Разве не понимал Татэ, что не сегодня-завтра она все равно уйдет? Знал. Чувствовал всем существом своим. Только верить не хотел. Не хотел верить, что она так скоро забудет его сына.

«Но почему? — спросил он себя. — Почему и нет?!»

Загудел электровоз.

«Это Тбилиси—Батуми или Тбилиси—Поти? Полчаса прошло или больше часа?..»

Часы были у него на руке, но он без часов чувствовал время. Он знал время прибытия и отправления всех поездов, хотя никогда не старался этого запомнить — это происходило само собой.

«Куда она уехала? В Боржом?.. Но боржомский ночной давно прошел... Может, в Поти? Двести пятидесятый прошел только что. Скоро придет Тбилиси—»

Поти, в два часа двадцать шесть. Может, в Тбилиси она поехала... А может, и вовсе в Россию... да, Ереван—Москва уже прошел...»

Он вздохнул, налил себе воды из графина, выпил. Вода оказалась теплой. Помнится, в Цхалтубо пил он однажды такую теплую воду. Вкус ее он по сей день не забыл.

«Двести сорок третий Кутаиси—Тбилиси уйдет в 3 часа 37... Ведь может быть, что Аснат сидит сейчас на вокзале и ждет поезда? Может, она побывала уже в Боржоми и, вернувшись, ждет теперь тбилисский поезд... Есть еще Махарадзе—Тбилиси. В 4 часа 11 минут... Могла она еще вчера уехать, скажем, в Батуми... Батуми—Тбилиси прибывает в 5.25. Целая ночь до этого...»

Прошел сухогрузный, громыхая платформами.

«Это, верно, 2034-й... Значит, уже три часа ночи...»

За стеной опять заплакал Мириан. Опять монотонно запела Эло. Заскрипели половицы под ее шагами. Потом все стихло. Неожиданно дверь растворилась, и Эло встала на пороге.

— Ты до сих пор не спишь? — сказала она. — Ужинать будешь?

— Нет, я ел.

— Помоешься? Согреть воду?

— Нет, я устал. Лягу так.

— Что же, ложись, — голос ее дрогнул, и она медленно затворила за собой дверь.

«Бедная Эло. Аснат могла, конечно, ее обогреть... Я надеялся... Теперь на ней вся тяжесть — и дом, и внук... и я... Что мне сказать в депо? Все равно правду узнают. Кто-то, может, и позлорадствует. Кто-то пожалеет меня. И то, и другое отвратительно. Ох, лучше бы я погиб на фронте!..»

И еще один товарный прогромыхал там, за окнами.

«Скоро пять, — заключил Татэ. — Через полчаса уйдет Батуми—Тбилиси... За ним — товарный с открытыми платформами уйдет в Тбилиси... А мы? Нам куда? По какому пути?.. Ничего. Скоро рассвет, там поглядим... Постой, Хмаладзе! — рассердился он на себя. — Погоди, не спеши. Силой женщину не вернешь, да и нет в том нужды. Не такое теперь время. Теперь муж жену не заставит и жена мужа не приневолит... Но ведь честь-советь-то остались, а? Остались или нет? Так вот поступить?!»

«Чего, чего, что она там пишет? — усмехнулся он. — Жить по-вашему не могу, а? Видишь, Хмаладзе, не может она жить по-твоему... Что же все-таки случилось? Разве у нас она голодала? Холодала? Была разутая-раздетая? Да, это ты думаешь, что не голодала, что обута-одета была. Нет, не так оно. Ты думаешь, потому что ты все покупаешь на зарплату, и сладким кажется тебе твой кусок хлеба... А чего не можешь на зарплату кушать, о том и не горюешь. А ты других спроси... Есть ведь и такие, которые в день имеют столько, сколько ты в месяц своим горбом выколачиваешь. Понял теперь? — Он вдруг сжал кулаки: — Ну, нет! Не бывать этому! Я честный труженик и горжусь этим. Я иду по улице и знаю, что обо мне скажут: Вот идет машинист Татэ Хмаладзе, который честно зарабатывает свой хлеб. В том все мое богатство и состоит».

Низко, протяжно загудел Батуми—Тбилиси, прощаясь с Хашури.

Татэ выглянул в окно, проводил глазами уходящие вагоны.

Всю ночь не спала, не смыкала глаз станция Хашури. Всю ночь не сомкнул глаз машинист Татэ Хмаладзе. В шесть пятьдесят проводил он пассажирский Сухуми — Тбилиси, потом товарный две тысячи пятьдесят восьмой, и наконец пробежала электричка Хашури—Зестафони... Было семь часов тридцать шесть минут.

...Татэ глубоко вздохнул, открыл глаза. Над ним был белый чистый потолок с синей каемкой по карнизу. Он не сразу сообразил, где находится. Сел, спустил ноги с тахты. И вспомнил все. Вспомнил и слова Эло: «Стоит тебе два-три стакана выпить, ты уж облик человеческий теряешь, и глаза у тебя вылазют, и язык еле ворочается!..». Татэ и сам не любил пить, избегал всячески. Во хмелю он мог сделать что-нибудь такое, чего потом, протрезвев, стыдился.

Он представил себе Эло, как бы пытаешь ее глазами посмотреть на себя. Нет, сегодня он не совершал ничего предосудительного. Он добрался до деревеньки Чрдили и, не обнаружив и здесь следов Мириана, намеревался продолжить путь. Но ему встретился этот блаженный Иасон Ткешелашвили и затащил его к себе. Татэ отобедал с ним и его гостями и немного выпил. А потом он заснул. Славно он поспал, славно...

Татэ считал, что достаточно обеспокоил хозяев, и решил незаметно покинуть гостеприимный кров. Он встал с тахты, и тут в комнату влетел мальчонка и огорошил его вопросом:

— Дедушка, умыться хотите?

— Что ж, спасибо, умоюсь. А где это у вас?»

Татэ уже совсем протрезвел. Он вышел следом за мальчиком.

— Вот, дедушка... Только вы сами посмотрите, есть в **рукомошнике вода!**

Татэ откинув крышку, заглянул...

— Ну, брат, воды столько, что ты скупаться сможешь.

— А меня утром купали уже, — сообщил мальчонка.

— Где старшие, спят, что ли? — понизив голос, спросил Татэ.

— Не-е, тетушка ужин готовит, а дедушка Иасон ушел...

— Куда же он ушел? — удивился Татэ.

— А соседей в гости звать.

— Что, ждете кого вечером?

— Вы же у нас ужинать будете, вы самый почетный гость!

— Кто это тебе сказал? Я...

— А я и сам знаю... вы же первый машинист!

— Полно врать-то, — проворчал Татэ. — Ты сынок, скажи старшим, что я, мол, так и так, мол, очень за все благодарен. И еще одну службу ты мне со-служи.

— Какую? — с живостью спросил мальчик.

— Помоги мне тихонечко сбежать, ладно?

— Ой, дедушка, что вы! Меня за это пороть будут!

— Слушай, ты мне помоги, а я тебя за это на электровозе **покатаю!**

— Я на новой «Волге» хочу...

— Ну так на «Волге»! На новой! Только ты сейчас меня выручай...

— А вон тетушка идет, уж лучше вы ей скажите, — и мальчишка стрем-глав убежал.

— Хорошо отдохнули? — с улыбкой осведомилась хозяйка. Она, видимо, шла из кухни — сняла с головы косынку, отряхнула платье. — Хотя в такую жару разве отдохнешь!

— Я очень хорошо отдохнул, благодарю вас. Усталый был до смерти, сразу захмелел, сразу и уснул.

— Да, да, дорога длинная, а здесь у нас и воздух другой, от него тоже хмелеешь. Вот и солнышко зашло, а вечером у нас благодать — прохладно, тихо.

— Да, солнце зашло, пора и мне в путь двигаться, — Татэ для пушей бдительности глянул на часы. — Эге, здорово я заспался!

— Ни за что! — всплеснув руками, с жаром воскликнула хозяйка. — Ни за что вас без ужина не отпущу!

— Спасибо большое, только нельзя мне больше мешкать, вы уж меня простите, — говорил Татэ, мелкими шажками продвигаясь к лестнице во двор.

— Ой, что вы, да я ни за что... Да это же позор для меня, коли вы без ужина увидите!.. Как мне дяде Ясону на глаза показаться! — хозяйка, разволновавшись не на шутку, преградила Татэ дорогу.

— Нет уж, доченька, никак я не могу, хотя и уважаю вас очень и благодарен сердечно... Ты за меня извинись перед Ясоном. Я и без того вас слишком обеспокоил.

— Какое же беспокойство?! Такому гостю, как вы, только радоваться можно! — хозяйка смутилась — она поняла, что Татэ отказывается от приглашения не из вежливости, а действительно спешит по какому-то делу, но в то же время ей было неловко отпускать гостя так сразу. — У меня **гоми¹** уже почти сварилось, — все еще не сдавалась она, — только **мчади²** испечь, а **цыплята** тоже мигом...

— Спасибо за все, милая, — прижав руку к груди, ответил Татэ, уже стоя у калитки. — Что греха таить — я разыскиваю внука, вот уже месяц, как он обиделся на нас и ушел... не живет дома...

— Ой, господи! На что же ему было обижаться...

— Вот именно, вот именно! Сегодня я с утра раннего пустился на его по-иски, хожу из села в село...

— Как же это вы...

Татэ сперва не понял, что «как же», но дальнейшие ее слова объяснили:

— Коли такое дело, езжайте на машине, — сказала она. — Сулико!

Сулико стоял возле обшарпанного «Опеля» с поднятым капотом и отирал платком мокрый лоб.

— Чего? — обернулся он на зов.

— Ты в Молити едешь?

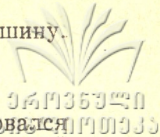
— Ну, еду.

— Подвези нашего гостя, он ни за что не остается, говорит, дело есть. спешное.

¹ Г о м и — род каши из кукурузной муки.

² М ч а д и — лепешки из кукурузной муки.

— Да, да, очень спешное. — Татэ пожал руку хозяйке и уселся в машину.

Сулико просунул голову в окно и попросил Татэ:

— Вон круглая железка, нажmite-ка на нее ногой, а!

— На дрессель? — спросил Татэ.

— Ого, вы, пожалуй, не хуже меня в этом разбираетесь! — обрадовался

Сулико. — Аккумулятор сел и стартер не берет. Сейчас я все сделаю, птицей полетим.

Однако уверенность его разбилась об упорство машины — сколько он ни бился, машина молчала.

— Надо ее покатыть, иного пути нет, — заключил тогда Сулико и пома- хал рукой ребятишкам, сидевшим невдалеке.

— Эй, лоботрясы, идите-ка сюда!

Те зловоронно прибежали, уперлись в бока машины.

— Сзади, сзади ее толкайте! — скомандовал Сулико, уже сидя за рулем. — Ну, раз-два, взяли!..

Машина покатилась, и вскоре мотор заработал. Татэ с облегчением вздохнул и посмстрел на часы. Надо было торопиться, чтобы засветло добраться до Молити.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда они выехали на равнину, вдруг что-то яростно зашипело. Это была передняя покрывша. Сулико выругался и вылез из машины — в два приема: сперва живот, потом и сам.

— Вчера поставил совсем новую камеру! И покрывши только-только на вулканизации были, черт их дер! Пятнадцать рублей, как одну копейку, от- считал! Как петрушку на салат сыплот, так я эти рубчики там рассыпал... И что! Э-э, халтурщики кругом, без денег никто шага не сделает!..

Татэ хотел было возразить, — «что же, твои пятнадцать рублей — не деньги?», но он подумал — «пустой разговор» — и только предложил Сулико помочь сменить покрывшу.

— Откуда у меня покрывша! — усмехнулся Сулико. — Вставим сюда но- вую камеру, и все!

Он извлек из-под сидения инструменты, взял домкрат и хотел было нагнуть- ся, чтобы подставить домкрат под кузов, да брюхо помешало. Он попытался несколько раз, но никак не дотянулся домкратом до земли. Аж вспотел с натуги.

— Где были мозги у конструктора этой машины? — возмущился Сулико. — Небось, миллионы нажил на ней, а вот ведь до кузова не дотянешься, такая низ- кая посадка, черт ее дер! — он швырнул домкрат на землю.

Походил, потоптался, лобурчал, потом снова взялся за домкрат. Но в нарез- ку винта домкрата попал камешек, и ручка не вращалась.

— Вытащи эту дрянь, будь другом, — попросил Сулико Татэ.

Татэ с помощью перочинного ножа извлек камешек.

— Молодец! — обрадовался Сулико. — Теперь, если тебе не лень, под- ставь домкрат под кузов, а я за это время разыщу камеру.

Татэ подставил домкрат и приподнял передний мост машины.

Сулико долго сопел, пыхтел, рылся в багажнике, наконец обнаружил ка- меру.

— Еще не снял? — спросил он Татэ про покрывшу.

Татэ удивленно посмотрел на него.

— Так-то, дед, — усмехнулся Сулико с видом превосходства, — технику человек с детства должен любить... А ты, небось, всю жизнь на счетах простучал. Бухгалтер, верно?

Татэ невольно рассмеялся. «Чем это я на бухгалтера похож?» — подумал он. — Вот и готово! — радостно объявил Сулико после очередного гимнасти- ческого упражнения. Он снял колпак, освободил болты. — Видишь, и колесо упало!

От жары обод прилип к металлу, и Сулико, основательно провозившись, велел Татэ:

— Спустись-ка ты, дед, на Чхеримелу и принеси немного водички. Без воды никак не обойтись.

— А в чем воды принести?

Сулико огляделся, залез и в машину, но нигде ничего подходящего не на- шел и, нимало не смущаясь, спросил:

— А шляпа-то твоя из соломы?

— Ну да.

— В ней и принеси. Жара такая, что шляпа мигом просохнет.

Татэ с трудом спустился по крутому, почти отвесному склону к реке, напoл- нил свою новую шляпу водой, но подняться не смог. Он несколько раз оступ-

пался, скользил и чуть не свалился в Чхеримелу, расплескивая при этом и воду. Тогда он пошел в обход, по тропке, протоптанной к реке скотиной.

— Тебя только за смертью посылать, — упреком встретил его Сулико. Видишь, я уже снял, теперь камеру буду менять.

— Не нужна, значит, вода?

— Нет, вылей. Впрочем, стой, напьюсь-ка я, глотка пересохла, — Сулико осторожно принял из рук Татэ шляпу и с жадностью принял к воде.

— Ух! Хорошо! Вкусная вода, черт ее дер! — напившись и утирая губы, нос, щеки, сказал он. — А знаешь, какая рыба в ней водится? Да в твоё время, верно, еще больше ее было, рыбы-то, а? — он с ухмылкой подмигнул Татэ.

— В мое время?

— Ага, в дни твоей молодости.

— Рыбы и теперь много, что ей сделается...

— Вот и камера! Глянь-ка, как изорвалась... а ведь совсем новую ставил! — с сожалением сказал он, бросив на землю латаную-перелатаную камеру.

— Давай побыстрее, а? Скоро уж за вечереет, — напомнил ему о времени Татэ.

— В таком разе ты надуй ее, вот насос, а я укреплю болты.

Татэ принялся за камеру. И почему-то пришел ему на память один из эпизодов его многотрудной, богатой всевозможными событиями жизни машиниста.

... — Желтый мигающий, — сказал помощник.

— Есть желтый мигающий! — повторил Татэ. Вход на станцию был открыт, а выход закрыт, потому он сбросил скорось, чтобы остановить поезд.

— Желтый мигающий, желтый! — воскликнул вдруг помощник.

Дежурный по станции принимал поезд на боковой путь, но пропустил без остановки.

Татэ с улыбкой посмотрел на него. Помощник был молод, совсем мальчик. Звали его Тамазом. Вот уже вторично Татэ с ним в рейсе, и Тамаз все больше ему нравится. Татэ вспоминался он сам, каким был когда-то. У него тогда тоже так гулко колотилось сердце при виде желтого сигнала впереди: не терпелось ехать.

Когда миновали семафор, Татэ прибавил скорость. На повороте он открыл окно, выглянул, внимательно оглядел состав, не дымятся ли где подшипники, но ничего тревожного не обнаружил. Закрыл окно и проверил действие локомотивной сигнализации. Прsverил, совпадает ли кодированный путь с сигнализацией семафоров. Все было в полном порядке: при появлении на путях зеленого сигнала загорался зеленый и на локомотивной сигнализации и так далее...

Тамаз всего два месяца как получил права вождения электровоза, и Татэ видел, что он умирает от желания занять место машиниста.

Татэ осмотрел профиль дороги. Путь прямой, ровный. Через десять километров начнется спуск. А до тех пор Тамаз может вести состав.

— Тамаз, переходи-ка на мое место! — позвал Татэ.

Тамаз в один миг оказался возле Татэ.

— Не торопись, спокойнее, — сказал Татэ. — Сбавь чуточку скорость.

Тамаз вел электровоз, напряженно тараща глаза, сам не свой от счастья.

— Красный-желтый! — вдруг воскликнул он.

— Пересаживайся на свое место, — велел Татэ, перевел ручку контроллера на нулевую позицию и притормозил. Еще немного, и загорится красный. «Не должен был я сажать парня за управление, — подумал он и тотчас возразил себе, — но кто-то ведь должен его научить? Черт бы побрал этот красный-желтый! Слава богу, вовремя остановил, не то не миновать бы мне ДОСа. Доказывай потом, что не ты сидел, а помощник, и что помощник пошел на красный...» — думал он, отирая пот со лба.

Татэ надул камеру, Сулико поставил ее на место, и они двинулись. Однако «Опель» прошел всего метров двести и вдруг заскользил по сторовшей от засухи земле.

Сулико изо всех сил нажимал огромным своим башмаком на дроссель, но машина не брала скорости и бесшумно скользила.

— А, будь ты неладна! Трамлер подвел, не иначе! — прохрипел Сулико и остановил машину.

«Опель» с шумом вздохнул и выпустил из мотора клок дыма. Сулико вылез, поднял капот, заглянул внутрь, проверил поршни, свечи. Затем открыл крышку трамлера и застыл.

— Что, дальше не пойдет? — спросил Татэ, проклиная миг, когда сел в этот драндулет.

— Сейчас, дед, сейчас... Не души ты меня, Христа ради!..

Татэ решил молча ждать. Сулико смотрел на машину, как на дорогого сердцу покойника.

— Надо охладить мотор, — заявил он наконец. — Жарко сегодня, как в аду, вот бедняга и не вынес... Для маленькой машины два таких человека — ком много...

— Я вообще предпочитаю идти пешком, — Татэ взялся за свою еще влажную помятую шляпу.

— Ох, ох, не говори мне таких вещей! — всплеснув руками, воскликнул Сулико. Он сообразил, что допустил бестактность, и попытался ее загладить: — Я обещал Аграгине, значит, живым или мертвым доставлю тебя в Молити!

— Да уже недалеко до Молити, теперь я и пешком дойду.

— Почему пешком?! Сулико Гачечиладзе покатит на машине, а зы — пешком?! Ни в коем случае! Ни за что на свете! Только через мой труп.

Татэ уселся в машину, Сулико с пыхтением кое-как втиснулся за руль и включил зажигание.

«Ошпель» мягко покатило по дороге.

— Я же сказал! — обрадовался Сулико. — Отдых даже человеку нужен. не то что машине!

— Ну, ну, в добрый час, — сказал Татэ. — Только давай немного поторопимся, чтобы дотемна успеть.

— Ну! О чем вы говорите! Во что бы то ни стало, не будь я Сулико Гачечиладзе! — горячо заверил его Сулико, но в это время «Ошпель» яростно захрипел, пробежал еще немного на холостом ходу по спуску и, съехав на ровную дорогу, остановился.

Оба вылезли. Татэ подложил под задние колеса камни. Сулико поднял капот и в отчаянии схватился за голову. Лопнула трубка, проводящая тормозную жидкость. Теперь было ясно, почему машина шла по спуску и останавливалась на ровной дороге.

Сулико быстро обрел присутствие духа и даже успокоил Татэ:

— Нет худа без добра, — сказал он. — Как раз ей, бедняжке, трудно было в гору подниматься, а теперь она пойдет свободнее.

— Без тормозов нельзя с места двинуться, — решительно возразил Татэ. — Машину не жалеешь, хотя бы семью свою пожалей.

— Какое у тебя нежное сердце, — хихикнул Сулико. — Да чего ты, милый человек, нос вешаешь, ведь сколько людей машины вообще не имеют, ходят пешком, что с того!..

...Татэ повесил нос с того самого времени, как вышел на пенсию.

Погода была какая-то стариковская — три дня уныло, серо моросило. На Сурамском перевале — туман, на сердце у Татэ — печаль.

Ему не хотелось вылезать из дому.

Эло волчком вертелась, все старалась угодить мужу. Татэ ведь сроду не сидел дома.

Утром он пил чай, в полдень — ел мацони, и все это под мирную болтовню Эло.

Он не слушал, что она говорила. Стараясь его развлечь, она добросовестно рассказывала ему все известные ей новости, все события, какие происходили в Хашури и его окрестностях: Шахро наемни забил телку, Марту забрали в больницу...

Она еще что-то говорила про Марту, он не прислушивался. Негромкое журчание ее голоса ласкало слух, Татэ даже стало клонить ко сну, только не хотелось обижать жену, и он делал вид, что внимательно слушает ее, он кивал время от времени головой, таращил глаза. Он так увлекся этой игрой, что осмелился задать вопрос:

— И что же, отелилась?

— Кто?.. Марта? Да ты что говоришь? Марта ведь родила ребенка...

Татэ прикусил язык. «Какого черта я лезу с вопросами! Сиди себе и делай вид, что внимательно слушаешь, так нет ведь! Что может быть лучше, сидеть дождливым днем дома, слушать мирную болтовню жены, предаваясь безделью и покою... Есть в этом какая-то неповторимая прелесть, что-то очищающее душу... И вздремнуть можно украдкой. Да, да, вот так — прикрою лицо рукой, чтобы не видно было ей, и буду себе подремывать...»

Внезапно он почувствовал, как Эло обняла его за шею.

— Вставай, — сказала она с улыбкой, — чего ты себя мучаешь, ложись, спи.

Он встал, побрел к тахте, улегся и тотчас погрузился в сладкую дремоту. Эло долго хлопотала над ним, поправляла ему в изголовье мутаку, подтыкала за спину легонькое покрывало — не простудился бы... Потом принесла стул,

поставила стакан с водой. Татэ жаловался, что во сне у него пересыхает во рту.

Сквозь сон он слышал, как Эло напевала что-то тихим голосом. А может, плакала — кто его знает. Плакала о безвременно погибшем сыне, о неудачной невесте...

Уважение уважением, а дело — делом; тупик на станции Хашури понадобится для маневров. Списанный дуплекс, который стоял в тупике, занимая его, решено было отправить на Руставский металлургический завод. Не сегодня, завтра прицепят его к какому-нибудь товарному составу, и прощай, дуплекс!

Татэ, взволнованный и возбужденный, влетел в кабинет начальника депо Зураба Кобидзе.

— Слушай, Зураб, чего это все вы ополчились против этого несчастного дуплекса? Неужели хоть для музея он бы не пригодился?

— Тупик нам необходим, дядя Татэ. Ты ведь сам видишь, выросли мы, тесно нам стало...

— Это верно, Зураб, только какой металл даст вам мой старик... — голос у Татэ дрогнул.

— Не знаю, это уж металлурги вычислят. А почему ты спрашиваешь?

— А потому, что и у меня свой расчет есть.

— Во-первых, дядя Татэ, мы уже обещали его заводу, а вообще, ну сда-лась тебе эта рухлядь! Не домой же ты его забереешь? — И Кобидзе рассмеялся.

— Не смейся, Зураб, — тихо сказал Татэ. — Ты говоришь — места в тупике нет, а я заберу его оттуда, какое тебе дело куда!

— А все же куда, дядя Татэ?

— Словом, паровоз на лом я не отдаю, Зураб. Это решено.

— Кто это решил? — уже серьезно спросил Кобидзе.

— Я, Зураб, наперед знал, что ты мне откажешь. Потому — вот, читай приказ. На нем все печати, какие только на железной дороге существуют.

Зураб взял у него из рук бумагу и прочел. Начальник дороги приказывал передать списанный дуплекс безвозмездно средней школе села Ахалубани Хашурского района.

— На кой дьявол школе паровоз? — Кобидзе в полном недоумении вскочил со стула.

...На следующий день жители Хашури высыпали на станцию смотреть на необыкновенное зрелище: старый паровоз вкатили на большую двадцатидвухосную автоплатформу, которая тихим ходом направилась к Ахалубани.

Татэ стоял на автоплатформе и горделиво взирал на мельтешивший народ.

«Я же сказал, что-нибудь да придумаю, а не отдам тебя на слом», — любовно глядя на паровоз, шептал он. А паровоз перед отправкой тщательно вымыли, подкрасили, и теперь он не казался таким старым, каким был на самом деле.

Под вечер автоплатформа прибыла в Ахалубани. Дуплекс бережно скатили на землю и водрузили рядом со школой.

Татэ пробыл в селе Ахалубани всю неделю. Он пронаблюдал, как молодые ребята, деповские слесари, провели в школе трубы центрального отопления. Потом наполнили водой котел дуплекса, отремонтированный на совесть, загопили, и пар побежал уже не в поршни, а по трубам в классные комнаты и коридоры школы... Теперь уж дети не будут дрожать и кутаться во время уроков в шали и платки — в самые холодные дни в школе будет тепло.

Напоследок Татэ поднялся на паровоз, снял со стенки фотографию Эло. Они вместе вернулись домой — старый машинист и шестнадцатилетняя девушка с живыми черными глазами...

— Вот что я тебе скажу, Сулико: оставим здесь машину, а сами пойдем-ка погоним попутный грузовик, который взял бы ее на буксир, — посоветовал Татэ.

— Ну нет! — обиделся Сулико. — Если уж вы так спешите, пожалуйте, ступайте, а я мою машину не могу бросить на дороге, как беспризорную! Или вы думаете, я завтра снова такую машину куплю? Черт побери, она стоит столько денег, сколько килограммов в ней весу! Может, вы и того не знаете, кто в ней на фронте ездил?!

— Кто? — без особого интереса спросил Татэ.

— Оберштурманфюрер! А потом — сам фельдмаршал! Вот!..

— Ты смотри, а! — Татэ покачал головой, причмокнул губами. А про себя сказал: «Чем на такой машине ездить, лучше пешком ходить!». Затем он решительно взял свою шляпу, и Сулико понял, что он собрался уходить.

— Значит, бросаете меня? — воскликнул он.

— Не могу больше ждать, я и так опоздал...

... — Не могу больше ждать я и так опоздал, — сказал, уезжая в Тбилиси, Мириан. А через две недели, провалившись на приемных экзаменах на факультет железнодорожного транспорта политехнического института, он вернулся домой, не смея глаз поднять на деда.

— Очень уж скоро ты собрался, — сказал дед.

— Я от тебя слышал: попытка — не пытка.

— Попытка — дело серьезное, милый. Если бы ты поработал в депо хотя бы год, своими руками бы что-нибудь сделал и своими глазами поглядел, как и что делается, тебя не спровадили бы оттуда с таким треском.

— Ты знаешь, какой был конкурс!..

— Да брось ты, конкурс! Конкурс тому страшен, кто привык бездельничать и знаниями не богат, — махнув рукой, возразил Татэ. — К экзаменам надо быть по-настоящему готовым.

— Ты же сказал, что денег на подготовку у тебя нет...

— Деньги, деньги!.. Конечно, нет, и ни к чему. Сам должен готовиться, сам! — рассердился Татэ. — Ты сперва работал кассиром в клубе, потом заделался футболистом... и все ума не набрался.

— В институтах очень сложные экзамены, дедушка...

— Ничего сложного нет! Ты и твои приятели баклуши бьете, а потом вдруг сломя голову несетесь в Тбилиси — видите ли, в институт надумали поступать. Мало в городе своих бездельников... А здесь вам оставаться зазорно, так, что ли? Ты-то ведь и в армии отслужил, пора бы за ум взяться, не ребенок, слава богу!

— Знаешь... со мной там машинист один сдавал, из Тбилисского депо... — Мириан улыбулся смущенно.

— Ну и что?

— Попал.

— Вот видишь? — развел руками Татэ. — А я что говорю! Почему ты его не спросил, где он подготовился?

— Не знаю...

— Может, скажешь, часто занимался, с педагогами?

— Может быть...

— Да, тебе и вправду рановато в вуз поступать, — сказал Татэ. — Неужели ты не понимаешь, что машинисту на транспортный факультет дорога открыта?

— Правда, дедушка? — У Мириана просветлело лицо.

— Подготовился! — продолжал возмущаться Татэ. — Да пойми ты, дурень, его сама жизнь подготовила, за спиной его знания, которые он на практике приобрел, в работе!

— А мне что же делать? — Мириан, как на оракула, взирал на деда. — Он машинист... а я когда все это успею...

— Не будь малодушным, Мириан, — Татэ потрепал внука по плечу. — Если есть желание, горы свергнешь...

— А что мне в депо делать, дедушка?

— Как и все новички, послесарничай для начала, дальше видно будет.

Мириан начал работать в депо.

До работы он был охочий. Сноровистый, смекалистый, он быстро все схватывал. Машинист Нестор Гонгадзе, под началом у которого был Мириан, весьма довольный, рассказывал Татэ об успехах внука. Мириан, говорил Нестор, очень внимателен, сообразителен. Он изучал чертежи, запоминал каждую деталь, каждый винтик — где какой и для чего... Для приема локомотива машинисту и его помощнику дается всего десять-пятнадцать минут — время, за которое иной и инструменты-то не успеет уложить. Так вот, Нестор Гонгадзе говорил, что Мириан на удивление быстро и четко проверял двухсекционный электровоз в сто восемьдесят тонн весом, такую махину, остановку которой мог вызвать какой-то махонький перегоревший предохранитель.

«Если ты не можешь управлять собой, знай — не водить тебе локомотивы», — говаривал внуку Татэ.

А управлял он собой, Мириан? Влюбился в разведенную женщину с ребенком и, запутавшись, сбежал из дому, не зная, что решить, что делать...

«Значит, ты не любишь эту женщину, Мириан, — мысленно говорил ему Татэ. — Если бы по-настоящему любил — мир бы перевернул. А ты? Сбежал, скрылся, на людях глаз не кажешь. На черта тебе работа в депо, институт, если ты не в силах защитить и отстоять ту, которую любишь? Для чего тогда тебе все богатства мира, Мириан Хмаладзе?».

Управлял он собой?..

«Как тебе не совестно, мальчик, — мысленно упрекал его Татэ. — Ведь ни разу не спросил, как мы с бабушкой живем, что мы обо всем этом думаем. А может, мы и согласны? Может, мы ночи не спим, о тебе печалимся?.. Сердце человеческое — не раскрытая книга на родном языке, оно за семью замками таится, и когда оно говорит тебе словом «нет», может, тогда оно испытывает

тебя, может, именно тогда и кроется за этим «нет» заветное «да»... Ты должен бы все это понимать, Мириан, ты давно уже не ребенок...

На твоём пути горит красный, Мириан... выход закрыт. Ты глядишь на красный свет и знаешь — до катастрофы один шаг. А можешь ты сделать один единственный шаг, но верный шаг, который спасет тебя?..

Ты помнишь, я учил тебя: в плохую погоду крушения редки, Мириан, потому что в плохую погоду человек начеку. А в хорошую погоду, когда все ясно видно далеко впереди, глаз устаёт, острота зрения притупляется...

У тебя все ясно, Мириан? Может, ты задремал на минутку? Смотри, будь осторожен, чтобы не попасть под колеса жизни...

Что тяжелее — попасть под эти страшные колеса или... Нет, машинист не имеет права на ошибку, Мириан. А ты можешь ее совершить, ты слишком взбудоражен, у тебя душа не на месте, куда тебе в рейс, тебе надо прийти домой, отоспаться, успокоиться, а уж потом — в рейс...

Ты помнишь, я учил тебя: когда едешь из Дзирулы четным, зеленый всегда твой. Но не дай бог, чтобы твой глаз привык к этому! В тысячу первый раз зеленый окажется не твоим, и ты всей силой инерции налетишь на нечетный, идущий снизу... Помни это, Мириан!

Какова дорога твоей любви, Мириан? На зеленый идешь ты или на красный?..

Помнишь, я рассказывал тебе однажды, что один машинист вышел со станции, когда на всех выходах горели красные?.. Зрение подвело его... обмануло...

Не обманывает ли и тебя зрение? Может, на всех путях-дорожках твоей жизни горят красные, а ты... ни института, ни любви... Куда же стремится поезд твоей жизни, Мириан?

И еще говорил я тебе: диспетчер помогал опоздавшему поезду и пропускал его на всех станциях без остановки. Но на одной станции, по какой-то причине, на выходе горел красный, а машинист не заметил! Привык к зеленому, понимаешь ты... потому, что диспетчер все время ему помогал.

До сих пор ты был у меня под крылышком, я направлял твой поезд. Может, ты настолько привык к этому, что ждешь поводыря?.. Внезапно зажегся красный, и ты так растерялся, так испугался, что и не знаешь, как быть...

Помнишь, я учил тебя: когда ведешь локомотив, знай: какая бы ни была погода, как бы ты ни был утомлен, как бы ни хотелось тебе вздремнуть — всегда, говорил я, в любой миг ты должен видеть свой светофор. Свой! Который горит на твоём выходе, на твоём пути.

А видишь ли ты свой светофор на своём жизненном пути? А что если Мзия и есть тот единственный твой светофор, тот, который из всех предназначен одному тебе?.. А ты? Ты боишься прийти домой и поговорить со своими родными по-настоящему, серьезно. Боишься и стыдишься...

Если тебя одолевает сон, когда ты ведешь локомотив, — встань и веди его стоя на ногах, — это тоже говорил я тебе. Оботри лицо мокрым полотенцем. Включи радио... Отвечай помощнику в полный голос, чтобы звук твоего голоса отрезвил тебя... Черт с ним, в конце концов, заговори с диспетчером, спроси его что-нибудь, авось, разгонишь сон...

Ты еще так молод, Мириан, неужели сон одолевает тебя? А если нет, так что же с тобой делается, почему ты не можешь привести в дом женщину, которую любишь? Боишься? Стесняешься? Или самолюбие тобой верховодит? Вот он, корень зла — когда любовь и самолюбие взвешиваются на одних весах. Это не любовь, если ты любишь женщину, а заботишься о самом себе, только о себе. Это не любовь — запомни.

Вся моя жизнь прошла на перегоне Хашури—Зестафони, — сказал я тебе однажды. И ни один из дней не был похож на предыдущий или на последующий. Все мне знакомо на этом пути, и тем не менее каждый рейс чем-то отличен от другого и необычен. И человек должен быть таким — своеобразным и необычным. А ты обычный, Мириан. Обыкновенный. Обыкновенный эгоист. Ты обиделся на меня, но не стал спорить, возражать, отстаивать... Нет, ты сам себе нарисовал ад и сам же испугался этого ада. А настоящий мужчина настоящего ада не должен бояться, не только что нарисованного...

...Но что все-таки я сказал ему такого обидного?..»

Татэ давно знал, что Мириан тайно встречается с Мзией, знал, что она работает в Марелиси, но где она живет — вот этого он не знал. И еще он не знал, что ему предпринять, как поступить. Всякий раз в отсутствие Мириана он грозился, что «разорвет его на куски, пусть только попадет в руки», но всякий раз, когда Мириан, усталый, приходил из рейса и садился обедать, гнев Татэ улетучивался, он забывал о своих угрозах и с любовью глядел на внука — единственную отраду жизни, внука, который одновременно был для него и сыном. Много раз намеревался он сказать Мириану о том, что волновало его и лишило и

без того беспокойного сна, но никак не сумел поговорить с ним напрямик, без обиняков, по-мужски.

Однажды вечером Татэ вернулся откуда-то домой подвыпивший. Мириан лежал на тахте, отдыхал. Татэ уселся рядом. Мириан посмотрел на него и вдруг понял, что беспокоило деда, о чем он никак не рискнет заговорить.

— Дедушка, я хочу спросить тебя... — сказал он и, приподнявшись, сел. Теперь они сидели рядом, и особенно заметно было их сходство. Оба рослые, плечистые, оба черноволосые, чубатые, только у деда спина уже сутулая, да глаза, зававшие глаза, построже, да в волосах проседе.

— Ну, чего?

— Дедушка, почему мать не забрала меня с собой, когда от вас уходила? Татэ словно обухом по голове хватили — сразу протрезвел.

— О чем ты говоришь? Твоя мать бросила тебя, и она не достойна того, чтобы ты о ней думал.

— Я это знаю, деду, что мать меня бросила, что вы с бабушкой меня вырастили... Но как могла она бросить меня? Если Мзия бросит своего ребенка, я не смогу любить ее по-прежнему.

Татэ уставился на него в изумлении. Вот ведь куда загнул! Вот почему про мать спрашивает!

— Нет, Мириан! — он поднялся. — Чья-то бывшая жена мне в невестки не подойдет. Запомни — и выкинь эту женщину из сердца.

— Я ее люблю.

Мириан проговорил это спокойно, но покраснел и отвернул лицо от деда. — Слушай, Мириан! — вскипел тот. — Чего это тебе так приспичило, почему Хмаладзе должен привести в дом чужую семью!

— Дедушка! — вскричал Мириан и устремил на Татэ полные гнева глаза. У него дрожали губы. — Не повторяй больше этих слов!.. Я прошу тебя... — голос сорвался, сверкнули слезы, и он добавил чуть слышно: — Я люблю Мзию, и если только ты поймешь, деду...

Татэ тогда так и не уразумел, что он должен был понять. Он окинул внука насмешливым и гневным взглядом, даже хотел сказать что-нибудь резкое, обидное, но в глазах Мириана светилось столько чистоты и столько мольбы было в них, что слова застряли у Татэ в гортани, и он молча вышел во двор.

Он с трудом доволоч ноги до крана, отвернул его до отказа, подставил разгоряченную голову под холодную струю. «Господи, чем же я так провинился... моя невестка, жена моего сына отравила мне старость... неужели и жена внука принесет лишь горе?» Шею, плечи грудь — все охлаждала вода, а из-под сомкнутых век выкатывались горячие слезы...

— Друг познается в беде! — воскликнул Сулико. — Чего ты испугался, дед? Целых два километра я вез тебя с шиком, как президента Америки, а когда нас остановила какая-то пустяковина, ты бросаешь меня одного в ночи, на дороге?..

— Что мне делать, скажи? — Татэ сразу расгереялся и огорчился.

— Давай что-нибудь придумаем... не без того, что по этой дороге кто-нибудь да проедет — либо на лошади, либо на машине. У меня в багажнике есть трос. Возьмут нас на буксир, и вся недолга! Мигом будем в Молити! Ну ты подумай, куда ты на ночь глядя потащишься? А если свалишься с какого-нибудь обрыва в Чхеримелу? Как мне тебя спасти — я тут, а ты там! Думаешь, что делаешь?

Татэ совсем спит. Правда, идти одному в ночь было не очень-то приятно, однако и путешествие с Сулико сулило не бог весть какую радость; с этим чудачком не угадаешь, в какую беду попадешь... Он стоял в полной нерешительности.

— А вон всадник! — воскликнул радостно Сулико. — Эй, приятель, эге-ге-ей! — завопил он. — Поворачивай сюда своего скакуна! — И когда всадник приблизился, Сулико сообщил ему:

— Ты гляди, как тебе повезло, приятель: твоей плюгавой кобылке выпала великая честь: тащить на себе шестьдесят восемь лошадей и фельдмаршала! Ха-ха-ха!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Кое-как прицепили трос, и «плюгавая кобылка» довольно резво поволокла по дороге вонец раздолбаный «Ошпель».

Сулико, весь обливаясь потом, то и дело крутил руль, потому что лошадь, обеспокоенная странным грузом, вихляла из стороны в сторону, и машину бросало от обочины к обочине.

Татэ молчал, но нервничал страшно: он знал, что электричка уже вышла из Зестафони, и, если он не успеет в Молити, придется ему ждать до полуночи товарного. Сказывались усталость и напряжение целого дня — он несколько раз задремал, и только толчки машины, которую видел из стороны в сторону, отрезвляли его.

— Нет, вы посмотрите на эту клячу! — презрительно посмеивался Сулико. — И ее хозяин воображает, что он имеет коня! Эхе-хе, чего только не увидишь, чего не услышишь...

Было совсем темно, и Сулико включил фары. Лошадь от света совершенно обалдела. Она побежала рысцой, потом вдруг остановилась и в изумлении обернулась на машину.

— Устала лошадь! — с неудовольствием сказал крестьянин. — Придется вам пешочком идти, а с моей кобылки хватит, сколько она вас тащила.

— Чего это ты, добрый человек! Мы ведь тебя отблагодарим...

— Это мы посмотрим, — отрезал крестьянин. — Сегодня моя кобылка так наработалась, что ей неделю отдохнуть надо и подкормиться как следует, не то она у меня ноги протянет.

— Ну так веди своего рысака в стойло, кто тебе мешает, — развел руками Сулико.

— От насмешки еще никто не умирал, — обиделся крестьянин. — Рысак это или битюг, а нашей семье другого не нужно. Мы с тобой о цене не сговаривались, свои, мол, вроде, люди, а теперь...

— Дам я тебе два рубля, — беспечно проговорил Сулико и сунул руку в карман.

— Не нужно мне ваших двух рублей, — холодно бросил крестьянин и отвернулся. — Коли вы такие нищие, я вас и даром отвезу. Будто подарил кому...

— Чего обижаешься, не подарю ведь я тебе машину за то, что ты меня три километра провезешь!

— А по мне, так любая лошадь лучше такой машины! — разозлившись вконец, ответил крестьянин и сел в седло.

Но трос тем не менее натянулся, и машина, вихляя из стороны в сторону поехала по спуску. Лошадь с трудом ее сдерживала, а Татэ в полусне казался, будто ему еще раз пришлось останавливать покотившийся по спуску Молити—Марелиси состав...

Было двенадцать часов ночи, когда Татэ поднялся в Зестафони на электровоз.

Это был обыкновенный восьмисный ВЛ 8—1568, дитя Тбилисского электровозостроительного завода, на котором Татэ ездил множество раз.

Войдя в кабину, Татэ первым делом глянул на манометр главного резервуара. Манометр показывал 4,5 атмосферы. Воздуха на электровозе было достаточно.

Передний токоприемник примыкал к контактной линии, но Татэ предупредили, чтобы он проверил камеру высокого напряжения. Татэ опустил токоприемник, включил автомат, установил селекционную рукоятку на позицию. Потом он вышел из кабины, тщательно проверил камеру высокого напряжения и отдал распоряжение помощнику проверить колесные пары и подшипники по всему составу.

Сухогрузный стоял примерно в четырехстах метрах от станции Зестафони. Помощник, закончив осмотр тормозов, поднялся на электровоз и проверил lampu главного прожектора.

Татэ уже сидел на своем месте и глядел на путь. Все было в порядке. Ждали зеленого.

— Зеленый, — сказал помощник Како.

Татэ дал гудок, перевел рукоятку переключения реверса с нуля на переднее положение, а селективную рукоятку сначала на переднюю, а потом на последующую позицию. Трехтысячетонный поезд тронулся легко и бесшумно.

Хмаладзе взглянул на скоростеметр, который заработал с момента движения поезда. Теперь этот автомат запишет в точности все — с какой скоростью машинист вел электровоз, на какой станции останавливался, каково было действие тормозов, где сколько времени стоял. А потом, в депо, просмотрят пленку скоростеметра, вычислят, уложился или нет машинист в отведенное на перегон от станции отправления до станции назначения время. Татэ любил этот хитроумный прибор, который всегда выступал беспристрастным свидетелем каждого вдоха машиниста.

— Тяжелый у нас сегодня поезд, — сказал Како.

Татэ не отрывал глаз от приборов, все время наблюдал, чтобы моторы тяги работали нормально. Он по опыту знал, что, стояло на миг позабыть о ре-

тулировании тока, между коллектором и щеткой возникнет коммутация, и тогда не присмотри вовремя, — сгорит мотор. Правда, быстродействующий автомат сам выключит ток на электровозе и остановит поезд, но все это будет поздно и машинисту не миновать ДОСа.

Хмаладзе левой рукой взял журнал технического состояния электровоза и перелистал его. Предыдущая бригада не записывала ничего особенного. Значит, ехать можно было спокойно.

— Зеленый, — сказал помощник.

— Есть зеленый, — отозвался Татэ.

Похожая на шатер платформа осталась позади, вот уже и Зестафони, раскинувшийся по обоим берегам Квирилы, скрылся из глаз. Татэ проследил взглядом ветку, идущую на Чаатура. Оттуда еще не видно было поезда.

— Зеленый-желтый! — сказал Како.

— Чего это Шоралани мудрит? Принимает, а выход закрывает! — удивился Татэ и взялся за трубку радиации. — Дежурный! Дежурный Шоралани!..

— Шоралани слушает! — послышалось оттуда. Потом что-то захрипело, Татэ постучал по рычагу.

— Говорит машинист две тысячи тридцать седьмого Хмаладзе! Почему выход закрыт?

— Ожидаем пассажирского.

— Опаздывает?

— Немного.

На линии внезапно загорелся желтый, и Татэ больше ничего не спросил у дежурного по станции, Шоралани принимал сухогрузный на главный путь, где он должен был ждать пассажирский.

— Подождем, а потом я скажу диспетчеру, — сказал Татэ.

— Да, следует, а то, если нас так будут останавливать, мы вылетим из расписания, — поддержал помощник.

Как только пассажирский вошел на станцию Шоралани, дежурный тотчас открыл путь сухогрузному 2337. Татэ успокоился.

— Ну, ладно, а то я уже собрался говорить диспетчеру.

— Тарасий Мачаидзе толковый человек. Потому-то его и повысили, дежурным по станции Шоралани выдвинули.

— Бедняга, из-за зрения он вынужден был уйти с электровоза, а какой машинист был!

— Небось, он и сам сколько раз стоял в ожидании зеленого, а?

— В те времена диспетчера по движению не было, — сказал Татэ и перевел селективную рукоятку на последнюю позицию. — Дежурные провозжали поезд железом. Теперь работать легко, у диспетчера перед глазами лежит чертеж, он как на ладони видит все станции и поезда на перегоне.

— На Самтредском участке поездами управляют с центрального пульта. Вот это да! — восторженно проговорил помощник и добавил: — Зеленый.

— Есть зеленый, — повторил Татэ. — Ты только вообрази, Како: диспетчер в своем кабинете повернет рукоятку, и где-то, на каком-то участке, стрелка повернет рукоятку и закроет путь какому-то поезду!

— А что же дежурный по станции делает?

— Ничего. На Самтредском участке и вовсе нет дежурных. Все делает один диспетчер. Вот техника!

— Значит, Тарасия Мачаидзе скоро того... попросят?

— Когда и наш участок перейдет на центральный пульт...

— Прямо как в сказке, дядя Татэ! Зеленый!

— Есть зеленый!

— Как в сказке... сидит человек где-то за десять километров и с закрытыми глазами, можно сказать, ведет поезд!

— Ничего себе «с закрытыми глазами»! — засмеялся Татэ. — Автоблокировка и центральная диспетчерская работают с математической точностью.

— Но ведь иной раз и математики ошибаются...

— Ошибку у нас сразу узнаешь. Ты же сам видел — сколько раз оказывался поврежден путь, столько раз автоблокировка сама зажигала красный. Будто звала — вот большой лежит, идите помогите... Чего еще тебе от техники надо?

— Зеленый!

— Есть зеленый!

— А вот, дядя Татэ, у нас-то на железной дороге, это верно, техника хорошая, но почему землетрясения заранее не узнают? Помню, в школе нас учили, что сейсмограф ощущает самые незначительные толчки даже в самом центре земли на глубине ста километров...

— Ты сомневаешься, что ощущает? — спросил Татэ, окидывая взглядом локомотивную сигнализацию. Затем он проверил «сигнал бдительности», кото-

рый миг разбудил бы задремавшего машиниста. «Поди, попробуй, не выключи его вовремя, — автоматический тормоз в одно мгновение остановит поезд... Техника, техника...»

— А как же тогда ташкентское землетрясение? Только после того, как там все провалилось, сообщили, что было, мол, землетрясение, мощнейший толчок. Вот тебе и сейсмограф!..

Они шли по спуску вниз. Татэ установил селективную рукоятку на режим рекомпиляции. Электровоз теперь шел силой инерции, моторы его сами превратились в генераторы и возвращали электроэнергию контактной линии. Татэ поглядел на бланк предупреждения, где было указано, на каком участке с какой скоростью идти ввиду ремонтных работ либо плохого состояния пути, и подумал: «Если собрать воедино расход электроэнергии всех электровозов в момент торможения поезда, можно не только окупить все ремонтные работы, можно золотые рельсы проложить! Почему над этим не задумываются?».

— В Ташкенте произошло настоящее бедствие, — сказал он вслух. — Знаешь, сколько стройматериалов только от нас туда идет? Большой был город.

— Больше миллиона жителей! Зеленый, дядя Татэ.

— Есть зеленый! Представляешь, сколько домов там нужно построить? Это не шутки — заново отстраивать разрушенный город.

— Когда теперь будет моя квартира!

— Да, придется подождать, — задумчиво проговорил Татэ. — Что же делать, ты, правда, снимаешь комнату, это накладно, но все равно крыша над головой у тебя есть, а там люди под открытым небом остались...

— Да ну что ты, дядя Татэ, разве я к тому говорю!

Рация подавала сигнал. Татэ снял трубку.

— Дзирула! Дзирула!.. Четный товарный! — вызывал диспетчер. — Ответьте, четный товарный!..

— Отчего он не отвечает? — обратился Татэ к Како.

— Может, рация у них испортилась.

— Дзирула!.. Четный товарный!.. — надрывался диспетчер.

— Дежурный по станции! — передал по рации Татэ. — Дзирула! Дежурный по станции!

— Дежурный по станции слушает!

— Говорит машинист нечетного товарного Хмаладзе. Вхожу в Дзирулу. Почему четный товарный не отвечает диспетчеру?

— Четного в Дзируле нет... — зазвучал звонкий голос дежурного.

— Вы меня останавливаете?! — вскричал Татэ. — А где четный? Почему не отвечает диспетчеру?

— Дзирула!.. Дзирула!.. — зывал из Тбилиси диспетчер.

— Четный вошел! Четный вошел! — радостно возвестил дежурный из Дзирулы.

— Слава богу! — проговорил Татэ и, опуская трубку, услышал, как машинист четного наконец-таки ответил настойчивым вызовам диспетчера.

— Желтый мигающий — желтый, — сказал Како.

— Пропустил! На боковой путь, но все же пропустил! — обрадованно сказал Татэ и перевел селективную рукоятку снова вперед — отсюда начинался уже подъем.

Како открыл окно, выглянул, чтобы увидеть стоящий слева четный товарный.

— Что у них там испортилось? — спросил Татэ.

— Никого не видно снаружи, — недовольно пробурчал Како. — Зеленый!

— Есть зеленый!

Электровоз миновал станцию Дзирулу на скорости 60 километров и продолжил путь.

В открытое окно электровоза ворвался шум воды. Татэ при свете прожектора увидел хорошо знакомую ему бурную Дзирулу. Она брала начало высоко в горах, срывалась с перевала Рикоты и ниже сливалась с Чхеримелой. Слева лежала деревня Цева. На том берегу — ресторан, который тоже назывался «Цева». Про этот ресторан, почему-то очень дорогой, даже песенку сложили, в которой пелось, что у посетившего «Цеву» поднимается давление крови и падает давление кармана. Татэ еще не бывал в «Цеве» и не страдал давлением, слава богу.

— Зеленый, — сказал Како.

— Есть зеленый!

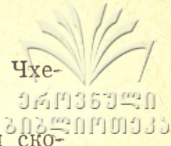
Проехали платформу Лаше. Вот и деревня Лаше. Сейчас, в темноте, не видно, но Татэ знает — за мостом, на горе, стоят развалины древних крепостных стен, сторожевые башни...

Поезд прошел Хандебский тоннель. Дальше — село Белый ключ.

— Отсюда родом Шалва и Илико Вепхадзе, — проговорил Татэ.

— Хорошие машинисты, — отозвался Како — Зеленый.

— Есть зеленый!
Показалась деревня Базалети. Дорога постепенно поднималась в гору, Чхеримела, как верный страж, все время бежала рядом с поездом.

— Желтый, — сказал Како.

— Харагоули останавливает, — недовольно проговорил Татэ и сбавил скорость, входя на станцию.

После Харагоули вскоре показался мост, затем — деревня Сагандзиле.

— Зеленый, — сказал Како.

Еще деревня — Зарани. Теперь уже пойдет Марелисская мебельная фабрика и станция Марелиси.

— Остановят нас в Марелиси? — спросил Како.

— Непременно, — ответил Татэ. — Тормоза ведь надо проверить. Да, кстати, ты в Марелиси сойди и осмотри магистраль. Мне что-то не нравится тормоз поезда.

— Желтый!

— Есть желтый!

Сухогрузный 2337 входил на станцию Марелиси.

...Како быстро сошел, проверил магистраль.

— Маленькое повреждение, я сейчас исправлю! — крикнул он снизу.

Татэ кивнул ему из окна и глянул на путь. Встречного не видать, зачем же дежурный останавливает, — удивился Татэ. Впрочем, остановка была ему сейчас на руку — за это время Како приведет в порядок магистраль.

В это время он увидел, как из кабинета дежурного по станции выбежало несколько человек. Татэ взял трубку радики, чтобы узнать, что случилось.

— Дежурный станции Марелиси! Дежурный по станции!.. — звучал в трубке чей-то взволнованный голос. — Слушай, случилось несчастье! Не подложи тормозные башмаки, и вагоны убежали!.. Снимите с линии поезда!.. Освободите улавливающий тупик!..

Татэ прошиб холодный пот. Руки одеревенели. Только машинист понимал, какую беду несли с собой убежавшие из Молити вагоны!..

— Како! — крикнул он помощнику. — Разъедини магистраль и отцепи электровоз!

— Зачем?! Зачем отцепить электровоз? — изумился Како.

— Отцепи, раз говорю! — резко крикнул Татэ. — И стой там!

«Хотя бы их мало было, тех вагонов! — думал Татэ. — Как может дежурный по станции остановить убежавшие вагоны? Чем?!»

И вдруг молнией прорезала мозг мысль:

«Я должен выйти навстречу!.. Может, сумею остановить!»

Отцепленный электровоз отошел от поезда, и Татэ сразу развил большую скорость.

— Дядя Татэ! Дядя Татэ! — донесся до него испуганный крик.

«Он уже не угонится за электровозом... — Татэ смотрел в окно. — Так лучше... Он еще молод!..»

За электровозом бежали железнодорожники.

Татэ пошел на красный. Взялся за трубку радики.

— Диспетчер! — передал он. — Говорит машинист нечетного Хмаладзе. Я вышел из Марелиси на красный!..

— Ты с ума сошел, Хмаладзе?! — донесся недоумевающий голос диспетчера из Тбилиси.

— Из Молити убежали вагоны... — он старался говорить спокойно. — Не знаю, сколько... иду навстречу... может, удастся остановить!..

— Хмаладзе, сейчас же возвращайся назад! Приказываю! Освободите улавливающий тупик и пустите туда вагоны!

— Поздно, диспетчер! — тихо проговорил Татэ. — Я уже вижу вагоны!..

— Хмаладзе!.. Хмаладзе!..

Татэ мысленно видел, какая тревога поднялась за сто пятьдесят километров отсюда, в тбилисской диспетчерской, но теперь это для него было уже за какой-то чертой!

Да, это был тот самый поезд, с которым он должен был встретиться в Молити. «Слишком рано мы встречаемся!..»

Около двадцати вагонов... Они постепенно развивали скорость. Татэ прикинул — наверное, километров 60.

Сейчас только он мог остановить эти вагоны.

Страха уже не было. Было напряженное ожидание.

Вагоны приближались. Татэ видел тяжело нагруженные строительным лесом платформы.

Эти платформы с грузом весили не менее тысячи тонн. Поезд шел на скорости 60 километров в час. Следовательно, сила удара при столкновении в два раза превысит вес поезда.

А электровоз, поднимающийся навстречу из Марелиси, весит всего-навсего сто восемьдесят тонн.

«Значит, один к десяти?» — подумал Татэ.

Он понял, что это — гибель. Только пути назад уже не было. Там, позади, был сухогрузный 2337, позади была станция Марелиси, позади были люди!

В последние минуты он понял, что эта встреча была глупостью. Приблизившись к поезду метров на тридцать, он перевел рукоятку реверса на ноль.

Электровоз прошел по инерции немного и остановился на миг, потом пошел обратно, к Марелиси.

Татэ перекрыл в кабине тормозные краны, пробежал коридор первой секции, перешел во вторую, оттуда — в кабину, смотревшую на Марелиси.

Он выглянул в окно и посмотрел на приблизившийся поезд. Поезд шел уже на скорости 70 километров. Татэ поднял скорость электровоза до 60. И вдруг всем телом ощутил, как поезд наел на его электровоз.

Прежде чем ударная сила швырнула вперед электровоз, за какие-то несколько мгновений Татэ успел произвести автосцепку с первым вагоном. Послышался грохот, треск, но автосцепка не выключилась. Теперь электровоз Татэ надел узду на поезд.

Это была первая победа.

Он сбавил скорость, потом потянул прямодействующий кран и затормозил электровоз. Никакого эффекта!

Хмаладзе знал, что у его электровоза ВЛ 8—1568 отличный тормоз, но налегающий сзади богатырь играл с локомотивом, как с детской коляской, и катил его по рельсам.

«Если бы мне как-нибудь перейти в заднюю секцию, попытаться с мостика соединить магистраль, я остановлю поезд. Сейчас его держит только электровозный тормоз, а вагоны катятся свободно, потому что труба магистрали не соединена...»

«Что ты говоришь, Хмаладзе? Как ты соединишь магистраль, не сходя на землю? Но если даже произойдет чудо и ты сможешь это сделать, все равно ничего не выйдет: чтобы заработала магистраль, компрессоры электровоза должны заполнить воздухом запасные резервуары вагонов, а на это нужно самое меньшее пять минут. Но поезд идет уже со скоростью 80 километров... за пять минут он пройдет 6 километров. Ты слышишь, Хмаладзе? А до улавливающего тупика осталось всего-навсего 3 километра! Три! Так что, если бы ты даже и смог соединить магистраль, это уже не имеет смысла».

Электровоз со скрежетом шел по рельсам. Подшипники дымили. Пахло горячей сталью.

«А если даже поезд войдет в улавливающий тупик, он может произвести взрез стрелки и понестись вниз, к Харагоули. Тогда он полетит в обрыв... Главная дорога Грузии бог знает на сколько времени будет закрыта...»

Татэ наглухо перекрыл тормоз электровоза, перевел рукоятку реверса на задний ход. Но поезд на спуске все набирал скорость.

Колесные пары электровоза давно уже не вращаются...

Теперь Татэ думал только об одном: как-нибудь ввести поезд в улавливающий тупик.

Он не отрывал пальца от кнопки песочницы, песок обильно сыпался на рельсы, способствуя торможению...

Он глянул на спидометр. Стрелка показывала 70. Это его обрадовало.

«Если бы я не встретил его, он сейчас несся бы со скоростью 140 километров. Тут уж не только улавливающий тупик, а и Рикотский перевал его не остановил...»

Еще Татэ боялся пожара, который может вспыхнуть, когда они ворвутся в тупик. Правда, если перевести электровоз на рекоперацию, ток вернется на контактную линию, на электровозе будет низковольтное напряжение, и угроза пожара снимется. Но тогда и тормоза не будет, а тормоз был единственным спасением.

Показалась станция Марелиси. Татэ увидел на путях толпу людей. Впереди всех стояли Како и дежурный по станции. Все они махали руками и что-то кричали... Потом сошли с пути, и поезд пронесся...

До входа в тупик Татэ хотел было опустить токоприемник, но вспомнил, что в тупике на контактной линии обычно не было напряжения, и он снял руку с кнопки токоприемника. Непроизвольно повернул кран машиниста. Послышалось тшкетное сипение магистрали... Поезд со скоростью 60 километров влетел в улавливающий тупик.

Раздался грохот сталкивающихся друг с другом вагонов. Постепенно утихло эхо. Поезд остановился.

Татэ соскочил с места, свесившись с лесенки, оглядел состав.

Все вагоны стояли на рельсах. К электровозу бежали люди.

Татэ вернулся в кабину, снял трубку ради и попросил диспетчера движения объявить на перегоне Марелиси—Молити десятиминутное окно, чтобы машинист Хмаладзе успел прицепить свой электровоз к сухогрузному 2337.

Ошалевший от радости диспетчер прокричал с того конца что-то невнятное. Татэ уже не слушал. Он вдруг почувствовал, как он устал...

Да, очень он сегодня устал... Татэ открыл глаза и увидел невдалеке огоньки. Теперь и впрямь можно было пойти пешком.

Станция Молити была по левую сторону дороги, а само село лежало прямо, на горе.

Татэ прошелся по платформе, снял свою шляпу и оглядел стоявший на втором пути сухогрузный поезд. Проверяющая бригада тщательно осматривала тормоза, потому что от самой Ципа до Молити поезд шел как в кандалах. И опять предстал спуск до Марелиси, потому осмотр был особо строгий.

На станции никого не было. Электричка должна прийти через двадцать минут. Татэ уедет на ней домой, а завтра с утра вернется уже прямо сюда и отсюда продолжит поиски внука. Ночевать здесь не имело смысла.

Утомленный всеми перипетиями дня и особенно путешествием с Сулико на его «Оптеле», Татэ с удовольствием вдыхал свежий ночной воздух и прохаживаясь по перрону:

Вдруг с шоссеиной дороги донесся какой-то шум. Татэ вышел на шоссе, увидел грузовик с включенными фарами, к которому подбежал какой-то стройный высокий парень.

Татэ пригляделся. Парень стоял возле кузова влоборота, схватившись рукой за борт. В темноте, рассеянной светом фар, неясно очерчивались его фигура и лицо, но Татэ достаточно было и этого — он узнал внука.

— Мириан! — крикнул он.

Парень снял ногу с колеса грузовика и оглянулся.

— Дедушка..!

— Ах ты разбойник этакий! — подходя, говорил Татэ. — И не стыдно тебе... — он сперва потрепал его по щеке, потом не сдержался, прижал к груди и расцеловал. — Где ты пропадаешь столько времени...

— Как я соскучился по вас, деду, — сказал Мириан, откинув со лба вихор.

— Разбойник, ах, разбойник... с утра пешком хожу, все кругом облазил, а он — вот он, голубчик!..

— Пешком? Почему? Откуда пешком?..

— От самого Тэзери я не пропустил ни одной платформы, ни одной доревни! — Татэ глубоко вздохнул. — Э-э, долгая история, расскажу потом... Знаешь, я обещал твоей бабушке сегодня же вечером доставить тебя домой... Ну как, сам придешь или силком тебя волоочь? — счастливо засмеялся Татэ.

— Приду, деду, приду... — Мириан потупился. Потом поглядел на часы. — Опаздываю я, деду... и шофер торопится... В 23.00 надо быть в Зестафони.

— Работаеть сегодня?

— Да, утром на заре приеду в Хашури.

— Ну, смотри, сразу домой... — Татэ протянул ему руку. — Смотри, слово — слово!

— Приду, дедушка, приду.

— Счастливого пути, сынок!..

Мириан забрался в кузов грузовика и ухватился рукой за крышу кабины. Машина двинулась, и вскоре свет фар поглотила густая ночь.

Татэ стоял некоторое время неподвижно. Потом в глубокой задумчивости направился к перрону. Электричка уже одолела Марелисский подъем и стояла перед светсфором в ожидании «зеленого».

Татэ не терпелось поскорее попасть домой. Он предвкушал, как скажет Эло негромким голосом, лукаво улыбаясь в усы: «Ну, поймал я нашего беглеца-разбойника, встречай его на заре».

Безлунная ночь укутывала Молити. Дул сильный ветер.

ОТ СТАНЦИИ ДО СТАНЦИИ — РАССКАЗ

Вагоны, останавливаясь, громыхали буферами. Потом грохот прекратился, но еще некоторое время лязгал и скрежетал металл. Наконец все стихло, только шумно дышал паровоз.

В вагоне теплушки было темно.

По двери вагона кто-то колотил рукой в рукавице.

— Есть тут кто? Откройте, бога ради!

Изнутри долго дергали тяжелую широкую дверь. Она примерзла и не поддавалась. Наконец дверь чуть-чуть сдвинулась.

Снаружи — белесая мгла, снег и мрак.

— Кто стучал? Что случилось?

— Сделай доброе дело, довези до соседней станции!

— Гражданский?

— А что с того?

— А то, что эшелон военный.

— Знаю.

— Гражданских пускать не велено.

— Коли на то пошло, нынче все мы военные, все солдаты.

— Это, положим, ты верно говоришь, только я сюда даже солдата чужого и то не впущу без разрешения начальника.

— Где ж в эту темень начальника искать?

— Я закон переступить не могу.

— А ты не переступай, ты обойди.

— Легче тебе эшелон обойти, чем мне закон.

— Эшелон обойти сейчас очень даже трудно, он во-о какой длинный, а земля вся обледенелая, шагу не ступишь.

— Магеллан земной шар обошел, оно, пожалуй, труднее! Коли эшелон имеет начальника, значит, требуется он. В первом вагоне он, начальник. Пойди и поговори.

— Начальник всегда строже подчиненных, потому начальника и назначают. Для начальника закон — главное дело.

— Я смотрю — язык у тебя, что бритва, остер. Ты самого черта за рога к луне привяжешь, неужто командира не уговоришь?

— Чего ты меня к начальнику отсылаешь, сам-то ты не человек? А вдруг да откажет ваш начальник, куда мне тогда податься в эту гололедицу? К богу, что ли? Впусти, впусти меня, не бойся, мир на храбрых держится, не на трусах!

— Вагон и без тебя битком набит.

— Вот и хорошо, раз набит! Теплее будет.

— Хорошо, когда ружье пулями набито.

— Эх, ружье хошь с пулями, хошь без пуль — все одно, будь оно проклято! Кроме смерти и горя, ничего оно не приносит. Через это твое ружье мы и мучимся сейчас!

— Эге, человеку с такими мыслями в солдатском вагоне не место! Ты часом не подослан, а? Проходи, проходи, брат, с тобой и в беду недолго попасть. Ишь, чего наговорил, а?!

— Я по голосу чувствую — ты парень добрый, чего меня мытаришь. Не ночевать же мне на морозе! Впусти в вагон, пожалей бедную женщину!

— Эге! Выходит ты женщина?

— А ты до сих пор не разобрался?

— Да уж больно голос густой у тебя...

— Какой уж тут голос, когда мороз глотку сдавит да еще платком рот прикроешь.

— Ты одна?

— Одна, одна как перст!

— Дверь намертво примерзла, подсоби-ка мне с той стороны, сдвинем ее чуточку, чтобы ты пролезть могла. А ну, раз, два!

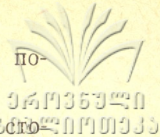
Короткая схватка с дверью и...

— Хватит, давай руку!

— Сперва держи это! — женщина закинула в вагон мешок, потом ухватилась за протянутую руку и взобралась в вагон.

Дверь открывалась с трудом, зато закрывалась легко, только льдинки похрустывали.

— Темно-то как!..

— А для чего тебе здесь свет! Хорошего ничего не увидишь. С обеих сторон — широкие дощатые нарты в два этажа, на них люди — как сельди в бочке. В одном углу — печка. Давай положим твой мешок тут, возле стенки. Чего это у тебя в мешке-то? Не взрывчатка?

— Мне взрывчатки хватает там, где я работаю.

— Что, на военном заводе?

— Ага. Снаряды делаем.

— Ты и вправду солдат.

— На то и война! Нынче каждый, у кого руки — ноги есть, в шинели он или нет — все одно, солдат, боец.

Солдат подвинул мешок к стенке.

— Лук, что ли?

— Ага, горький лук и немного сладкой свеклы.

— Ты смотри! Твой мешок все равно как жизнь наша! Кто же взвалил на тебя эту горько-сладкую ношу?

— Кто родил, тот и взвалил. Гостила я у матери, она меня и одарила.

— А у нее что, лишнее было?

— Сейчас лишнего ни у кого нет, каждый кусок вымерен, высчитан, взвешен.

— Матери все одинаковы, все друг на друга похожи.

— Слава богу, что все одинаково такие, иначе кто его знает, как бы все в мире повернулось.

— У тебя есть дети?

— Да нет... нету у меня детей.

— А муж?

— Помер. Три месяца всего мы с ним пожили... После того я и не вышла замуж.

— Что так? Ребенка ведь хочешь иметь?

— Женщина без ребенка, что дерево без листьев... и того хуже... только...

— Ага раз мужа-то нет, значит...

— Да, без мужа только у пресвятой девы сын родился.

— Ой ли? Только у нее? А я вот скольких знаю, сама-то безмужняя, а ребенок по двору бегаёт.

— Сладко поешь...

— Да, и, между прочим, говорят, будто такие дети, незаконные то есть, всегда какие-то особенные бывают... гениальные! Верно, потому гении законов не признают: родились без закона и живут себе свободно...

— Раз я тебя заставила закон нарушить, так ты такие песенки поешь? У слов твоих кожура медовая, а сердцевина горчичная. Ты другим это пой... А ну, руки убери! Вот так-то! Постой, постой, ты, значит, врал мне — солдатский вагон да военный эшелон!..

— Как это врал?

— Так! Где шинель твоя, ежели ты солдат? Темнота, знаешь, у глаз зрение отняла да рука передала. Пальто на тебе суконное, мягкое...

— А-а! Так обмундирование нам в части выдадут, по прибытии.

— Это почему? Загодя разве не лучше?

— Нам лучше, конечно, да ведь дорога длинная... вот свое и донашиваем...

— Кому же от этого польза?

— Если бы нам выдали форму на месте, мы бы свою одежду либо родным отдали, либо продали.

— Что же в этом дурного, не пойму! Для чего же с дороги посылки слать, когда можно из рук в руки передать?

— Дуреха ты, война по головке никого не гладит. Сколько народу крова лишилось, сколько остались в чем мама родила после бомбежек и эвакуации... беженцев сколько... Вот кому наша одежда пойдет, поняла? Тут тебе и прок, и польза, как хочешь понимай. Мы на это жаловаться не будем, понятное дело, знаем ведь, как туго приходится всей стране. Пусть, кому достанется, носит на здоровье. Из нас многие и домой-то не вернутся, а одежда — кому она нужна! Пусть согреет кого-нибудь из тех, кто потерял все, кроме жизни.

— А ты, оказывается, ученый, все знаешь. И язык у тебя не в меру длинен, не дай бог кто-нибудь за него схватится, лучше укороти ты его, долго ли до беды...

— Кто беды боится, не ходит тому с поднятой головой. Мы люди, не ба-

раны.

— Тьфу, вонища-то какая, прости господи! Вы что же, одну свеклу и едите?

— Не-е, нас мерзлым хлебом с колбасой кормят. Но вчера мы и вправду свеклой разжились. На путях стоял открытый товарный состав. Наши учуяли, чем платформы гружены, один из ребят забрался, разгреб снег и ссыпал немного свеклы. Мы ведь уже более двух недель по этой дороге мыкаемся, ребята поизголодались, чего уж греха таить. Как увидели свеклу, разом налетели. Я тоже заки понабывали, одним словом запаслись.

— Какой прок фронту от таких голодных людей!

— Солдат с набитым брюхом не вояка. Что он будет таскать, винтовку или брюхо свое? Кроме того, мечту должен он иметь: если солдат о светлых днях не будет мечтать, как же он черные ночи скоротает? Сытый, довольный, спокойный — чего такому солдату воевать?

— Но вы-то еще не вояки.

— А как же! Мы уже без пяти минут и вояки, а за эти пять минут надо нам пообвыкнуться, к солдатской жизни притерпеться. Неженкам в окопе не место.

— У тебя, как я погляжу, и сердце особенное, и язык.

— Да уж каким мать родила, такой есть.

— Глаз у тебя остер, как у черта глаз.

— Почему? Разве правду только чертов глаз видит?

— Правду, брат, многие видят, да мало кто говорит ее.

— Если хоть кто-то говорит, не умрет она, правда.

— А храп тут у вас богатырский! Кроме тебя, верно, все спят.

— А у тебя тоже глаз зоркий — все замечаешь. Я дежурный — среди стольких людей кто-то один должен бодрствовать.

— А куда вы едете?

— Почему мне знаты! Об этом солдатам не говорят.

— Ты, видно, не в первый раз в армии.

— В армии-то я в первый раз, но про солдатскую службу давно все знаю.

— Чего это поезд так долго стоит? Скучно на одном месте стоять.

— Наверное, паровоз воду набирает.

— Сказал тоже! На этой станции и водокачки-то нет.

— Да чего ему спешить, поезду! Не на свадьбу едет!

— Я спешу. Мне, если я вовремя на завод не поспею, сам знаешь, меду не поднесут.

— А ты любишь мед?

— Кто его не любит! Конечно, люблю, если он не азалиевый.

— И азалиевый мед хорош, дурманит сладко так...

По насыпи вдоль вагонов пробежал кто-то, постукивая по колесным парам, где-то раздался свисток, где-то мелькнул одинокий луч света, паровоз запыхтел, со стоном крикнул что-то стылому небу и обледенелой земле. Загremели, загрохотали вагоны, и состав тронулся.

— Холодина здесь, как на дворе.

— Когда поезд идет, холодно, верно. Хочешь согрею?

— Ты эти шутки брось!

— До шуток ли! Ночь, огонь и солома — какие тут шутки могут быть. Когда два сердца рядом быются — мужское и женское — такой огонь разгорается, такой пожар, что все вокруг пылает.

— Хе-хе, учитель выискался. А я тебе вот что скажу: такой огонь вмиг вспыхивает и вмиг угасает.

— Если и у такого огня не погреться, совсем замерзнешь. У человека в жизни, может, всего несколько мгновений бывает, за которые стоит отдать долгие годы страданий. Иной переплывает целое море скорби и муки, чтобы на дальнем берегу вкусить каплю меда, и если свершится это, считает себя счастливым.

— Тебя послушай, так мы приходим на свет только лишь ради крупинцы счастья и мига блаженства.

— Почти... Так мне думается. Если бы счастье и блаженство длились долго, они бы утратили цену.

— Неверно ты говоришь. Ошибаешься.

— Может быть. Человек всегда ошибается. Бог и то ошибается.

— Человек стремится доказать то, что ему в какую-то минуту выгодно. Я-то понимаю, для чего ты все это плетешь. Ты солдат, для тебя сейчас все трын-трава, тебе терять нечего...

— Я сказал ведь, что давно приучен к солдатчине.

— У солдата есть и свои обязанности, о них-то он и должен наперед всего думать. А ты сидишь и всякой чертовщиной голову мусоришь. Лучше бы печку растопил, людям хоть немного обогреться дал.

— Женское сердце согреть — у женщины надо разрешение испрашивать... а печку растопить — у начальника.

— Значит, и эти ребята и ты мерзнуть будете.

— Здесь хоть нары сухие, на сухом спят, а в окопах и этого не будет. Здесь сущий рай перед окопами.

— А печка такая холодная, почитай век не топилась.

— Сказать правду, запретили нам ее топить. Противник, говорят, клин прорвался, надо пройти незамеченными,

— Чего ты говоришь, враг отсюда за триста километров...

— А что такое триста километров для нынешней войны!

— Говорят, фашисты по ночам не воюют. Очень уж вы осторожничаєте, так и самый храбрец трусом сделается.

— Раз на то пошло, скажу тебе откровенно: у нас уголь весь вышел, вот уже трое суток без топлива сидим, и начальник эшелона приказал: печей не топить, потому как мы по прифронтовой полосе едем. Вот и толкуй теперь. Ребята из соседнего вагона разорили где-то ветрозащитную ограду и растопили ею печь; разогрели мерзлый хлеб. Только слух пошел, будто зачинщиков этого дела военный трибунал судить будет. А я думаю, просто на испуг нас берут, чтобы впредь неповадно было. Вот и сидим мерзнем... В последнем вагоне койку сожгли, погорелись, зато теперь стоя спят. Война, терпеть надо, говорят. Война, значит, все оправдывает. И это тоже...

— Убери руки! Думаешь, твоя рука — пояс? Ишь, талию мне обвивает.

— Куда ты девалась?

— Тыфу ты, темь какая, хоть глаз выколи! Свечу бы зажгли, что ли... Свечи тоже нет?

— Нету, все пожгли. А больше не выдают — ночью, мол, свет заметят...

— В таких вагонах два окошка всего и бывает. Неужто трудно два окошка замаскировать?

— Вагоны старые, маскировка не поможет, тут через щели медведь пролезет. А вообще нет худа без добра: как только поезд тронулся, запах бурака через эти щели начисто выдуло.

— Да, вони поубавилось. Как вы здесь дышали? Я, когда вошла, пожалела, что противогаса при мне нет.

— Привыкли. Человек ко всему привыкает.

— Эх, сколько еще мы выдержим... Войне пока что конца не видно.

— Не бойся, скоро кончится.

— Проиграем мы?

— Ну нет, нас не одолеют! Такой народ победить нельзя.

— Поганое это дело — война. Человека в чудовище превращает.

— И пахнет она плохо, война-то. Но ты видишь, как быстро улетучилась вонь из вагона, стоило поезд двинуться и... Так после победы страна пойдет вперед и развеется оставшийся от войны тяжелый дух.

— А ты далеко вперед смотришь, вера у тебя есть, вот что.

— Если не иметь веры в будущее, при первом же препятствии упадешь и не поднимешься. Мы так живем: когда трудности одолеваем, думаем о радостях, которые придут им на смену.

— Ты, видно, прямой разговор любишь и налево и направо рублишь.

— Что же в этом дурного?

— Ничего. Только иной эту твою прямоту криво поймет. и...

— Знаю. А все равно я себе замок на рот не привешу ради того, чтобы кого-то убажывать. Утаенное дьяволу принадлежит. Закрытое сердце все равно что этот вагон — темно в нем, не разберешь, что творится. Да о чем это мы говорим, когда...

— О чем же еще говорить?

— Если война в нас все человеческое убьет, совсем мы пропадем...

— Ты не очень-то прыгай, расшибешься в потемках!

— Что мы, не люди?

— Потому и веди себя, как людям подобает.

— Если день не наш, так хоть ночь наша, день горек, зато ночь сладостна...

— Ты о другом думай!

— Эти мысли упрямые — как заберутся в голову, не вылезут. Да и о чем это о другом сейчас думать?

— Дума — она самый большой простор имеет, границ не знает.

— Ладно, подумаю о другом. Вот, например, сколько орудий заряжаются изготовленными тобой снарядами, верно?

— А как же! Для того и есть он, снаряд, чтобы орудия заряжали...

— Сладкая ты, как мед...

— Я же тебе сказала — мне такой пояс не нужен. Отстань!

— Да это так, ненароком...

— Ненароком? Ох, ну и трясет, ну и дергает ваш поезд, словно арба на ухабах! А тебя, никак, ноги не держат. Шатаешься, будто пьяный!

- Не такой я парень, чтобы меня ноги не держали!
- Чего же ты врешь, что ненароком на меня валишься? Ты будто врать не охотник.
- Ладно, не буду больше... А что, здесь тоже снегопад был?
- Да какой!.. Ни земли, ни неба видно не было.
- А утром поезд не проходил?
- Проходил. Поднял снежную целину, а после опять снег посыпал сухой да густой, так что вашему поезду снова приходится со снегом биться. И все же слишком он медлит.
- Куда ему спешить?
- А я спешу. Когда же я доеду до места!..
- Доедешь, вовремя доедешь. Быстро котята родятся, да зато слепенькие.
- Зато, как прозреют, и в темноте видят. Эге, очень уж ты осмелел! Укороти руки, говорю, не по адресу тыркаешься, понял?!
- Какая толстая шуба на тебе!..
- Тебе-то что за дело до моей шубы!
- Если в эту конюшню ангела завести, и тот не устоит перед соблазном, а я человек, не дерево! Да и ты так смело не полезла бы сюда, когда бы этого боялась... Где видано, чтобы человек сидел перед чашкой меда и хотя бы разок не лизнул его! Какие валенки на тебе, мягкие, теплые, наверное, так и ласкают ногу, а?
- Валенки хороши, для снега годятся, а вот, чтобы тебе пинка хорошего дать — не годятся: не больно будет.
- Пинок от такой чаровницы? Господь с тобой!
- Ты свой задор для фронта побереги, зря не расходуй! Что же мне, кричать, в самом деле?
- Нет, что ты, шепот тебе больше к лицу. Да и к тому же, кричать будешь — накроют нас, сбросят тебя с вагона. Поезд плетется, это не трудно будет сделать.
- А ты не стражай меня, не стражай! И не кори, раз уж добро сделал, мзды не требуй. Не к лицу тебе!..
- Зря ты голос-то поднимаешь. Все равно, я вижу — не от души гневаешься... мой ночной ангел!..
- Увидят... стыд какой!..
- Да ты что... смотри, тьма египетская, пустыня черная, в которой только мы и есть, я — Адам, ты — Ева... нам все простится!..
- Ха-ха!.. Придумал же! Шут какой!..
- А чего я такого сказал шутовского?
- Коли я и ты — Адам и Ева, где же тогда рай, где змей-искуситель?
- Сейчас и рай, и змей, все в душе человеческой... Когда бы змей не соблазнил Адама и Еву, они бы и не узнали, как прекрасен рай, как сладка жизнь, а главное — нас с тобой и на свете бы не было, так что!..
- Прошу тебя, умоляю, оставь ты меня... проснется кто-нибудь, встанет!..
- Здесь никто не встанет, как бы не приспичило.
- Почему? Не в гробах ведь лежат!
- Тесно лежат, тесно. С боку на бок и то не ворочаются, если кто встанет, обратно не втиснется, а кому охота ночь на ногах стоять.
- Ну а по нужде?
- По нужде кто что хотел — все до ночи управились. Видала, дверь как примерзла? Ее не водой поливают... Если днем глянешь — увидишь, какой желтый лед!..
- Ой, помогите!.. Медведь, белый медведь! Задушит!..
- Господи, кто этот бедняга?
- Не пугайся, он каждую ночь так кричит, а утром вскакивает резво, как птичка. Не проснется, будь покойна.
- Да ну отстань, не трожь ты меня!.. Я сколько лет в чистоте себя блюла, не вводи в грех на старости лет!.. Видел бы ты, какая я старуха!..
- Старухи ночами по станциям не бегают.
- В войну и старухи бегают, ей-богу, конечно, я старуха, слышишь, как часто я бога поминаю?
- В этих краях все от мала до велика бога ежеминутно поминают. Молодые просто так, вроде присловья, а старики еще верят. А ты врать не мастерица: разве же старухи снаряды делают? И вообще, знаешь, ночью для мужчины любая баба красивая и молодая.
- Если бы я тебя поближе знала, я бы тебе душу открыла.
- А ты узнай. Кто мешает! Хочешь, я тебе на ухо мое имя шепну?
- Шепни!

Она все время говорила шепотком, и вдруг, будто сокровище обнаружила, вскрикнула радостно:

— Ой! Ты мужа моего тезка! Тезка, понимаешь?

— Ну чего ты... дух перехватило, что ль?

— Не знаю... ой, не знаю... да погоди, стыдно!..

— Как ты робеешь... точно и замужем не была...

— Человек многое забывает... подожди, неудобно...

— А ты поудобнее, ложись на свой мешок, не все тебе его на спине таскать, теперь ты ему на спину ляг...

Паровоз с натугой шел по разморозившейся за день и снова обледеневшей, отвердевшей под свежим снегом колее. Шел он пыхтя, глубоко дыша. Его горячее дыхание раздвигало в стороны морозный воздух. В ножках поршня тяжело ходил железный трос, соединяющий колесные пары паровоза, и катил его вперед. В темноте никто этого не видел, даже машинист, но машинист знал, как все происходит и только боялся, чтобы не сойти с рельсов.

— Ты, оказывается, неплохая старуха!

— А из тебя вроде ничего солдат получится: если ты такой настырный и в бою будешь, сам черт тебе не брат! Дай бог тебе долгой жизни, живи, пока самому не прискучит!

— Спасибо! Твое благословенье для меня как заговор будет.

— Я тебя прошу, не думай ты обо мне худо... Не думай, что я такая размазня... С тех пор как я мужа в землю положила, я никого к себе не подпускала, вот те крест! И сейчас не пойму, как же это так получилось... что это со мной сделалось... или судьба...

— Ты такая хорошая...

— А ты меня в вагон не впускал, все к начальнику отсылал, к законнику!

— Между прочим, если бы ты к начальнику пришла и сказала, что ты баба, так он тебе не только вагон, постель бы свою уступил. Когда начальники чего желают или от кого выгоду ждуг, они почище нас, грешных, законы нарушают...

— Посмел бы он, я б его так отделала, твоего начальника!

— Меня, небось, не отделала.

— Ты... ты другой какой-то... ты меня сразу взял, сразу в душу влез...

Верно, потому, что и сам мне свою душу открыл, дал в нее заглянуть. Мы с тобой, знаешь, вроде даже похожи чем-то... Жена-то есть у тебя?

— Невеста... помолвлены мы, а пожениться не успели.

— А ребенок?

— Ребенок!?

— Ну да, ребенок, может, есть?

— Без жены-то?

— А что, всяко бывает... И не страшно тебе. — такой вот парень, уйдешь, а ну как насовсем, и ни завязи, ни цветочка своего не оставить?

— Страх тут не помощник. Война — об этом и думать-то недосуг. Вот если бы дети, как цыплята, в инкубаторе выводились...

— Знаешь, если... если я...

— Шутить, небось, а это было бы здорово!..

— Если будет, я обязательно оставлю. Выращу...

— Ты ведь тогда замуж не сможешь выйти... а ты же хочешь замуж?

— Если у меня ребенок будет, ей-богу не выйду. Без ребенка жизнь женщины пуста. Кому-то же должна она передать свою долю луна и свеклы? Если у меня родится ребенок, значит, судьба меня милостью одарила, значит, тот мешок, который мне мать передала, я своему ребенку теперь передам. Тяжела эта горько-сладкая ноша, но человеку не тягостно ее носить.

— И разговор у тебя красивый, складный, и мысли все такие ясные, светлые...

— Вот, поверишь, я мужа-то только для того хочу, чтобы ребенка иметь, чтобы из бабы стала я матерью.

— Отчего ж не поверю! Каждый человек по-своему жизнь представляет.

— Только ты не думай, что я тебя от невесты уведу. Нет, я меж вами не встану, так и знай. Дай бог, чтоб ты вернулся домой живой-здоровый, и с кем тебе счастье будет, с тем и строй свое гнездо. Видишь, я даже не спрашиваю, кто, ты, с каких ты краев. Просто ребенка оставлю, ничего другого мне от тебя не надо. Мать у тебя красивая и щедрая, потому таким красивым тебя родила.

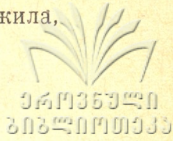
— Почему ты знаешь, может я рябой?

— Нет, ты красивый, и у тебя открытый взгляд, я хорошо вижу тебя.

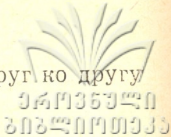
— В этой-то тьме?!

— Иногда в темноте люди лучше видят друг друга — глазами сердца. И если этим глазам все кажется красивым — значит, так оно и есть.

— Ты рождена не для того, чтобы отливать снаряды...

- Что поделаешь, война никому не мила, да вот...
- Тебя больше не мучает запах свеклы?
- Нет. Людей этих жалко — сами они, как мерзлая свекла, друг ко другу прилипли.
- Зато они и холода не чувствуют, друг друга согревают.
- Какое тепло у человека, напихавшегося мерзлой свеклы!
- Вот такой мы народ, мы не то что из мерзлой свеклы — изо льда тепло добудем. Главное — теплоту сердца не утратить.
- И ты мерзлую свеклу ел?
- Немного.
- Это она тебе кровь так разгорячила?
- А я ее сперва за пазухой отогрел, да еще заел кое-чем.
- Водкой, что ли?
- Да нет, откуда здесь водке взяться! Я не курю и свой десятидневный паек табака выменял по дороге на картофельные лепешки.
- Да на картофельных лепешках долго не продержишься. Это только так, червячка заморить, силы от них не прибудет. Ты теперь, верно, здорово голоден.
- Да вроде бы не очень.
- Мама дала мне на дорогу немного свинины и ржаного хлеба. На, поешь.
- Ох, до чего же вкусно! Дай бог тебе здоровья! А ты?
- Да чего там делить, ешь! Тебе сейчас нужнее. Не проси, я все равно не возьму. Домой еду, найду там чего-нибудь. Ешь, ешь. Ну и славно же он нас укачивает, поезд-то, ровно в санях едем...
- А ты больше не опаздываешь?
- Ох, если бы никому не надо было делать снаряды!
- Тогда бы и войны не было.
- Чего же лучше, если бы не было?
- Эх, как знать, может, снарядом, твоими руками сделанным, я свою пушку заряжать буду...
- Ты меткий, не промажешь...
- Паровоз все замедлял ход. Шел он трудно, шумно вздыхал и пошипывал. Напоследок вздохнул глубоко и остановился.
- Пшш-пшш-ш... шшш! Пшш-ш...
- Добрый человек машинист: остановил где надо, как по заказу.
- Тебе здесь сходить?
- Я с тобой хоть на край света пошла бы, только...
- Ну, ты это... обиды на меня на таишь?
- Я эту ночь по гроб жизни не забуду.
- Выходит, правду я сказал: иной раз капля меда перевесит целое море горечи. Ведь перевесила?
- Не знаю... я сейчас как в тумане...
- Открыть тебе двери?
- Пока нет. Побуду еще, пока не тронется.
- Прыгать трудно будет.
- Ты за меня боишься или...
- У тебя теперь, видно, только ребенок в голове.
- Такая темная ночь, говорят, все тайны хранит. А мою тайну, наверное, не сохранит.
- В добрый час будь сказано!
- Я знаю: сейчас такие дни, наверняка будет у меня ребенок. Впрочем, когда я это точно узнаю, ты будешь где-то далеко. Пусть он красоту мою возмет, а мужество — твое.
- Ах ты, обманщица, а говорила — старуха!
- Я думала, ты отстанешь.
- А потом?
- Ну что потом! Потом, может, и пожалела бы — когда одна бы осталась. А теперь уж я не останусь одна. Как ты думаешь, осудят меня за такое? Буду воспитывать сына от неизвестного солдата...
- Кто как... люди разные!
- Все равно выращу. Поговорят, посудачат и забудут. А у меня надежда в жизни будет. Размножится твой порода, порода честных людей. Пусть эта ночь мне судьей будет, пусть белая тьма или с землей меня сравниет, или в небо вознесет!
- Ты еще и не знаешь, будет ребенок или нет, а уже любишь его.
- Я, наверное, с самого моего рождения того ребенка люблю.
- Тяжело мне с тобой расставаться, да что поделаешь... мир не по нашему хотенью устроен... Слышишь, звонят уже на станции... едем.
- Куда?! Куда ты едешь?!
- Не знаю... Ты чего... плачешь?

04036340
020000033

— Нет, нет!..
 — Отчего же щека у тебя мокрая? Ну не надо, не плачь на дороге!
 — Почему счастливые минуты так коротки, почему поспешил бог про-
 лить человеку радость!
 — Тогда счастье и радость не были бы так драгоценны. Если много меду съешь, он отравой обернется.
 — Лучше так, чем пригубить каплю и по второй капле всю жизнь то-
 миться.

— Ты смотри, как незаметно тронулся эшелон! Сойдешь, что ли?
 — Эх, сойду я, сойду!..
 Заскрежетала тяжелая дверь вагона.
 — Будешь лук очищать, вспомнишь нашу ночь.
 — Эту ночь запомнят и лук горький, и многое другое... А ты, верно, завтра же все позабудешь... Что ж, не твоя в том вина, так уж создан мужчина. Счастливого пути тебе, возвращайся с победой! Не будь тебя, я бы всю ночь на снегу, на морозе проплясала, так что спасибо тебе. Пусть бог добром тебе воздаст, — коли это было добро. А если и грешен ты в чем, да простит тебе господь, а я прощаю. Счастливо! Дай поцелую еще разок...

— Ты не упала?!
 — Нет. Поддай-ка мешок.
 — Подставь плечо! Ну как, хорошо?
 — Во всем ты ловок! Будь здоров, пошла я...
 — Смотри, не сбейся с пути в этой белой темноте!
 — Не бойся! Эти места мне хорошо знакомы.
 — Ну, доброго пути!
 — Дверь не закрывай наглухо, оставь щелочку и поглядывай в нее. Вп-
 деть, правда, ничего не увидишь, но представь, что я иду по дороге... А хо-
 чешь, зажмури глаза и так гляди на меня. Если я буду знать, что ты на меня
 глядишь, мне светлей идти станет.

— Пока я жив, я с тебя глаз не сведу, так и знай! Ступай и иди смело.
 Застучали, запели свою песнь колеса.

«Ушла... А я вижу ее, вижу! Разве только два глаза у человека? Нет, много глаз... И самые зоркие глаза мысль имеет. Вот, гляжу я в белую тьму, и ничего не видно, но я все вижу. Только и так бывает, — все видно, а ты ничего не видишь... Так что же это было, видение, что ли?.. Пришла, всего меня светом каким-то осветила и ушла, а свет мне оставила... Вскинула на плечо свою горько-сладкую ношу, тенью промелькнула вдоль вагона — и все, точно дух какой... или ангел... исчезла в белой тьме... Может, лучше было вовсе не открывать ей дверей, не впускать, чтоб не оставляла она мне этой светлой печали?.. Наверное, ангелы в такие темные ночи и сходят к людям, чтобы никто не видел их лица. Я не знаю, я соблазнил ее или она меня... Нет, нет, такие минуты ни один мужчина не может забыть, даже грубый солдат... Почему не спросил я имя ее! И адрес... Я послал бы ее к себе домой... если... как знать...»

Мысль осталась незаконченной, потому что за ней начиналось то, о чем солдату никогда не хочется думать.

Он стоял с закрытыми глазами перед вагонной дверью, но был он не здесь — далеко-далеко отсюда...

Поезд набирал скорость. Эшелон уходил все дальше, окутанный клубами дыма, невидимыми в белой тьме.

Солдат прислонился головой к двери. Он думал совсем не о том, как взрывает паровоз снежную целину, и даже не о том, куда лежит его путь. Он думал о той, которая несла на своих плечах тяжелую ношу и все-таки не сгибалась под ее тяжестью и шла смело и гордо по трудному, занесенному снегом пути.

Белая тьма лежала кругом, и в этой мгле шла женщина — то ли видение, то ли мечта... Женщина несла свою ношу, данную ей матерью, и было много горечи в этой ноше и мало сладости. Но женщина все-таки была счастлива тем, что несла все это на своих плечах.

Белая тьма не одолеет, не поглотит эту странницу. Так верилось солдату, и вера эта наполняла его сердце какой-то большой и радостной надеждой, белой светлой надеждой.

БОЖЬЯ КОРОВКА

РОМАН

Ромео Вашакидзе был в семье единственным сыном. В школе он с трудом переключивался из класса в класс, а родители мечтали, чтобы он стал врачом. К счастью, этого не случилось. Четыре года Ромео сдавал в медицинский институт и каждый раз проваливался на первом же экзамене. Отец его огорчился и отправлял сына отдыхать к морю, а к Новому году недельки на две, а то и на три в Москву — пускай мальчик погуляет, узнает мир и людей, да и русский язык поучит. Отец Ромео заведовал промтоварным магазином, и, по его же словам, на хлеб у них всегда хватало.

Однажды после очередного провала в институте Ромео беззаботно жил в Гагра, как вдруг пришла телеграмма: «Немедленно выезжай, отцу плохо».

Отца в живых он уже не застал. Когда прошло немного времени после его смерти и надо было думать, как жить дальше, мать по совету близких пошла к Нико Мшвидобадзе, который в то время работал редактором районной газеты.

— Ну что ж, устрою его у себя корректором, — сказал Мшвидобадзе.

— А вдруг ему будет трудно работать? — жалостно проговорила мать, которая не знала, что такое корректор.

— Какое у него образование? — спросил Мшвидобадзе.

— Среднюю школу окончил, сдавал экзамены в медицинский...

— Значит, подойдет. Не беспокойтесь.

С этого дня в районной газете было два корректора — Ромео Вашакидзе и двадцатипятилетняя девушка, маленького роста, невзрачная на вид, но окончившая институт и имевшая двухгодичный стаж работы в газете.

Первое время Ромео ей лишь помогал. Парень старался, и девушка была им довольна.

— Почему ты так на меня смотришь? — часто спрашивала она, ловя на себе его пристальный взгляд.

— Жалко мне тебя как-то, — сказал Ромео.

— Жалко? Почему?

— У тебя такие красивые глаза... Они должны смотреть в небо, считать звезды, а не ловить «блех» в газетных гранках.

Девушка смутилась, покраснела. Она не привыкла к комплиментам, и Вашакидзе этим ловко пользовался. Дело вскоре дошло до того, что она сказала:

— Чего, Ромео, ты сидишь со мной здесь, в душной комнате? Иди погуляй, я сама управлюсь.

Если б она знала, что Ромео только этого и ждал! В конце концов он вообще перестал ей помогать. Она работала, а он читал детективы.

Утром Вашакидзе приходил на работу раньше всех. В коридоре встречал Мшвидобадзе и, если знал какую-нибудь новость, спешил тут же сообщить ее редактору. На редакционные легучки Ромео тоже приходил первым. Садился на край стула, встал руки на колени, как застенчивая девица, и сидел так часа два, не моргнув глазом. Когда же Мшвидобадзе шутил, Ромео смеялся громче всех, и это, надо сказать, редактору нравилось. Он был человеком скромным и совсем не любил лести. Ему просто было приятно, когда его понимали.

Однажды во время уборки урожая в газете напечатали небольшую статью одной литсотрудницы. Раньше за ней такое не замечалось. Поговаривали даже, что она двух слов связать не может, а тут вдруг разразилась целым очерком.

На очередной легучке, когда разбирались последний номер, ответственный секретарь заявил, что очерк этот плохой, написан сухим, казенным языком и вообще, мол, пора избавляться газете от таких материалов.

Сотрудники редакции с ним не согласились. Девица же покраснела до ушей и сидела с каменным, злым лицом.

«Странно, — подумал Вашакидзе, — как это ответственный секретарь вообще осмелился поднять голос? Неужели ему не известно, что эта девица — близкий редактору человек?»

— Можно я скажу, товарищ редактор? — робко спросил Вашакидзе. —
Всего несколько слов.

Редактор ответил не сразу. Он посмотрел на Ромео и, перехватив его взгляд, разрешил.

— Мне кажется, товарищ ответственный секретарь не прав. Материал хороший. Мне посчастливилось познакомиться с ним в рукописи, и это несколько не снизило моего интереса, когда я читал его в газете.

— Да, но факты, факты ведь выдуманы! — вскопчил возмущенный секретарь.

— Как можно так говорить? Товарищи, это ведь клевета на советскую прессу. Разве в наших газетах публикуются всякие выдумки? Мне кажется, это очень тяжкое обвинение всем нам и в первую очередь нашему уважаемому редактору.

Многие присутствующие заулыбались, но Мшвидобадзе промолчал.

— Послушайте, молодой человек, — тихо проговорил ответственный секретарь, стараясь держаться как можно спокойнее. — Я не уверен, что вы вообще что-либо понимаете в журналистике. Что касается самого вашего выступления, то это явно не тот способ, при помощи которого молодой советский человек должен добиваться продвижения по служебной лестнице. Считаю наш спор с вами законченным. Садитесь, пожалуйста.

Ромео сел, не зная, что на это ответить, а ответственный секретарь обратился уже ко всем присутствующим:

— Товарищи, я думаю, нет смысла сейчас останавливаться на всех нелепостях статьи. Достаточно сказать, что в деревне вот уже две недели не было дождя, а автор очерка убеждает нас, что, когда она приехала в деревню, шел проливной дождь и колхозники, мокрые с ног до головы, рыли канавы, чтобы отвести от пшеницы воду. Скажите, кому нужно такое вранье? Ведь нас просто засмеют.

— Какое же это вранье? — вскопчил Вашакидзе. — Что здесь неверно?

— Разве ты не знаешь, что в этом колхозе урожай собрали давно и вот уже две недели как засеяли озимую?

— Какое это имеет значение? Кто знает, где и когда начался сев, где был дождь, а где его не было? Я не понимаю, из-за чего мы ломаем себе голову. Разве нам сегодня не о чем говорить? Надо прекратить это, товарищ редактор. — Вашакидзе улыбнулся редактору и сел.

Так или иначе, а после этой летучки Ромео Вашакидзе пошел в гору. Прошло немного времени, и по предложению Мшвидобадзе райком утвердил его в должности ответственного секретаря, так как прежнего перевели на другую работу.

Трудно было Ромео. Вначале макеты за него составляли другие, затем он и сам приоровился. Мшвидобадзе был им явно доволен. Да, он сделал хороший выбор. С каждым днем Вашакидзе нравился ему все больше и больше, и он частенько даже стал приглашать его домой поиграть в шахматы.

Молодая кокетливая хозяйка Манана и ее незамужняя сестра Кетино встречали молодого симпатичного хостяка с радостью. Кетино при виде Ромео каждый раз вздрагивала и краснела. От Мананы, конечно, это не ускользнуло.

— Ну что ты скажешь о Вашакидзе? — как-то спросила она сестру. — Правда, он такой красивый, представительный?

— Да, красивый, но... — Кетино с грустью вздохнула, — мне-то что с этого?

— А ты не отчаивайся, девочка, — сказала она. — В жизни нет ничего недоступного.

Теперь Вашакидзе у них дневал и ночевал. Вместе обедали, вместе гуляли по вечерам в парке, даже в Тбилиси вместе ездили. Вот там-то, в Тбилиси, и сказала она Ромео по секрету, что вскоре ожидается повышение ее мужа.

— Откуда ты знаешь? — удивленно спросил Вашакидзе.

— Мой двоюродный брат здесь об этом печется.

— Хоть бы дождаться этого. Больше я ничего не хочу, — вздохнул Ромео.

— Не беспокойся, дождешься. А потом и тебе будет неплохо.

— Спасибо. Я в этом и не сомневаюсь. Ты себе даже не представляешь, как я вам за все благодарен, тебе и Николаю Васильевичу. И в то же время не могу не признаться, что... — он умолк, будто ему не хватило слов.

— Знаю, знаю, — поспешила успокоить его Манана. — Ты думаешь, я не понимаю, как трудно тебе работать по ночам в типографии... И потом, жить на такую ничтожную зарплату... это ужасно.

Ромео обрадовался. Она прямо читает его мысли! Вот здорово. Ведь он только об этом и думает последнее время.

На день рождения своей жены Мшвидобадзе пригласил из редакции только Ромео. Гостей было человек двадцать, и все они сидели за длинным столом, ели, пили и веселились. Только Вашакидзе молчал. Часа три сидел он уже за столом и за это время трех слов громко не произнес. Зато когда пили за Мшвидобадзе, он попросил слова:

— Уважаемый Николай Васильевич, — начал Ромео. — Живите, здравствуйте и будьте счастливы. Вы блестящий журналист, замечательный организатор, опытный партийный работник и наиболее ценнейший человек. Вот почему наша партия вас так ценит. Она доверила вам свое самое острое оружие — печать. Но вы, человек большого размаха, человек трудолюбивый и опытный, несомненно, заслуживаете гораздо большего. Когда вы сидите в своем крошечном кабинете, вы напоминаете мне льва в клетке. Друзья мои, я верю, скоро, очень скоро наш лев сломает эту клетку и вырвется на свободу.

— Твоими устами мед пить, — сказал кто-то из гостей.

— Да услышит тебя бог...

— Да поскорее сбудутся твои слова...

— Аминь...

И бог услышал. Слова Ромео сбылись. Ровно через год Мшвидобадзе избран первым секретарем парткома производственного управления. Пока шло строительство служебных помещений, Николай Васильевич оборудовал себе кабинет в своем собственном доме. Он сидел за огромным зеленым стуном письменным столом, а рядом стоял рояль и два больших кожаных кресла. В блестящей крышке рояля отражалась хрустальная люстра. Николай Васильевич любил смотреть на это отражение. Глядя на него, он начинал думать о своем будущем, которое сулило ему только радость и успех...

Как-то Манана вошла к мужу в кабинет, развалилась в кожаном кресле и проговорила:

— Представляешь, милый, никто даже не подозревал, что тебя повысят в должности... Да, теперь ты секретарь парткома и все в твоих руках. Послушай, Коля, а нельзя назначить Ромео каким-нибудь завотделом?

— Ромео? — переспросил Мшвидобадзе.

— Да, а что?

— Ну что ты... У него нет опыта партийной работы, и вообще он... ничего не смыслит в сельском хозяйстве.

— Ерунда. Мало у нас людей, которые ни в чем не разбираются, и тем не менее...

— Что тем не менее? — спросил Мшвидобадзе.

— Тем не менее они занимают далеко не последние должности. Может, скажешь, я не права? Что ты молчишь?

— Ну права, права.

— То-то. Лучше скажи, что ты просто не хочешь выполнить мою просьбу. В кои веки что-то прошу, и то отказываешь. А я, глупая, было обрадовалась твоему повышению. Смешно. И это называется иметь мужа секретаря парткома... Другие мужья своим жёнам, знаешь, что делают?

— Ну что ты кипятишься? — забеспокоился Мшвидобадзе. — Успокойся, дорогая. Ведь когда ты меня о чем-нибудь просила, я всегда шел навстречу. Но сейчас...

— Ах так, значит, отказываешь? — воскликнула Манана и решительно встала с кресла.

— Не то чтобы отказываю, — поспешил поправиться Мшвидобадзе, — просто это так быстро не делается. Нужно какое-то время, терпение...

— Боже мой! И чего только ты не выдумашь в свое оправдание! И все это потому, что не любишь меня. Даже не уважаешь. Интересно, чего ты боишься? Ведь ты сам себе хозяин. В твоих руках сила и власть.

Мшвидобадзе вскинул брови, задумался. Потом стал прохаживаться по кабинету, о чем-то размышляя, и вдруг резко остановился перед женой.

— Послушай, дорогая, а что если мы его на время пошлем работать в деревню?

— В деревню? — переспросила Манана. — Не знаю. Я об этом с Ромео не говорила.

— А ты поговори. Может, он согласится.

В это время кто-то постучался.

— Да, да, войдите, — громко сказал Мшвидобадзе.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появился Вашакидзе.

— А-а, Ромео, входи, дорогой, входи. Мы тут как раз только что о тебе говорили.

— Николай Васильевич хочет тебе предложить должность, — поспешила вмешаться Манана.

— Должность? — удивился Вашакидзе.

— Да, а что? Разве ты не достоин хорошей должности? — спросил Мшвидобадзе. — Вот что, милый, ты лучше скажи, пойдешь председателем колхоза? Ромео не ожидал такого. Он явно растерялся, не зная, что ответить, но замешательство быстро прошло.

— Николай Васильевич, дорогой, — робко проговорил Ромео, — вы знаете, как я вас уважаю. Клянусь, жизни ради вас не пожалею. Но что скрывать, не по душе мне как-то это, не хочется ехать в деревню.

— А что в ней плохого, в деревне? — удивился Мшвидобадзе. — Я считаю, что тебе даже полезно будет немного там поработать. Познакомишься с сельским хозяйством, да и жизнь узнаешь. Ну, а я тебя в беде не оставлю. Так как же, согласен?

Вашакидзе посмотрел на Манану. Та незаметно моргнула глазом, мол, соглашайся.

— Согласен, Николай Васильевич, конечно, согласен, — проговорил Ромео. — Большое вам спасибо.

— Ну вот, сразу бы так, — вздохнул Мшвидобадзе. — Послушай, хочу я тебе дать один совет. Что-то не нравится мне твое имя — Ромео. Сменил бы ты его на Роман, что ли? Хотя нет, и это не совсем хорошо звучит. Лучше Амиран. Да, да, Амиран, настоящее грузинское имя.

— Николай Васильевич, — покорно проговорил Вашакидзе, — ваше слово для меня закон. Не то что имя, фамилию заменю, если прикажете.

— Зачем же фамилию? — удивился Мшвидобадзе. — Фамилия у тебя хорошая. Вашакидзе. Замечательная фамилия. Она происходит от слова «ваша», ура. Дай бог, через год в это время нам кричать: «Ваша! Ура, Вашакидзе!».

— Николай Васильевич, можете быть спокойны. Даю слово, не подведу.

— Ну вот и хорошо, — Мшвидобадзе поднялся, посмотрел на часы и заторопился. — Ну я пошел, дорогая. Чуть не забыл. Назначил совещание и чуть не забыл.

— Опять совещание, — Манана сделала вид, что расстроилась. — Ты ведь еще вчера обещал, что мы пойдем в кино.

— Что делать? Придется кино перенести на завтра.

— И мне пора, — заторопился Вашакидзе. — Николай Васильевич, я тоже пойду.

— А ты куда? Может, у тебя тоже совещание? — остановила его Манана.

— У меня? Нет.

— Ну тогда оставайся. Сейчас придет Кетино. — Манана подмигнула мужу, ища в нем поддержку.

— Да, да, Амиран, оставайся, — попросил Мшвидобадзе. — А ты его повкуснее угости, — сказал он, обращаясь уже к жене. — Можете даже в кино сходить.

— В кино, чудесно! — воскликнула Манана. — Почему бы нам действительно не сходить в кино? Садись, Амиран. — Она подошла к окну и выглянула на улицу. — Интересно, где это до сих пор Кетино?

Мшвидобадзе попрощался и вышел. Жена проводила его. Когда она вернулась в комнату, гость сидел на диване, как у себя дома, положив ногу на ногу, и курил.

Манана остановилась в дверях. В какое-то мгновение они почувствовали, что их обоих охватило волнение. Еще минуту назад они старались не смотреть друг другу в глаза, а сейчас... Нет, никогда он ей не казался таким красивым.

— Какой ты нетерпеливый, — прошептала Манана, отстраняя его.

Он неохотно ее отпустил. Она подошла к окну и из-за занавески посмотрела вслед уходящей машине мужа.

«Какой он у меня глупый, — подумала Манана о муже. — Наверно, просто не любит. А я так хочу, чтоб меня любили!»

Она быстро обернулась и побежала, как девочка, в раскрытые объятия.

— Кетино скоро придет? — спросил Ромео.

— Нет, милый, она у тети. Она сегодня вообще не придет...

На общеколхозное собрание в Чадреби с будущим председателем поехал сам Мшвидобадзе. Сельский клуб был заполнен до отказа. За длинным столом, стоящим на сцене, сидели члены сельсовета и секретарь парткома управления. Первое слово было предоставлено ему.

Николай Васильевич подробно остановился на недостатках в работе колхоза, раскритиковал прежнее руководство и наконец сказал:

— Товарищи! Партийный комитет нашего управления предлагает общему собранию избрать председателем колхоза товарища Вашакидзе.

— А кто этот Вашакидзе? — закричал кто-то из последнего ряда.

— Вот этот товарищ, — указал Мшвидобадзе на сидевшего в первом ряду Ромео, жестом прося его встать.

Вашакидзе встал и повернулся лицом к собранию.

— Ну как, подойдет? — громко спросил председатель. — Что вы скажете, товарищи?

— С одного взгляда человека не узнаешь, — проговорил кто-то из колхозников.

— Молод уж очень, — послышался другой голос.

— А в этом и состоит его преимущество, — сказал Мшвидобадзе. — Молодой энергичней возьмется за дело.

— Товарищ Вашакидзе, просим вас подняться на сцену, — сказал председатель собрания.

Ромео смутился.

— Ничего, я здесь постою.

— Ну что вы, поднимайтесь, пожалуйста. Ваше место теперь на сцене.

Не зная, что делать, Вашакидзе посмотрел на своего покровителя. Тот замахал рукой, поднимайся, мол.

Ромео поднялся, сел у края стола и опустил голову. Под взглядом нескольких сотен глаз он чувствовал себя неловко и, что было самое главное, пропала куда-то уверенность. А что если они просто не захотят его, ну, не захотят, и все? Никакой Николай Васильевич не поможет.

Так думал будущий председатель, но он был действительно очень молод и еще не очень-то разбирался в жизни. Когда эти мысли покинули его и он очнулся, Мшвидобадзе уже закончил свою короткую речь.

— Товарищ Вашакидзе — талантливый журналист, опытный организатор. Это выдержанный, политически грамотный, принципиальный коммунист, отличный товарищ. Партийный комитет нашего управления настоятельно рекомендует его в председатели колхоза.

Следом за Мшвидобадзе выступил Васо Кенчошвили. Он поднялся на трибуну, достал из бокового кармана сложенный вчетверо листок, откашлялся и начал читать:

— Товарищи! Все вы знаете, что сейчас наш колхоз переживает трудные дни. Чтобы выправить положение, всем нам надо теснее сплотиться и работать очень самоотверженно. Только так мы можем поднять наши дела. Но для решения этих задач нам нужен хороший руководитель. Товарищ Вашакидзе — опытный работник. Я его знаю и призываю вас проголосовать за его кандидатуру.

После Кенчошвили выступили еще два колхозника, но они точь-в-точь повторили слова бригадира. Затем председатель предоставил слово трактористу Шакро Чадукели.

В клубе поднялся шум. Все стали оглядываться по сторонам, но Шакро нигде не было.

Председатель застучал карандашом по графину.

— Товарищи! Есть предложение прекратить прения. Кто...

— Куда ты торопишься? Поспешность нужна при ловле блох, а не при выборе председателя. Дай-ка мне сказать несколько слов. — Старый Окро поднялся со своего места, и в зале воцарилась тишина. Он сидел в первом ряду на крайнем стуле, так что его все очень хорошо видели. — Друзья мои! — Старик вначале оглядел весь президиум, потом повернулся лицом к залу: — Хочу я сказать вам вот что. Слишком уж часто наш колхоз меняет председателей.

В зале раздался хохот.

— На что это похоже? Я вас спрашиваю. К тому же слишком зачистили к нам городские председатели. Что ж это, товарищи начальники, — Окро повернул голову в сторону президиума, — хорошие, честные люди в деревне, по вашему, перевелись?

— Легко тебе говорить, — прервал его Мшвидобадзе. — А вот подобрать кандидатуру в вашей деревне мы не смогли.

— Не вы должны подбирать, а мы, — проговорил Окро.

Мшвидобадзе молчал.

«Правильно говорит старик, — с обидой подумал про себя Васо Кенчошвили. — Не все могут быть председателями».

— Так вот, — продолжал Окро, — председатели не с неба сыплются. Человеку городскому трудно руководить колхозом, не может он понять до конца душу крестьянина. Разве это не ясно? Вы, наверно, забыли, как выбирали предыдущего председателя. Я ничего не имею против товарища Вашакидзе, я его просто не знаю. Но тогда ведь тоже нам восхваляли будущего избранника, чуть ли не Давидом Строителем называли. Да, строитель он оказался хороший. Двух-этажный дом в Тбилиси отгрохал и дачу в Цхнетах. Потом сел, как министр, в «Победу», и поминай как звали.

— Правильно! Правильно говорит Окро! — закричало несколько человек сразу.

— Товарищи, успокойтесь, — сказал Мшвидобадзе.

Председатель собрания снова застучал карандашом по графину, и стало тихо. Мшвидобадзе сделал небольшую паузу, потом продолжил:

— Товарищи, я что-то не понимаю. Значит, вы против нашей кандидатуры? Что же вы молчите? Смелее. — Он пристально оглядел присутствующих и становил свой взгляд на Окро. — Мы приняли такое решение только потому, что хотим резко изменить положение в нашей деревне. Я прошу вас отнестись к этому делу со всей серьезностью.

Но Мшвидобадзе все еще был неспокоен. Его тревожил старик: как бы за ним не пошла вся деревня? Он посмотрел на него еще раз и решил сгладить дело.

— А тебе, отец, я хочу сказать вот что, — доверительно проговорил Мшвидобадзе. — Не стоит помнить о старом. Люди не ангелы. Всем свойственно ошибаться. У всех у нас были, есть и, наверное, еще будут ошибки. Главное, чтобы люди понимали, что у нас одно общее дело, за которое мы должны бороться, отбросив всякие прежние обиды. Мы хотим поднять ваш колхоз, сделать его богатым. Именно поэтому советуем выбрать председателем товарища Вашакидзе, человека опытного и достойного. Если ты против, скажи.

— Я не знаю его, как, наверно, никто здесь не знает, — сказал Окро, — а потому и не могу быть против. Может, он действительно, как вы утверждаете, хороший, способный человек. Дай бог ему здоровья. Говорить меня заставляет правда. Даже слепой, споткнувшись один раз на дороге, вторично по ней не пойдет. А мы ведь не слепые. Люди, правильно я говорю?..

— Ты уже кончил, отец? — сердито прервал его Мшвидобадзе. — Садись! Товарищи, кто еще хочет выступить?

Колхозники стали оглядываться по сторонам, подталкивать друг друга. Мысленно они поддерживали старика Окро, но встать и сказать это вслух... Нет, на это никто не решился.

— Значит, нет желающих? — переспросил Мшвидобадзе. — Ну и отлично. Тогда прекратим прения. Вопрос ясен.

Председателем колхоза выбрали Вашакидзе.

Георгий Чрдилели в молодости был пастухом. Когда началась война, его призвали в армию. Под Москвой он был тяжело ранен осколком гранаты, попал в госпиталь, где ему ампутировали ногу.

Домой Георгий вернулся на костылях. Ему предложили заведовать складом, потом хотели бригадиром назначить, но от обоих мест он отказался, пошел сторожем. А вообще он никакой работы не чурался, семья у него была большая, такую прокормить нелегко. Когда у них с женой родилась Маквала, они оба радовались. Первая дочка в семье — это хорошо, говорят в народе. Но за первой пошла вторая, третья, потом еще пять. А ведь он так мечтал о сыне.

Когда Георгий вернулся с войны, в чадробском колхозе не было своей партийной организации. Его прикрепили к парторганизации соседнего колхоза, и лишь два года назад, когда в партию вступили Кенчошвили, Эпремидзе и пришел новый председатель, Вашакидзе, Георгий стал партийным руководителем деревни. Правда, он поначалу отказался, боясь, что ему будет трудно. Ведь ни образования у него особенного не было, ни опыта. Но Вашакидзе, который назвал кандидатуру Георгия, надеялся, что быстро сделает его своим человеком. В райкоме тоже не были против. Кандидатура Георгия подходила. Так Георгий Чрдилели стал секретарем партийной организации.

Мать Маквалы была женщиной больной. Девочки тоже часто болели, и Георгий просто извелся. Измученный хождениями по врачам и аптекам, он часто говорил старшей дочери:

— Ты должна стать врачом, Маквала. У нас большая семья, десять человек, нам нужен собственный врач.

Маквала окончила среднюю школу с золотой медалью и поехала в Тбилиси поступать в медицинский институт. Подала заявление, устроилась в студенческое общежитие и начала заниматься.

Экзамены Маквала сдала хорошо, и никто не сомневался, что она попадет. Каково же было ее удивление, когда в списке зачисленных она не увидела своей фамилии.

В чем дело? Может, просто пропустили? Сейчас же надо идти к ректору. Да, да, прямо к ректору и все выяснить. Это недоразумение, конечно, недоразумение.

В приемной ей сообщили, что у ректора совещание и он никого не принимает.

— Когда же мне прийти?

— А зачем приходите? — спросила секретарша. — Раз комиссия не зачислила, ректор не поможет.

— Но, может, меня просто пропустили... — в голосе Маквалы еще теплилась надежда.

— Это невозможно.

Маквала повернулась и вышла в коридор. В глазах ее стояли слезы. Ей было очень обидно. Она забилась в угол и стала плакать. Но никто не обращал на нее внимания. Видно, привыкли здесь к слезам. Только какая-то старая женщина пожалела ее.

— Успокойся, дочка, — сказала она, когда Маквала коротко рассказала ей, что случилось. — Слезами делу не поможешь.

— Как же я могу успокоиться, когда с двадцатью тремя очками зачислили, а я набрала двадцать четыре? И к ректору меня не пускают.

— Сейчас уже рабочий день закончился. Приходи завтра утром. А я все узнаю.

На следующий день Маквала пошла прямо к старухе.

— Ничем, деточка, не могу тебя обрадовать. Зачисляли в первую очередь ребят со стажем. Поэтому ты не попала. Но ты не горюй, успеешь еще учиться.

Маквала ничего не ответила ей и вышла. Успеешь... конечно, успею. Обидно только, чем она хуже других?

Весь коридор был заполнен девушками. Они громко смеялись, поздравляли друг друга. Одну из них Маквала узнала: она полчаса сидела перед экзаменатором, когда сдавали физику, и не ответила ни на один вопрос.

Странно, когда же успели набрать стаж эти восемнадцатилетние кривляки?

По приезде домой Маквала заявила родителям, что идет работать в колхоз.

— Боже мой, доченька, — взмолилась мать, — ведь я так мечтала, что ты станешь врачом, а ты вон что задумала. Что теперь скажут люди...

— Мама, я только потому и иду работать, чтобы потом учиться.

— Ну вот и хорошо, — обрадовался отец. — Не беспокойся — она будет учиться.

Эх, было бы у него время заниматься детьми. А то ведь ему и невдомек, чем дышит каждый из них. Работа, работа, с утра до вечера одна только работа. Как-никак десять ртов прокормить надо.

Так думал Георгий Чрдилели, отец восьмерых дочерей, у матери же были другие заботы.

— Красивая ты у меня, Маквала, — часто говорила она дочери. — Боюсь за тебя. Как бы не случилось с тобой беды. Не верь мужчинам. Они все одинаковые.

— Почему ты со мной всегда так разговариваешь? — сердилась старшая дочь. — Ну почему? Неужели ты думаешь, что я дура?

Как прекрасно село в серебристо-синем свете луны. Дома, утопающие в зелени, где-то вдаль иссиние черные горы, а тишина, тишина-то какая. Лишь по вечерам с площади доносится барабанная дробь и трель саламури. Это молодежь веселится. А женщины выходят за ворота, чтобы поговорить с соседками. О чем только не переговорают, пока мужа не станут их звать в нетерпении. Потом снова тихо. Хихикнет раз-другой парочка в темном закутке, и опять тишина, как прежде.

Каждый вечер на площади устраивали танцы. Однажды туда пришел Гигла. Он постоял немного в стороне, огляделся, потом решительно влетел в круг, обошел его в танце и остановился перед Маквалой. Он наклонил голову, пригласив ее за собой, и она поплыла вслед за ним, радостно улыбаясь.

Загремел барабан в бешеном ритме, запела саламури, и этот вихрь всех захватил, и все стали хлопать, подбадривать танцующих. Лишь один стоял в стороне под ореховым деревом. Это был Мамука.

Интересно, чего он здесь стоит, прячется от других? Если он настоящий мужчина, пусть подойдет, потанцует с Маквалой. Эх, из любви к ней он мог бы и гору своротить, но... А вдруг она отвернется от него, опозорит на всю деревню? Нет, лучше уж уйти, совсем уйти.

Гонимый нестерпимым грохотом барабана, криками танцоров, рукоплесканием зрителей, он побежал через всю деревню. До виноградника шум с площади едва доносился. Мамука лег под ореховым деревом и уставился в небо. Сверху на него смотрели звезды. Они мерцали в темноте, и Мамуке казалось, что они ему подмигивают, и еще они напоминали ему маленьких божьих коровок. Он закрыл глаза, потом снова открыл, божьи коровки не исчезали. Вдруг одна из них сорвалась с неба, полетела вниз и пропала.

— Моя миленькая божья коровка, — прошептал Мамука. — Что случилось с тобой, почему ты исчезла? Прилети ко мне хоть на минутку. Ну, пожалуйста, прилети. Чего тебе стоит? Принеси мне немного счастья...

Была полночь. Деревня притихла.

«Уже поздно, а ведь завтра рано вставать», — подумал Мамука. Он встал и медленно поплелся домой. Со стороны силосохранилища послышался шум мотора.

Шум мотора приближался, а машины все еще не было видно. Мамука шел с дороги и спрятался в кустах.

Примерно через минуту показалась «Волга», и Мамука понял, что не ошибся. Из машины доносилась танцевальная музыка. Рядом с Гиглой сидела девушка. Вначале трудно было разобрать, кто это, но когда «Волга» приблизилась, у Мамуки подкосились колени.

«Маквала, это же Маквала!» У него потемнело в глазах, пересохло во рту. «О, хоть бы я ослеп и не видел всего этого», — подумал Мамука.

До сих пор ему казалось, что люди лгут, выдумывают, будто Маквала и Гигла по ночам встречаются. Оказывается, это правда. Ну и ловкач же Гигла. Теперь-то уже есть за что набить ему морду. Впрочем, при чем тут Гигла, если Маквала сама этого хочет? Конечно, хочет, иначе б не села в машину. Интересно, как это ему удалось заполучить ее? Эх, Маквала, Маквала! Ну теперь-то уже все, решительно все. Теперь он даже близко не подойдет к ней, даже не посмотрит в ее сторону.

Так думал Мамука, но какой-то внутренний голос твердил упорно: люблю, люблю. Да, он ее любил и ничего не смог с этим поделать. Он понимал, что нет у него без Маквалы жизни, и от этого ему было еще тяжелее.

7

Амиран Вашакидзе последнее время был неспокоен. Весна стояла в самом разгаре, а полевые работы колхоз не выполнил, и он боялся, как бы ему за это не «всыпали». Целыми днями председатель находился в поле, на фермах и к ночи, усталый, часто пешком возвращался домой. И все думал, думал о том, как выпутаться из создавшейся ситуации. На колхоз ему было наплевать, но срыв весенних работ мог повредить его дальнейшей карьере, и это беспокоило Вашакидзе больше всего на свете.

Однажды под вечер, когда председатель возвращался с фермы, на дороге ему встретилась высокая стройная девушка с длинной косой. Странно... неужели она из Чадреби? Не мог же он в самом деле ни разу ее не видеть. Вашакидзе остановился и проводил девушку глазами. Нет, не встречал он такой еще никогда, хотя и повидал для своих лет немало. Какое прекрасное лицо, и глаза, чистые, как родник. Интересно, чья она, откуда взялась такая красивая?

Иногда вечерами он выходил из своего кабинета, долго бродил по деревенским улочкам, надеясь встретить ее где-нибудь, но девушки нигде не было, словно исчезла она навсегда. Порой Амирана охватывало отчаяние, он уже переставал надеяться, но сердце подсказывало ему: жди, и он ждал.

И вот однажды судьба наградила его за терпение. Девушка, не глядя на Амирана, прошла мимо, и он бросился вслед за ней, догнал было уже ее, но она почувствовала это и ускорила шаг. Когда же он ее снова настиг, она неожиданно свернула вправо, юркнула в калитку и исчезла в темном саду.

Амиран слышал, как девушка взбежала по лестнице, как скрипнула дверь, но потом все стихло. «Может, она от меня спряталась, может, она еще выйдет?» — подумал он, но в этот миг на дороге появилась какая-то тень, и Вашакидзе, не желая показываться людям на глаза, спрятался за деревом.

Какой-то мужчина прошел мимо него в двух шагах, свернул вправо, пошатываясь, прошел по бревну через ручей и исчез в том же дворе, что и девушка. Было так темно, что Вашакидзе не смог разглядеть лица пьяного. Он узнал его уже потом, когда тот поднялся по лестнице. Это был Георгий Чрдицели.

— Как это я сразу не догадался. И дом этот его, а девушка — его дочь. Ну, конечно, есть у него дочь. И говорят, красивая. Красивая. — Амиран усмехнулся. — Разве хватит слов, чтобы описать ее красоту? Только интересно, как у этого калеки такая дочь уредилась? Эх, да какая разница...

В этот вечер Вашакидзе чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Старый Окро возвращался с виноградника ранним утром. Всю ночь он бивал в землю колья, подвязывал к ним лозу, устал и теперь шел домой, еле волоча ноги.

«Э-э... хоть бы быстрее начать строить дом, — думал старый Окро. — Когда-нибудь же Ираклий вернется в деревню, Мамука обзаведется семьей... Братья разделятся и будут жить каждый себе. Домик-то нужен небольшой, всего четыре комнаты, по две каждому брату, с отдельными лестницами и верандами. Придется, наверно, и виноградник делить... А что там его делить? Эх, почему так устроена жизнь?! Не лучше ли, чтобы все жили в мире, в согласии?»

На правом берегу реки у песчаной отмели был родник. Старик Окро наполнил, освежил лицо холодной водой и пошел дальше. Шагов через сто река раздваивалась. Дальше она текла по двум руслам, между которыми оставался островок земли, и тут же снова сходилась. Сотни раз за свою жизнь проходил старик мимо этого места, а тут вдруг остановился, задумался: «А что если взять и свести русло в одно? Тогда можно будет отвоевать у реки этот островок. Очистить от камней и песка, засыпать плодородной землей, а там и лозу посадить можно будет. Чем я рискую? Попытка не пытка. А вдруг она возьмет и приживется? Вот будет дело!».

Соседи над затеей старика лишь посмеялись. Какая лоза привьется на этом месте? А если и привьется, то все равно весной паводок ее загубит. Мамука тоже так думал. Затая отца ему не понравилась, но старик никого не послушал. Вырубил на островке колючки, собрал камни, старые ветви и устроил запруды. Пускай теперь разливается река...

Однажды вечером Окро, как обычно, шел на свой участок и по дороге встретил председателя.

— Здравствуй, Окро. Как живешь? — спросил Вашакидзе.

— Хорошо, спасибо.

— Ты что это каждый день ходишь к реке? Камни собираешь?

— Нет, я участок свой очищаю. Хочу там кукурузу посеять.

— Ах, вот оно что! Осваиваешь целинные земли, — усмехнулся председатель. — Ну давай, давай. Нам энтузиасты нужны.

— Амиран, дорогой! Я бы не посмел к тебе в другой раз обратиться, — сказал Окро, — но сейчас у меня просто нет выхода. Не мог бы ты мне ненадолго арбу дать? Землю к реке свезти.

— Арбу... — задумался председатель. — Нет, не могу. Ты ведь знаешь, на арбах мы возим удобрения, и сейчас нам не до твоего участка. В другой раз же откажу, а сейчас нет, не могу.

Старик промолчал. Он лишь повернулся и пошел дальше своей дорогой.

Они встретились неожиданно.

«Боже мой, как она изменилась, — подумал Мамука. — Выросла, похорошела: высокая грудь, покатые плечи, а лицо...» Такого прекрасного лица Мамука еще не видел. Он так растерялся, что даже забыл поздороваться с девушкой. Она поняла его замешательство и поспешила на выручку.

— Здравствуй, Мамука. Как ты изменился. Я даже тебя сперва не узнала.

— Здравствуй, Маквала, — робко проговорил юноша. — И ты изменилась, похорошела. Стала совсем взрослой. — Он говорил так тихо, что она едва слышала его слова, потом вдруг замолчал, не в силах произнести ни слова.

— Ты навсегда приехал? — спросила Маквала, разорвав томительное молчание.

— Да, навсегда.

Они снова замолчали. Только теперь это было еще более невыносимо.

— Маквала, дорогая, — вдруг проговорил Мамука. Он хотел было сказать еще что-то, но в это время кто-то сильно схватил его за руку и повернул к себе. Это был Гигла. Он тяжело дышал, а глаза его были красны, как у буйвола.

— Что тебе от меня надо? — спросил Мамука, глотая подкативший к горлу комок.

— Тебя бы надо избить хорошенько, за то что ты пристаешь к девушкам.

Они так близко стояли друг к другу, что слышали, как бьются их сердца. Злые, налившиеся кровью глаза Гиглы раздражали Мамуку. В другое время он мог бы и не ответить, стерпеть, но тут ведь была Маквала.

— Ты за собой лучше смотри! — Мамука рывком освободил свою руку, и Гигла понял, что он не шутит.

— Гигла, что с тобой? Это ведь Мамука Мариамидзе. Неужели ты его не узнал? — поспешила вмешаться Маквала.

Гигла надулся как индюк, но Маквала схватила его за руку и отвела в сторону.

— Мамука это или кто другой, мне все равно. Пусть тебя благодарит. А то бы я ему...

— Заткнись-ка лучше, — посоветовал Мамука.

Гигла рванулся было к нему, но Маквала снова его остановила.

Вашакидзе снял комнату около дома Чрдилели. Дом, в котором он теперь жил, был низкий и ветхий, комната сырая и темная, но зато ведь рядом была Маквала.

Раньше Миран жил у Реваза Эпимидзе. Впрочем, не жил, а ночевал изредка, когда оставался до утра в деревне. Теперь же по вечерам он никуда не уезжал, все больше был дома, лежал в гамаке под ореховым деревом и читал книгу. Не столько читал, сколько делал вид, что читает. А сам то и дело поглядывал за оградой, может, Маквала появится. Видел он ее часто. Когда знал, что родителей нет дома, пытался даже заговорить, но девушка лишь краснела, поворачивалась и заходила в дом.

Старый Окро вспахал островок, пересадил на него из своего старого виноградника пятьдесят лоз, а междурубья засеял кукурузой. Виноград зацвел ранней весной, как и все вокруг. Кукуруза же долго не всходила, но однажды после дождя и она бойко стала выходить из земли, и старик обрадовался как ребенок.

— Взошла, взошла, голубушка! — воскликнул он восторженно, поглаживая своей шершавой рукой нежные ростки.

Шли дни. На островке все зазеленело и расцвело.

Теперь старик дневал на нем и ночевал. Полыл, вносил удобрения.

— Молодец, Окро, — говорили односельчане, проходя мимо его участка.

— А что, захотел — сделал! Человек все может.

Однажды Вашакидзе читал во дворе книгу, как обычно поглядывая в сторону дома Чрдилели, где Маквала стирала белье под тутовым деревом. Солнце уже начинало садиться, и лучи его играли на ее лице и ситцевом платье, и он не мог оторвать от нее взгляда, но вдруг зазвонил телефон.

Миран нехотя пошел в дом и снял трубку.

— Алло, слушаю... Да, это я, Вашакидзе, — громко проговорил он, но затем голос его притих, и он прикрыл даже рукой трубку. — Что вы говорите? Не может быть, я же только что оттуда. Да, да, я сам, лично, осмотрел все поле, — как мы не встретились, не пойму... Да, вы правы, пшеница уже созрела... Что? Можно начать уборку? Ну конечно. Сделаем так, как прикажете. Будьте спокойны.

Прийдя в правление, Вашакидзе тотчас же вызвал Кенчошвили.

— Бригадир, — проговорил он твердым, решительным голосом, — я получил приказ из управления начать уборку. Вы готовы?

— Уборку? — удивился Кенчошвили. — Но ведь еще рано. Надо немного подождать.

— Ждать мы не можем, — ответил председатель. — Раз приказано — будем убирать. Им наверху виднее.

— Но ведь зерно сырое, колос еще не созрел, — снова попытался возразить бригадир.

— Не знаю. Начальник управления сам сегодня осматривал наши поля. Я об этом даже не знал. Он считает, что, если мы завтра же не начнем уборку, зерно осыпется.

— Он, наверно, смотрел на пшеницу из окна своей машины, — ехидно усмехнулся Кенчошвили.

— Васо, к чему такие разговоры? Ты же знаешь, прикажут — будем убирать. У нас одно хозяйство, а у них целых три района. Не могут они каждый день к нам приезжать.

— Тогда пускай больше доверяют. Нам на месте виднее. Слава богу, не первый год с землей возимся. Свое дело знаем.

— Ладно, не будем терять время на разговоры, — сказал председатель. — Лучше поедем и все на месте посмотрим.

Уже вечерело, когда они подъехали к полю.

— Да, хороший выдался в этом году урожай. О лучшем и мечтать нечего, — радостно проговорил Кенчошвили. — Даже засуха ему не повредила. — Бригадир сорвал один колос и растер его на ладони. Потом сдунул шелуху, зерна же были тяжелые и не улетели.

Вашакидзе проделал то же самое.

— Да, — согласился он, — урожай отменный.

— Но хлеб не созрел, — сказал Кенчошвили. — Неужели ты не видишь, что зерно еще влажные. Им еще неделю стоять самое малое.

Вашакидзе сорвал еще колос, задумался.

— Ну раз так, — сказал он немного погодя, — тогда подождем. Начнем убирать через неделю.

На следующий день Миран сразу же решил повидать секретаря парткома. К счастью, Мшвидобаде был один.

— Николай Васильевич, — проговорил он, едва переступив порог его кабинета. — Не хотелось мне вам говорить об этом, но дело требует. Не поду-

майге, пожалуйста, что я не уважаю старших, не обращаю внимания на их требования, но когда я вижу, что требования эти во вред делу, я не могу молчать.

— Верю, верю тебе, Амиран, но что случилось? — удивленно проговорил Мшвидобадзе.

Вашакидзе доложил о приказе, поступившем из управления, а в конце сказал:

— Николай Васильевич, я понимаю, он начальник управления и его приказ должен быть для меня законом. Но что делать, как председатель колхоза на сей раз выполнять я его не могу. Вы наш партийный руководитель, как вы скажете, так я и сделаю.

— Я могу только приветствовать ваше решение, товарищ Вашакидзе. — официальным тоном проговорил Мшвидобадзе. — Поддерживаю его полностью.

К полудню земля и воздух нагревались так, что дышать становилось нечем. Над головой висела непроницаемая знойная дымка. Пятый день уже собирали урожай чадребцы.

Кенчошвили дневал в поле и ночевал. Его можно было видеть то у одного комбайна, то у другого, а когда выдавалась свободная минута, он отправлялся в управление выбивать горячее и запчасти. И если комбайны не простаивали ни одной лишней секунды, в этом была его заслуга.

Вашакидзе первые дни тоже бывал в поле. Он даже научился управлять комбайном и несколько часов провел за работой, но потом вдруг заявил, что ему срочно надо в Казбегу, где колхоз собирался закупить коров, сел с Гиглой в машину, и они уехали.

Через четыре дня, они вернулись с пустыми руками, но с хорошим морским загаром, и в первый же вечер, изрядно выпив, Гигла проболтался, что были они не в Казбегу, а в Гагра, и что Амиран проводил время с какой-то своей знакомой в гостинице, а он, Гигла, тоже не терялся.

На следующий день Гигла появился в поле. На нем был старый промасленный комбинезон, и он выглядел заправским комбайнером. Работал он в паре с бригадиром. На их машине развевался флажок и висел транспарант: «Соберем урожай в срок и без потерь».

— Бригадир и его адъютант решили сегодня поработать, — усмехнулся Шахро.

— Не волнуйтесь, они не станут себя слишком утруждать, — ответил Мамука. — Вот увидишь. Пройдутся раза два, и словно их не было.

На сей раз Мамука явно ошибся. Не бросил бригадир работу и после пятого круга. А как-то когда их комбайны встретились, он закричал:

— Эй, ребята! Можете отдохнуть немного! До обеда я вас освобождаю!

— Что с ним случилось? — удивился Шахро.

— Не знаю, — ответил Мамука. — Впрочем, какое нам дело. Пойдем лучше скорее отсюда. Чего лишнее время жариться на солнце?

Они улеглись в тени недалеко от дороги, говорили о том о сем, но усталость взяла свое, и оба, как по команде, заснули.

В полдень их разбудили громкие голоса. У комбайна, на котором работали бригадир и Гигла, остановился «газик». Из него вышли председатель, Мшвидобадзе и редактор газеты. Они поздоровались с механизаторами и пошли вслед за комбайном.

— Ну, что вы скажете, товарищ Давид, хорошо убирают урожай наши ребята? — обратился Мшвидобадзе к редактору.

— Конечно, что за сравнение! Здесь и потерь меньше, и уборка качественнее, — ответил тот, не глядя даже на поле и машинально доставая фотоаппарат из футляра. Он сделал несколько кадров сзади, сбоку, потом забежал вперед и щелкнул еще два раза.

Когда эта процедура кончилась, Амиран позвал Кенчошвили:

— Погоди немного, Васо! Товарищ хочет с тобой побеседовать.

Бригадир переключил скорость и сделал вид, что не слышит.

— Кенчошвили! Ты что, оглох? — рассердился председатель. — Остановись на минуту!

В ответ тот лишь замахал рукой, но потом вдруг сообразил ответить:

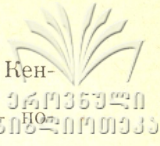
— Ей-богу, сейчас не время для этого. Дорога каждая минута, — но трактор все-таки остановил и велел Шахро заправить его горючим. Потом он сделал знак Гигле следовать за ним, и оба они пошли к начальству.

— Ну, ребята, как дела? Какие будут претензии, пожелания? — спросил секретарь парткома.

— Все в порядке, товарищ Мшвидобадзе, — ответил бригадир.

— Вот и отлично, — довольно проговорил Мшвидобадзе. Затем обратился к редактору: — Товарищ Давид, вы, наверно, хотите побеседовать с механизаторами?

— Конечно, конечно.

Редактор достал из портфеля блокнот, карандаш и сел в тени у стога. Кенчошвили и Гигла устроились рядом с ним.

— Друзья мои, не волнуйтесь, я у вас много времени не отниму, — спешил он успокоить своих будущих героев.

— Ничего, ничего. Мы не теряем времени попусту. Сейчас все равно трактор заправляют горючим, — сказал Кенчошвили.

— Ах так, ну тогда хорошо, — обрадовался редактор и стал задавать механизаторам вопросы. Его интересовало многое: и сколько они собирают с гектара, и как идет соцсоревнование, и даже кто у них в бригаде является агитатором. Кенчошвили отвечал четко и точно, а когда услышал последний вопрос, немного задумался, но и тут не растерялся. Обычно агитаторами назначали учителей местной школы, и он назвал первую пришедшую на ум фамилию.

Гигла прыснул, еле сдержав смех, но редактор этого не заметил. Оказывается, Кенчошвили назвал фамилию учительницы, которая два года назад вышла замуж и жила себе в Батуми. К счастью, ни Мшвидобадзе, ни председатель этого не заметили. Они стояли неподалеку и говорили о чем-то своем.

— Амиран, ты такой черный, будто загорал на море.

— А разве это не море, Николай Васильевич? — спросил Вашакидзе, окинув взглядом свои владения.

— Это ты хорошо сказал, Амиран, — обрадовался Мшвидобадзе. — Море, конечно море, да еще какое море — золотистое, ароматное. Да, урожай у вас в этом году хороший и, видно, вы успели с уборкой вовремя. Только вот как будет со всем остальным? Ты ведь знаешь, план государственной заготовки высокий.

— Что же делать, Николай Васильевич? Все наши силы были брошены на подготовку к уборке урожая, но, даже несмотря на это, за исключением поставки яиц, все планы выполним, — виновато проговорил Вашакидзе.

— А много яиц будет недоставать?

— Много, Николай Васильевич. Боюсь, что и пятидесяти процентов сдать не сможем. Куры передохли... около тысячи штук. Может быть, вы посоветуете, как нам быть.

Мшвидобадзе улыбнулся.

— Вы сами должны найти выход.

Председатель задумался, затем опустил глаза и робко спросил:

— А что если мы купим их на базаре?

— Ты мне план выполни, а покупать их можешь хоть на Марсе.

Вашакидзе обрадовался своей находчивости, осмелел.

— С яйцами еще куда ни шло, Николай Васильевич, как-нибудь уладим.

По правде сказать, меня больше мясо волнует.

— Мясо? — удивился Мшвидобадзе. — Ты же сказал, что по остальным видам у вас все в порядке.

— Да, но... вы же знаете, что у нас всего десять коров, и они еще не телились. Мне жаль из сдавать на мясо. На будущий год они могут нам принести хороший приплод, да и молока будут давать в два раза больше, чем старые коровы...

Мшвидобадзе понял, что хотел этим сказать председатель, и прервал его.

— Коров оставь в покое. Это вызовет снижение надоя.

— Понял, Николай Васильевич...

— Кстати, а где ваш парторг? — спросил Мшвидобадзе. — Где он шляется? Сколько не бываю в колхозе, никак его застать не могу.

— Что делать, не сидится ему на месте. Сейчас вот в горы поднялся. Я его отправил. Пускай, думаю, хоть газеты пастухам почитает, — сказал председатель.

— Молодец, значит, к делу относится добросовестно, всей душой.

— Что у человека есть, того не отнимешь. Работник он действительно хороший. — нехотя поддакнул Вашакидзе. Ему не хотелось говорить о парторге, разговор на эту тему был председателю неприятен, и он воспел «переменить пластинку».

— А как поживает уважаемая Манана? — спросил он.

— На море она, отдыхает, — ответил Мшвидобадзе. — Вчера только разговаривал с ней по телефону. Обижена на меня. Хоть на пару дней, говорит, приезжай. Но ты ведь знаешь, сколько у меня дел. Как же я могу поехать?

— Да, это верно, дел у вас, Николай Васильевич, много.

— То-то... Ну вот, кажется, и наш журналист закончил работу. Пойдем к ним, надо прощаться.

Когда гости и Вашакидзе сели в машину, Мшвидобадзе сказал:

— Хорошие ребята.

— Да, парни отличные, — подхватил редактор, — и механизаторов таких

не только в нашем районе, во всей республике не найдешь. В ближайшем номере газеты напечатаю о них большой очерк с фотографиями. И в республиканскую «Коммунисти» интервью дам и, может быть, даже на радио.

Машина секретаря парткома, направляющаяся на другой участок, еще не успела скрыться, как на дороге, идущей из Чадреби, снова поднялась пыль. Когда сияя «Волга» начальника Сельхозуправления Керечашвили подкатила к деревянному домику, в котором хранились запчасти, Мамука искал там какую-то деталь.

— Эй, парень! Ну-ка подойди сюда! — окликнули его из машины.

«Интересно, кто это может быть?» — подумал Мамука и пошел навстречу.

Керечашвили вышел из машины, пригладил рукой торчащие волосы и отляделся вокруг.

— Я вас слушаю, — проговорил подошедший тем временем Мамука.

— Вы что, еще убираете? — спросил Керечашвили.

— А что же нам делать? Мы ведь еще и половины урожая не собрали.

— Как это не собрали?! — удивленно воскликнул управляющий. — За две недели не смогли собрать даже половину?

— Две недели? — переспросил Мамука. — Всего только пять дней, как мы убираем.

— Послушай, парень, не говори глупости, — сказал Керечашвили. — Если не знаешь, лучше молчи.

— Это вы, наверно, не знаете, а я знаю, — ответил Мамука.

— Я говорю с тобой на основании официальных данных, — не унимался управляющий, — а ты... да вообще, кто ты такой?

— Тракторист.

— Тем более. Раз ты тракторист, ты должен знать, со скольких гектаров собрали урожай?

— Если я говорю, значит, знаю, — сказал Мамука. — А ваше дело проверить, если вы мне не верите.

— Ну вот, ты еще меня уму-разуму будешь учить, — рассердился Керечашвили. — А ну-ка иди за мной.

Керечашвили повернул и пошел к сжатому полю. Мамука направился вслед за ним. Пройдя шагов двадцать, управляющий нагнулся и подобрал с земли несколько колосьев, оставшихся после жатвы.

— Ну что, не жаль вам, что вы потеряли столько зерна? — спросил он Мамуку.

— Кто нас спрашивает? Как приказывают, так и делаем. Мы люди маленькие.

— Как можно так говорить? Вы должны с любовью относиться к делу, беречь народное добро. Разве вам не жаль своей же работы.

— Что делать, мы говорили и бригадиру, и председателю...

Керечашвили тем временем занялся странным делом. Он начертил на земле какой-то квадрат и стал собирать рассыпанные по нему зерна.

— Как ты думаешь, сколько здесь граммов? — спросил он, показывая на свою ладонь, когда кончил работу.

— Граммов тридцать, сорок...

— Допустим, здесь тридцать граммов, добавь еще те зерна, что я не подобрал. Еще десять. Следовательно, на одном квадратном метре вы теряете сорок граммов пшеницы. Ты представляешь, какую это может составить цифру? Где председатель?

— Он только что здесь был с гостями.

— А где сейчас?

— Не могу сказать точно, но, наверно, на втором поле.

Начальник управления резко повернулся и пошел к машине.

— Поехали, — сказал он, хлопнув дверцей.

Когда машина отъехала, Мамука взял нужную деталь и направился к своему комбайну, который стоял метрах в ста от деревянного домика.

— Что он приезжал? — спросил Шахро, высунувшись из кабины.

— А кто это был?

— Начальник управления! Разве ты его не знаешь?

— Ну?

— Ты ведь был на совещании. Неужели ты его не узнал? Он сидел в президиуме.

Мамука махнул рукой.

— Их столько было в этом президиуме...

ПИСЬМО ПЕРЕВОДЧИКУ

...Вы просите написать несколько слов о Гураме Рчеулишвили...

«Он никогда не скупился на выражение своей личности...»

Может быть, это и звучит банально, но он действительно весь в своих рассказах. Наверное, более чем кто-либо другой из его сверстников-прозаиков.

Гурам Рчеулишвили занимает особое место в нашей сегодняшней литературе. Он стал выразителем духа нового поколения, привнес в грузинскую прозу свои темы, свои взгляды, своих героев, свое отношение не только к жизни, но и к литературе, к самому слову.

Отчасти это объясняется незаурядностью личности Гурама Рчеулишвили, в которой самобытность его натуры странным образом сочеталась с интеллигентностью. Он, говоря его же словами, «чувствовал, как дышит земля, чувствовал по-новому, как может чувствовать человек, привыкший к асфальту, как скотина, которая кормится сеном из яслей и вдруг ощущит вкус молодой весенней травы» («Натела»). И, очевидно, поэтому ему, человеку весьма большой культуры, ничто земное не было чуждо. С одинаковой страстью занимался он и литературой, и верховой ездой; сильный физически и духовно, он до конца отдавался своим порывам, что в какой-то степени коробило приверженцев спокойного, мещанского уклада жизни. Он всегда искал чего-то необычного, вернее, необычного в обычном, подвергал себя опасности, в нем силен был рыцарский дух.

Он и погиб как рыцарь, спасая других...

Сейчас его проза воспринимается как обязательное звено в развитии современной грузинской прозы, его рассказы (напечатанные посмертно) продолжают оказывать воздействие на формирование нашей сегодняшней прозы, в свое же время их с трудом печатали. При жизни Гурама было опубликовано всего

Письмо адресовано Мерице Пау — молодой эстонской переводчице. В ее переводах читатели ознакомились с произведениями К. Гамсахурдиа, Н. Думбадзе, О. Иоселиани, Г. Рчеулишвили.

несколько рассказов, после смерти — изданы две книги.

Гурам Рчеулишвили родился в 1934 году 4 июля в старом грузинском городе Кутаиси, но рос и воспитывался в Телави и Тбилиси. Именно в Телави ощутил он всю красоту Кахети — прекраснейшего уголка Восточной Грузии (кстати, красота эта придает особое обаяние его рассказам), именно в Телави и Тбилиси формировались его взгляды, его язык — чистый (от диалектизм и вульгаризмов), лаконичный, рафинированный, степенный. Кстати, вспомним: именно в Кахети и Картли сформировался грузинский литературный язык.

В становлении взглядов, вкусов, литературных пристрастий Гурама Рчеулишвили большую роль сыграла его интеллигентная семья, в особенности бабушка Саша, родная сестра академика Ивана Александровича Джавахишвили, одного из основателей Тбилисского университета. Кстати, в своем рассказе «Мне двадцать пять» Гурам с любовью обрисовал свою бабушку — женщину весьма колоритную. «Я вспомнил Телави, бабушку. Сгорбленная от старости, с поджатыми губами, поднялась она по лестнице, подошла ко мне, присела рядом и стала переводить с французского рассказ Мопассана. Теперь мне казалось, она журила кого-то, потом стирала белье и читала наизусть стихи Альфреда де Мюссе».

Рассказ этот автобиографичен. Написан он в 1956 году в форме исповеди, наиболее простой и легкодоступной для начинающих писателей, которые с трудом, а порой и вовсе не освобождаются от нее. Гурам же поразительно быстро преодолел эту форму. Причина: иной материал требовал иного выражения. И все. Гурам-писатель рос не по дням а по часам — как в сказке... Писать он начал в 1956 году, написал больше тридцати рассказов. В том числе «Саламура», «Осень дедушки Котэ», «Цнито», «Как изменился Игорь Коблуков», в которых уже чувствуется глаз не «автора-соучастника», а «автора-наблюдателя». Эти рассказы написаны профессионалом, а не начинающим писателем. Но фактически это все-таки первые расска-

зы. Их автору тогда было двадцать два года!

К тому времени Гурам Рчеулишвили учился в Тбилисском государственном университете на факультете востоковедения и сильно увлекался спортом, особенно альпинизмом. Достиг как будто немало, но так торопился, будто знал, что отпущено ему на жизнь еще четыре года. Всего четыре. За эти четыре года он успевает исколесить всю Грузию, пожить по несколько месяцев в Москве, в Одессе, в Карпатах, подняться на труднодоступные вершины Ушбу и Шхельду (мечта каждого альпиниста), выполнить норму мастера спорта. И все это для него было только началом, подготовкой к ремеслу писателя. Ведь писал же он: «Не могу столько видеть и не писать».

А видеть «что» и «как» он умел. Писать тоже умел, не только отлично, но и неистово и самозабвенно; часто запирался и буквально неделями работал, не выходя из дому.

Между прочим, сам он отлично замечал эту ненасытность и неистовость своей натуры и в рассказе «Натела» как бы наносит штрихи к автопортрету: «Поэт никогда не работает, следовательно, он никогда и не отдыхает. И разум и тело его одинаково возбуждены как ночью, во время сна, так и до шести часов вечера, пока другие работают, и после шести, когда другие отдыхают. Любовь к нему приходит зимой так же, как и весной, и он пожинает плоды своих желаний независимо от времени года и суток. Эта внутренняя напряженность творца вынуждает людей, окружающих его, подсознательно исполниться думами, сомнениями, хорошими или дурными мыслями, заметить то из своей жизни, на что они не обращали внимания до его прихода».

Поистине Гурам Рчеулишвили не только сам был вдохновен, но и вдохновлял других.

Большой страсти он отдавался до конца. Эта основная черта его характера присуща и его герою, молодому человеку, который в 1957 году ворвался в застоялую в какой-то степени атмосферу грузинской прозы.

Этот год знаменателен не только появлением рассказов Гурама. В 1957 году вышел первый номер молодежного литературно-общественного журнала «Цискари» (редактор Вахтанг Челидзе). В нем и были напечатаны рассказы Гурама Рчеулишвили и его друга — Гурама Гегешидзе. А потом появились произведения их сверстников, представляющих сегодня цвет грузинской литературы.

Журнал «Цискари» стал тогда своего рода приютом и кузницей молодых прозаиков, поэтов, критиков, художников, ученых. Глашатаем поколения.

По притоку талантов этот период нашей жизни может сравниться только с двадцатыми годами. Музыка, театр, кино, литература, наука, политика — не осталось ни одной сферы грузинской действительности, куда бы не докатилась волна обновления. Гурам был на гребне этой волны.

Я не хочу выделять Гурама из круга его сверстников-писателей, у них очень много общего, но все же надо сказать, что в творчестве Гурама Рчеулишвили получил наиболее сильное отражение пафос утверждения. Утверждая, отрицать, притом зная, что только активное отношение к самой жизни — залог движения. «Он думает: откуда берется эта жизнеспособность, и отвечает — она во мне самом, она в народе, но здесь растерялись некоторые и уже не могут получить истинного удовольствия создателя от работы, так как накал страстей в созидании, а не в усладе созданным» («Алавердоба»).

Именно с Гурамом и писателями его поколения связана переоценка ценностей в грузинской прозе, утверждение этической проблематики, урбанизация литературы, новое освещение столь традиционной темы, как человек и земля, весьма оригинальная трактовка вопросов любви, жизни и смерти.

Множество тем, затронутых писателем, форма их подачи, их философское обобщение — оригинальны, свежи, продиктованы временем и в свою очередь сами диктуют времени истинно гуманные взгляды этого двадцатипятилетнего парня.

Но когда мы говорим, о чем он писал, мы должны сказать, и как он писал. Ведь «что» и «как» в ремесле писателя неразрывны.

Гурам знал, как писать. Можно только удивляться его тонкому чувству языка, ритма, реплики, жеста. Многое у него не договорено, многое надо понять чутьем. Но какие нюансы души ему доступны! Какие передельи и какие грани характера! Будь это «Смерть в горах», «Цкито», «Саламура» или «Батарека Чинчараули».

Трепещущее и светящееся чувство девичьей любви...

Боль, причиняемая себе и другим одним необдуманном словом, движением, поступком...

Наилучшим из его рассказов я считаю «Батареку Чинчараули». В нем ощутим и тонкий психолог и искусный рассказчик. Можно только удивляться музыкальной контрастности звучания его фразы и ритму повествования.

Помните Батареку? Обезленный и подавленный вынужденным бездействием человек-громадина и его тринадцатилетняя дочь Мзия с пробуждающейся любовью ко всему, что ее окружает, с

обостренным чувствованием всего, что составляет ее мир, многоцветный, головокругительный, загадочный. Помните: «И когда она поднималась по лестнице, ей часто казалось, будто верхняя ступенька лобит ее больше, чем та, на которой она стоит?»

Два совершенно разных человека, две непохожие души, два восприятия одного и того же мира.

И эта девочка с «удивленными рещицами» погибает.

Нельзя забывать, что волшебнo сверкающие нити, из которых соткана душа человека, порой приобретают упругость стали, а порой рвутся от дуновения ветерка. Нет, не надо лелеять ее (жизнь не питомник), но и не следует забывать, что она — душа, и притом живая.

Все чистое и прекрасное легко ранимо.

Даже сейчас, говоря о «Батарекe Чинчараули», я, кажется, невольно посягнул на красоту и совершенство художественного произведения.

Разве можно пересказать музыку?

Поэтому прошу вас быть чуткой к его слову, к поэтичности его прозы. Без этого «Батарека» поблекнет, да и не только «Батарека». Что и постигло, к сожалению, его рассказы в русских переводах.

Одно время кумиром Гурама был Эрнест Хемингуэй. Видно, тут сказались и сходство натур. И в прозе Гурама нет-нет да и мелькнет что-то от Хемингуэя. Но он недолго оставался его учеником. Единственное, что унаследовал Гурам от большого писателя — это умение недосказать, чувство глубинного течения, лаконичность фразы. Он освободил современную грузинскую прозу от излишней метафоричности, от канонизированных сравнений и образов, но в случае надобности удивительно четко, живописно рисовал не контуры, а каждую деталь картины. Это у него получалось красочно, по-рубенсовски, и тут же сухой язык ученого, исследователя нравов и характеров. И, что главное, все это сплавлено воедино, в одно стилевое целое.

Все его рассказы, опубликованные при жизни, напечатаны в «Цискари». Он так и не испытал великого счастья писателя — подержать в руках свою книгу. Не увидел русский, немецкий, или эстонский переводы своих рассказов, экранизации «Алавердоба» и «Безвестного из Уплисцихе».

В 1960 году Гурам отдыхал на Черноморском побережье Грузии, в Гагра. Было 23 августа. Он написал свое последнее стихотворение «Матери». На море семь-восемь баллов волнения. Он спалас других. И все спаслись. Кроме него.

Как не вспомнить тут его слова: «Человек должен жить всем своим существом... — а что такое вечность — ерунда, каждый человек живет вечно, во всяком случае он вечен в те годы, которые проведет в этой жизни. Если на то пошло, человек вовсе не умирает, просто рождается другой, и он лишь чуточку отличается от ушедшего».

Есть у Гурама два рассказа — «Не так уж море и волновалось» и «Медленное танго». В них человек оголен. В одном случае ради собственного спасения он предает друга, в другом, спасая ближнего, гибнет сам. В обоих рассказах трагедия разыгрывается на море. Убедительно нарисованы писателем два типа людей — труса и человека, готового на самопожертвование.

И когда жизнь поставила Гурама Рчеулишвили в условия, где ему пришлось выбирать между своими героями, он предпочел второго.

Гурам Рчеулишвили относился к тому типу писателей, для которых главный герой их творчества остается идеалом и в личной жизни. А может быть, этот герой и был отражением мужественности и неповторимости самого автора?

Пожалуй, так, потому что такой герой и такой писатель в грузинской прозе больше уже не встречался. Говоря словами самого Гурама, «рождается другой, который лишь чуточку отличается от ушедшего».

НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ АРЧИЛА СУЛАКАУРИ

14 лет назад, когда Арчил Сулакаури был уже известен как один из лучших представителей молодого поколения грузинских поэтов, в журнале «Мнатоби» был напечатан его рассказ «Волны стремятся к берегу». Рассказ был сразу же замечен благодаря его несомненным идейно-художественным достоинствам. Привлекали не только замысел, своеобразие тематики и ее художественного разрешения, но и то новое, что несло в себе это произведение.

Рассказ навеян воспоминаниями о прозных годах Великой Отечественной войны. Сюжет его целиком построен на психологических коллизиях персонажей. Но поскольку движущей пружиной сюжета являются характеры героев, действие в рассказе отодвинуто на второй план. В силу этого достигнута высокая степень типизации, при которой идейно- и эмоционально-обобщающее звучание приобретают не только персонажи, но и окружающие их предметы. Помимо своего обычного значения, они имеют еще и символическое. Именно так воспринимаются увиденные Солдатом степи, усеянные цветами смерти — деревянными крестами; горы под тяжелым серым небом; испепеленный в пламени войны, разгромленный и опустошенный портовый город; мачты затопленных в порту кораблей, словно воздетые руки утопающих; суда, рассыпанные по морю; катер, объятый пламенем...

Море напоминает Солдату — главному герою рассказа — огромное кладбище, «где нет ни крестов, ни надгробных камней, ни обелисков», что «земля — не море, земля хранит память о людях»...

Память о людях — главная проблема, основное содержание бытия. Это и любовь, которая строит то, что разрушает ненависть. Любовь, отрицающая войну, создающая цивилизации, искусство, культуру. Все то, что сделано руками и разумом человека. И земля — та благодатная почва, которая должна хранить память о ней и на которой произрастает древо любви. «Земля хранит память о людях», а море крадет людей, уничтожает их.

Солдат полюбил Девушку и до самой смерти сохранил память о ней. Благодаря любви жизнь его обрела новый смысл, он стал отождествлять ее с любовью. Всем существом покорившись этому чувству, он стремится стать героем, каким бы желала видеть его Девушка.

Старшина, противопоставленный в рассказе Солдату, не способен на такую любовь. И вряд ли будет он помнить любящую его девушку. Грубой силой вырывает он у нее ласку, словно для того, чтобы тут же потерять ее. Солдат — как земля, Старшина — как море. И в этом высокая символика рассказа. Недаром когда они впервые встречаются, Солдат приходит с суши, а Старшина — с моря.

Использованный здесь прием так называемого наследования знаком в литературной практике. В ряде произведений мы встречаемся с таким положением, когда дело погибшего героя продолжают его сторонники, которые побеждают. Так, в «Юлии Цезаре» Шекспира после гибели Цезаря начинают им борьбу против республиканцев ведет Антоний, а в «Затопленных камнях» И. Мосашвили всю тяжесть патриотической борьбы Бежана-Аги берет на себя Шукри Джафароглы...

Но есть и другая разновидность этого приема, при которой наследуются мировоззрение героя, те или иные его человеческие качества. Вспомним «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Здесь комиссар полка Воробьев своей беседой вселяет уверенность в Мересьева, множит его силы, укрепляет в нем любовь к жизни; в результате оставшийся в живых Мересьев — это по существу Воробьев в действии, Воробьев молодой и энергичный.

На наш взгляд, в рассказе А. Сулакаури налицо аналогичная ситуация: Солдат передает Старшине опыт своей жизни, свойства своего характера. Но разница тут все же есть. У Бориса Полевого такая «передача» служит исходным моментом для показа удивительной жизни Мересьева; у Сулакаури вся идейная нагрузка рассказа возложена именно на этот «процесс» передачи. И тут главное — смерть Солдата. Он силен даже в смерти, такая в нем неумная жажда жи-

ни и такая неистребимая ненависть к врагу. Солдат умирает, но он заполняет пустоту в душе Старшины, и в его лице мы имеем уже совсем другого героя, физически более крепкого, чем был Солдат, и духовно более богатого, чем был прежний Старшина.

Патриотизм, сила духа, непримиримость к врагу, как знамя, выпавшее из рук героя, подхвачены другим, оставшимся в живых. Такова основная мысль рассказа Арчила Сулакаури.

Но поскольку момент, когда Старшина вступает во владение «наследством» Солдата, наиболее важный в данном произведении, можно было предположить, что автор остановится на нем более подробно. Между тем именно в этом эпизоде нет ни необходимой глубины, ни должным образом раскрытого душевного порыва героя.

Этот герой глубоко эмоционален и интеллектуален, силен и духом, и телом. Он всегда готов помочь другим. И действительно, жертвует всем, ничего не требуя взамен. Этого Солдата напоминает и другой герой Арчила Сулакаури — рыбак Ладо из рассказа «Половодье». Он также спокоен, силен, добр, преисполнен готовности прийти на помощь каждому.

Герои Арчила Сулакаури великодушно снисходительны, ибо сознают свое превосходство над противостоящими силами. Солдат уступил в конфликте со Старшиной из жалости к беззащитному и слабому человеку. И хотя он решает не дружить с ним, так как он воровски воспользовался лаской его любимой девушки, все же становится его союзником, а потом и подчиняет его себе.

Эта великодушная уступчивость из жалости характеризует и Ладо. Он и Стефана противостоят друг другу так же, как Солдат Старшине. Ладо мог и раньше избить Стефана, но не позволил себе этого, ибо не лишен самообладания. Огромная сила духа его проявляется в том, что он не дает воли растущим в нем чувствам ненависти, мести, злобы. Так писатель дополняет и углубляет здесь созданный им ранее образ Солдата.

Героев Арчила Сулакаури роднит еще одно качество — они все молоды. А главный мотив сюжета его рассказа — любовь. Так это и в «Волнах...», и в «Голубях», и в «Снегопаде...».

Радость молодости, любовь — основные мотивы рассказа А. Сулакаури «Вверх и вниз». Ритм и характер повествования определяют здесь лирические переживания героев — Лии и Гогги, чья любовь, начавшаяся еще в школьные годы, внезапно обрывается, давая простор фантазии читателя. Реальность и романтика в рассказе так переплетены, что кажется, будто все это сон, сладкий и волнующий, неожиданно сбывшийся.

Привнесение реальности в мечту мы находим и в других рассказах А. Сулакаури (например «Снегопад»). Это создает впечатление большей правдоподобности, усиливает интерес к произведению.

Роман Арчила Сулакаури «Золотая рыбка» принадлежит к разряду произведений, которые называют «развивающими», «воспитывающими», «совершенствующими». По мнению литературоведов, на первый план в них выдвинут индивид, субъект, личность, сюжет же строится на процессе его воспитания, совершенствования.

И действительно, процесс перевоплощения молодого инженера Дато Натишвили — самое важное в «Золотой рыбке». Всему, в чем он мог проявить себя, Дато, вольно или невольно, сказал «нет». Он вынужден оставить работу, забыть любимую девушку, которая предпочла ему другого. Как и его брат Мириан, он решает уйти из семьи, где вырос, но где все стали ему чужими и все чуждым. Отказавшись от прежних интересов, он ищет новых...

Для прозы Арчила Сулакаури характерно подчеркивание с помощью поэтического повтора того элемента, который писатель считает важнейшим компонентом произведения. Иными словами, он стремится осветить это явление всесторонне. Благодаря этому расширяется диапазон повествования. С подобным методом мы сталкиваемся, например, в «Недолгом счастье Френсиса Макомбера» Эрнеста Хемингуэя и в произведении японского писателя Акутагава «В чаще»; приведенная в нем история языком разных персонажей варьируется четыре раза.

В романе «Золотая рыбка» писатель пользуется этим приемом, чтобы фиксировать внимание на визите приятелей Дато — Гелы и Котэ — к темному воротиле Черному Нико. Он принял их далеко не приветливо и выпроводил так молниеносно, что они и опомниться не успели. Этот эпизод дважды обыгран в «Золотой рыбке». Гела как представитель прессы от имени общественности намеревался заставить врасплох Нико Коринтели и вывести его на чистую воду. Гела хочет выглядеть сильной личностью и в своем рассказе старается представить Нико более нагуганным. Котэ Рамишвили, который вместе с Гелой явился к Коринтели, занимает сравнительно нейтральную позицию, и поэтому его версия, безусловно, лишена тенденциозности. Как встретится Дато Натишвили с Бубой Эшба в больнице?

Об этом часто думает молодой инженер, и в соответствии с этим автор трижды передает нам его мысли.

Так одно и то же явление, освещенное с разных точек зрения, обретает если так позволительно сказать, большую объемность.

Уже по названию романа можно судить о том, что значительное место в нем занимают символы. А это — один из непреходящих компонентов современной художественной прозы, и в этом смысле роман Арчила Сулакаури не представляет исключения.

В произведениях некоторых известных представителей художественной прозы XX века символ встречается даже как феномен, не имеющий никакого значения. Используемый для показа других явлений, он влетает в сюжет наряду с другими элементами. Но такой прием — явление весьма своеобразное и редкое. Чаще символ несет нагрузку художественного порядка и имеет двойной смысл. Так, чеховская Чайка из одноименной пьесы отождествляется с жаждущей искусства и увлеченной им Ниной Заречной. Хотя и не только с Ниной! А Треплев? Ведь он тоже чайка, только убитая!

Кто такая пли, вернее, что такое «золотая рыбка»? Что она означает в романе Арчила Сулакаури? Прежде всего нужно отметить, что приобретенная Мирианом золотая рыбка имеет очень важное значение в романе. Это существо — своеобразный лирический феномен.

Часто писатель ведет повествование, а иногда и строит монолог персонажа, сообразуясь с движением золотой рыбки в аквариуме. Оно — своеобразный музыкальный аккомпанемент, определяющий ритм реплик домочадцев Натишвили.

«— Жил великий художник... великий художник, который нарисовал четыре золотые рыбки... четыре золотые рыбки... Но на свете существует одна... Существует одна... одна. Эта золотая рыбка — ты... Ты!» — обращается один из персонажей к золотой рыбке.

Золотая рыбка также повод для эффектного появления в романе маленького Зурико.

Но гораздо более значительна она в качестве художественного элемента, характеризующего и указующего символа.

Показанные в романе А. Сулакаури индифферентные люди, в первую очередь Мириан Натишвили, старший брат героя, сравниваются с золотой рыбкой. И это сравнение вполне сознательное. Вспомним хотя бы, что говорит этой рыбке Мириан:

«— Только я понимаю тебя, только я понимаю... Кроме меня, никто не понимает, потому что я сам живу, как ты...».

Этот индифферентизм присущ не только Мириану, но и Дато. Жизнь, которую он ведет, так же беззаботна, как у рыб. Мириан хоть как-то принимает участие в домашних делах (ходит за молоком, колет дрова). Дато же не утруждает себя даже этим; он не заботится о себе, благо этим занимаются пока другие.

В финале романа мы ощущаем, что период жизни Дато, напоминающий существование золотой рыбки, миновал, так же как немногим раньше миновал он и для его брата — Мириана, который после свадьбы уезжает с Мананой в Москву для встречи с фронтовым другом. Подобно Мириану, Дато пытается уйти из семьи, над которой благодаря Платону большую власть возымел Черный Нико. Дато решает поехать на строительство ИнгуриГЭС, чтобы начать там работать. Это его намерение словно прощание с прошлым...

Символически воспринимается совпадение этого решения с гибелью золотой рыбки. Маленький Зурико выронул из рук аквариум, он упал на булыжную мостовую и разбился. Золотая рыбка погибла... Это — точка, поставленная на юношеской поро Дато. Теперь для него должна начаться другая жизнь.

Писатель с большой и явной симпатией рисует характеры своих молодых героев. Но чем сильнее его привязанность и уважение к молодым, тем критичнее он относится к людям старшего поколения. Особенно заметно это в «Золотой рыбке». Чем старше герои этого романа, тем с меньшей теплотой и симпатией описывает их автор.

Даже Мириану, который не намного старше Дато, приписаны нелепые странности. А какими только пороками не наделен отчим Дато — Платон! Он и мошенник, прикидывающийся глухонемым, чтобы сохранить теплое местечко, и аферист. Мать Дато закрывает глаза на все темные дела мужа, лишь бы он приносил побольше денег в дом.

В соответствии со всем сказанным создается впечатление, будто подобная тенденциозность продиктована лишь возрастом персонажей.

Но разве можно согласиться с такой позицией автора, при которой членами нашего общества, наделенными положительными качествами, являются только молодые люди; представители же старшего поколения — это лишь лицемеры, беспринципные бездельники, которыми забыты все общественные идеалы?

При таком положении, естественно, встает вопрос о соотношении жизненной и художественной правды. Не разделяя мнения о необходимости полного соответствия художественной и жизненной правды в такой же степени, как копия соответствует оригиналу, нельзя все же принять за норму и такое изображение, при котором картина, нарисованная художником, не только не похожа на то, что есть место в реальности, но и резко противоречит даже самой жизненной логике. А в «Золотой рыбке» ошущима именно такая опасность.

Разговор о прозе Арчила Сулакаури мы начали с гражданских и принципиальных позиций писателя. Вспомним, что тенденциозность в правильном понимании этого понятия неперемнная черта реалистического творчества, что она всегда характеризовала поступательное движение культуры. Но, как известно, в произведении истинного художника не всегда столь прямолинейно и явно выражено отношение автора к своим героям. А уж столь искусственная, надуманная нарочитость, с какой мы столкнулись в «Золотой рыбке», вряд ли уместна в подлинно реалистическом произведении.

В сфере творческих интересов Арчила Сулакаури как прозаика значительное место занимают и дети. Они — основные герои, в первую очередь таких его рассказов, как «Голуби» и «Мальчик и собака».

И хотя материал тут чисто детский, в лучшем смысле этого слова, они достойны внимания и взрослых, ибо в них так глубоко понята детская психология, их природа, их страсти и привязанности, что это интересно даже с чисто познавательной точки зрения.

В ряде произведений А. Сулакаури ребенок как художественный образ выполняет вспомогательные функции. Но даже эти эпизодические образы вносят эмоции, обогащающие повествование. Возьмем хотя бы маленького Зурико из «Золотой рыбки». Он как будто лицо незначительное, но теперь уже невозможно представить себе роман без этой колоритной фигурки. Тем более что, как Мириан и Дато, он тоже — золотая рыбка. Если Мириан и Дато напоминают ее своей общественно-гражданской индифферентностью, то Зурико — детской слабостью и непосредственностью.

Интерес к миру детей с наибольшей силой проявился в сказках писателя, в частности в «Приключениях Саламуры», за которые он удостоен премии имени Руставели.

«Приключения Саламуры» — отрадное явление в нашей литературе. И не только потому, что это сказка и, следовательно, в ней много фантастического, большой простор для применения богатого арсенала художественных средств писателя. Знаменательно также, что это сказка, проникнутая современным духом, и потому у нее столько почитателей как среди детей, так и среди взрослых.

Как уже отмечалось, Арчил Сулакаури часто изображает людей, которые болезненно переживают некоторые несоответствия в современной действительности, но не борются с тем, что мешает им жить честно.

Герои рассказов Сулакаури многотерпеливы, уступчивы даже по отношению к тем, кто достоин осуждения и гнева. Они видят свои достоинства в сдержанности и умении терпеть.

Правда, в «Золотой рыбке» картина несколько иная. Положительные герои тут не отличаются особой сдержанностью и терпением, как в «Волнах» или «Половодье», но и не переходят в открытую атаку на отрицательных персонажей. Хотя Мириан и Дато предельно раздражены самоволием Черного Нико, они не решаются вступить в сражение с ним. Поэтому читателю трудно представить, какими будут братья Натишвили во второй книге романа. Но если исходить из нарисованного Арчилом Сулакаури, они как будто пребывают в состоянии ожидания. Мириан не хочет сам отомстить за рану, нанесенную ему в заключении Черным Нико, видимо, полагая, что это сделают другие. Также и Дато...

От «Золотой рыбки» «Приключения Саламуры» отличаются тем, что ее герои не надеются на других, не ждут побед, завоеванных другими.

О характере действий героев этой сказки можно судить по названию отдельных глав. Так, в грузинском оригинале первая глава называется «Переживания». Следовательно, речь идет о переживаниях героев, о гонениях, которым они подвергаются, о пленении пастушки светлячков Байи, мучениях жителя города канатоходцев Сирбилю, о тяжелой судьбе пастуха божьих коровок Саламуры...

Но все имеет свой конец. Кончается и праздник злых гномов. Однако их поражение произошло не само по себе. Злых гномов победили Саламура, Сирбила и другие.

По сравнению с героями «Золотой рыбки» сказочный Саламура — смелый борец, который ничего не прощает врагу.

Как знать, возможно, изменения в характере Мириана и Дато пойдут аналогичным путем. Как, говорится, поживем — увидим...

РАЗГОВАРИВАЯ С ДЕТЬМИ ДОВЕРИТЕЛЬНО И ПРОСТО

Начиная с XIX века почти каждый грузинский писатель, верный своему патристическому долгу, по мере сил и возможностей способствовал развитию и обогащению такого важного участка нашей литературы, как юношеская. Якоб Гогешашвили очень четко и ясно выразил мысль, под которой смело подписались бы и Илья Чавчавадзе, и Акакий Церетели, и Важа Пшавела: «Детская литература большое значение имеет в жизни народа, в его успехе, это — наилучший фундамент, на котором строится вся литература и наука народа. Умственное движение нации построено на песке, если оно бедно детскими произведениями, юношеской литературой».

Детская поэзия Иосифа Гришашвили — одно из несомненных достижений нашей юношеской литературы, замечательный пример утверждения новых тем и образов, нового стиля. Он умеет воспитывать без голого морализирования, делиться богатым жизненным опытом и при этом не впадать в менторский тон. Его детские стихи изобилуют живыми картинами, веселыми беседами и диалогами, легким юмором. Вместе с тем, когда это необходимо, ему удается как-то особенно своевременно сказать горькую правду, уязвить сдержанно, но так, чтобы это надолго запомнилось. Для детской поэзии И. Гришашвили характерно поэтическое созерцание добра, мужество, вечный поиск прекрасного, волнующее ощущение любви к родине, глубокое осознание гражданского, общественного долга. В этой сфере литературы замечательный поэт нашел свое новое призвание. Начав работать в этой области, он как бы открыл себя во второй раз.

Неиссякаемым источником детской поэзии И. Гришашвили является его поэзия не имеющая границ любовь к подрастающему поколению. О том, насколько непосредственно и чисто это чувство, можно судить по многим его стихотворениям. Автору этих строк не раз доводилось видеть И. Гришашвили в детской аудитории. Это был идеальный контакт между поэтом и его юными слушателями, которые с абсолютным доверием воспринимали каждое его слово, потому что им было интересно то, о чем он им говорил. И это находило отклик в их юной душе, рождал чистую, светлую радость. Ненавязчиво, предельно естественно и просто он говорил с детьми о самом важном.

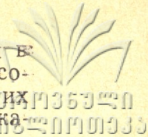
При этом И. Гришашвили никогда не искал легких путей на этом трудном поприще, не облегал своих задач. Поэтому даже уже многими разработанные темы в его стихах обретали новую жизнь, звучали по-новому. И здесь причина не только в высокой степени мастерства, но главным образом в постижении внутреннего мира ребенка, в осознании той опромной ответственности, которую Максим Горький считал первейшим требованием, предъявляемым к детскому писателю. И в том, что мы сегодня можем говорить о большой литературе, созданной для малышей, заслуга таких писателей, как И. Гришашвили. Благодаря их вдохновенному труду была создана литература, в которой благородные, возвышенные мысли органически сочетаются с совершенной формой, специфической для данной области творчества. Так была достигнута новая ступень в истории развития мировой детской литературы.

О не поддающемся оценке значении образования говорил еще Давид Гурашвили в своих неувыдаемых стихах. Но сейчас подобная прямотинейность внушения вряд ли во всех случаях может принести желаемый эффект. И. Гришашвили это прекрасно понимал. Он перенес акцент на лаконичное, красочное отображение явлений. Кто не помнит, например, проникающие в самое сердце строки из «Малютки Гулико», первый день ее учебы в школе — счастливейший в жизни человека!

Несмотря на скупые штрихи, которыми поэт рисует портрет Гулико, мы понимаем, что должна испытывать девочка, которая, надев новое платьице, гордо шагает в знакомый для нее мир познания.

Или возьмем историю «Гришки-мальчика». Поэт рассказывает, как он просыпается ранним утром от крика Гришки-мальчика, который спорит со своей сестрой, требуя, чтобы она взяла его в школу. В ткань стиха вплетены различные интонационные вариации, и, возможно, благодаря им вся эта сценка убедительнее, чем прямой призыв к учебе. Какова же ее романтика, если трехлетний мальчик столь настойчиво требует, чтобы и его приобщили к этому заманчивому миру!

Завтрашний день Гулико и Гришки-мальчика таков, каким он изображен в «Песне октябренка» и «Мечте пионера». Устами своих юных героев автор сообщает о самых сокровенных думах и мечтах будущих советских граждан, о их благородных стремлениях, осуществление которых требует большого прилежания, трудолюбия и усердия.

Поэт возвеличивает труд, поет ему гимн. Ведь без труда невозможно себе представить подлинного строителя коммунистического общества. Даже большой, но не отшлифованный в повседневном труде талант не дает желаемого результата.

Живые, ловкие, окрыленные большой мечтой дети — идеал поэта. В стихах их образы созданы с удивительной теплотой и ясностью. Вот почталыон пионерского лагеря Гульда. Он встает чуть свет и буквально летит, чтобы порадовать своих ровесников письмами от родных и друзей. Гульда преисполнен энтузиазма, бодрости, душевной чистоты. И это красит его и вызывает к нему симпатию. Да и стих поэта так легок, словно ветерок, сопровождающий быстрого Гульду.

Но поэт — трезвый реалист и поэтому, отображая мир детей, прибегает не только к розовым краскам. Тогда он изменил бы действительности. А мир этот — многообразен. В нем пребывают юные существа с самыми разными характеристиками и наклонностями, и острый глаз поэта не может не подметить тот или иной их недостаток. Он не может пройти мимо этого, если серьезно задумывается над судьбой молодого поколения. Но тут необходимы особый такт, сдержанность, дружеский тон. Опыт показал, что неуместная грубость, насмешка не приведут к положительным результатам. Иосиф Гришавили и это хорошо знает. Он рассказывает, как был однажды в колхозе, где ждали, что поэт напишет о нем хорошее стихотворение. «Я в шутку ответил, — сказал поэт, — что о недостатках пишу лучше. Вот если у вас есть какой-нибудь лодырь, лентяй, ему могу посвятить маленький каламбур». В это время позвали какого-то парня.

— Его зовут Леван, — сказал кто-то, — но мы назвали его «Завтра-завтра», он обо всем говорит: «Завтра сделаю».

«К этому парню я действительно стал приглядываться... — продолжает И. Гришавили, — когда я был маленьким, меня воспитывали, я вырос и теперь других хочу воспитывать. Давай, мой Леван, это стихотворение посвящу тебе, только не обижайся! Когда доживешь до моего возраста, тоже будешь воспитывать других. Что была бы наша жизнь, если бы мы уносили в могилу свои способности. С чистым сердцем должны мы служить нашей великой Родине и по мере возможности способствовать ее развитию — будь то мотыга или стихотворение».

В этих словах заслуживает внимания все. Но особенно важно в данном случае признание, что поэту сподручнее отмечать недостатки. Но при этом дружеский щелчок не должен быть воспринят как обида тем, кого это касается, поскольку он не ущемляет самолюбия «раскритикованного».

Вот один из таких «лодырей». Одной характерной деталью автор смог добиться того, что мы словно видим почти полный портрет героя.

В стихотворении нет ни сарказма, ни беспощадного порицания, которые обычно сопровождаются длинными сентенциями. Но разве от этого оно хуже выполняет свое воспитательное назначение?

Что привлекает детей в стихотворении «Соня»? Помимо естественного его звучания, точно и выпукло нарисованные картины. Их реальность и четкость доставляют юным читателям эстетическое наслаждение. Попутно в их памяти запечатлеваются такие крылатые выражения, как, например, «ударь огнем по мозгам».

Это стихотворение — яркое подтверждение того положения, что чем разнообразнее арсенал поэта, его изобразительные средства, тем эффективнее воздействие на юного читателя. Высокий же уровень словесного и поэтического мастерства, соблюдение специфики детской литературы, образность, правдивость, графическая четкость образов, новизна впечатлений, ритмико-интонационное многообразие — качества, без которых произведение для детей и юношества просто немислимы.

И тут нельзя не вспомнить такие стихотворения И. Гришавили, как «Вот что говорит кран во дворе детского сада» и столь популярный «Шалун».

А. Луначарский строго критиковал противников условности (разумеется, в допускаемых границах) в детской поэзии, тех педантов от реализма, которые думают, что мы обманываем детей, если в наших книгах рукомойник разговаривает. Он считал, что это глубоко ошибочная точка зрения.

В вышеназванном стихотворении И. Гришавили великолепно использует условность — у него неодушевленные предметы разговаривают. Не будь этого, вряд ли стихотворение произвело бы такое сильное впечатление на ребенка.

Диаметрально противоположный путь выбрал поэт в «Шалуне», который пользовался не меньшим успехом, чем «Кран». «Модель» этого стихотворения взята из самой гущи жизни и так одухотворена, что перед нами словно на сцене вырастает своенравный шалун, который действительно достоин парадиза.

Очень немногим удается внушить детям полезную мысль в такой многовариантной форме, что это даже вызывает у них радость и удовлетворение.

Стихотворение И. Гришашвили «Почерк» причисляется к типу чисто дидактических произведений. Его цель — внушить ребенку любовь к красивому письму. И. Гришашвили сумел так разрешить эту задачу, что, начав с живой, пластически выразительной картины постепенно стал приподымать тему стихотворения до чувства патриотизма и в итоге пришел к восхвалению грузинского языка, родной азбуки, и это навсегда западает в память не только детей, но и взрослых.

Вот что писала известная детская поэтесса Агния Барто о стихотворении И. Гришашвили «Купи»: «У Иосифа Гришашвили есть стихотворение «Купи». Мы знаем, как дети пристают к старшим с такой просьбой. И вот автор стихотворения услышал эту просьбу, а мы до этого не смогли услышать. С. Михалков несомненно скажет: почему я не смог подсмотреть такое, а другой заметил. Во всяком случае ни один детский поэт не смог написать такое, не услышал ежeminутно произнесенное нашими детьми упомянутое слово.

Как заканчивается это стихотворение?

Довольно, мой малыш,
Довольно, а то, смотри,
Настоящее имя отберу
И назову тебя «Купи».

Здесь чувствуется знание психики ребенка и способность к наблюдению».

Но разве такой же оценки не заслуживают и другие стихи поэта, такие, к примеру, как «Не откладывай на завтра», «Мария и Дария», «Что делать школе?». Все они отмечены глубиной мысли и ясной целенаправленностью, естественностью и красотой выражения, глубоким проникновением в психологию человека. В детских стихах И. Гришашвили мораль никогда не плавает словно жир на поверхности плохо приготовленного блюда, как сказал С. Маршак.

Кому не приходилось быть свидетелями вражды, разгоревшейся между родителями из-за случайно подравшихся детей. И. Гришашвили заметил это явление и в своем стихотворении «Мария и Дария» показал, как смешна такая распря, вызванная незнанием природы ребенка. Для детей такая ссора — случайный эпизод, обычное проявление неиссякаемой энергии. Для их же родителей она подчас становится основой самых драматичных переживаний. Обо всем этом поэт рассказал, с одной стороны, с возмущением, с другой — с юмором.

Подметил поэт и такое явление, как несправедливое заступничество старших, особенно всепрощающих бабушек. «Ах, что вы хотите от моего мальчугана?» — говорят они. Для них всегда «во всем виноваты другие», для их внуков «законы не писаны». А почему? Что бы было, если бы другие бабушки рассуждали так же? Но — «что говорить с такой бабушкой...» — сокрушенно сетует автор.

Читая детские стихи И. Гришашвили, убеждаешься, что он всегда исходит из жизненных наблюдений, из знания психологии ребенка. Поэтому мораль у него — естественный вывод из сказанного ранее.

Наряду с другими советскими поэтами И. Гришашвили дал право гражданства широким общественным темам в детской поэзии. Но при этом главным и самым сложным было не расширение самих тематических границ, а поиск таких красок и образов, которые бы донесли до ребенка смысл больших событий нашей жизни. Более того, сделали бы его их участником. За решение этой задачи поэт взялся еще в 1927 году, когда в диалоге ламп передал историческое значение вступления в строй ЗАГЭСа, преимущество нового перед старым, замещенным, изжившим себя. Потом в «Маленьких мастерах» передал облагораживающее влияние игры как начального элемента будущей трудовой жизни. В детских стихах старых поэтов детей тоже много играли, но чаще это бывала сентиментальная возня с куклами. А «Маленькие мастера» И. Гришашвили сами «создают «ипрушку» и к тому же характерный для нового быта предмет — телефон, чтобы сообщить друг другу «новости страны». Это была качественно новая игра как по форме, так и по содержанию, и сами дети в этом стихотворении тоже выглядят изменившимися по сравнению с дореволюционными владельцами кукол.

В целом ряде других произведений И. Гришашвили для детей ребенок смотрит на действительность собственными глазами. Возьмем хотя бы «Подарок

Гогя», написанный в 1945 году. В ту пору и дети жили ожиданием победы над врагом, духом помощи фронту.

У «Маленький Гогя», как видно, имеет еще весьма смутное представление о мире, но знает, что «победа наших» — самое главное и для этого никто ничего не должен жалеть. И он тоже не стал долго размышлять и пожертвовал в пользу фронта свою игрушечную лошадь, но в воображении мальчика — это не игрушка, а гонимый скакун, гроза врагов.

Так И. Гришашвили показал патриотический порыв будущего гражданина, пусть и выразившийся пока в столь наивной форме. Но именно такое проявление патриотического чувства только и возможно у ребенка. А поэт — прекрасный знаток детской психологии, и это получило яркое отражение во многих других произведениях И. Гришашвили.

Живость, сжатость и лаконичность — обязательное условие произведения для детей. Этими качествами наделены и такие гришашвилевские стихотворения, как «Маленькая книга Нелли», «Букет Этерико», «Восхваление азбуки». Их жизнерадостный настрой в сочетании с познавательным материалом, заключенным в поэтических строках, доносят до читателя и детскую улыбку, и юношескую радость. «Маленькая книга Нелли» адресована тем читателям, большинство которых еще не знакомо с букварем. Поэтому стихотворение это они воспринимают как картину или песню. Это песенное звучание И. Гришашвили великолепно сочетает с четкой картинностью. Достаточно прослушать это стихотворение всего один раз, чтобы запомнить его наизусть.

«Букет Этерико» знакомит детей с цветами. Но их свойства не просто перечисляются в стихотворной форме, а будто одушевлены; цветы здесь разговаривают, они помещены в сюжетной рамке, представлены в многообразных интонационных красках.

С нежностью, со вкусом собирает поэт прекрасный букет слов, который так же благоухает и так же красочен, как букет цветов. Это стихотворение так классически совершенно, что вошло в школьную хрестоматию.

Добрая рука мастера ощущима и в «Восхвалении азбуки». Каждая его строфа, созданная по родной азбуке, имеет самостоятельный сюжет и живет своей жизнью. Всего в четырех строках автор сумел «сказать много немногими словами», легко перейти от пейзажа к юмору, от фиксации какого-либо момента из жизни взрослых к избранию безмятежно играющих детей. Такая калейдоскопическая пестрота картин, эпизодов шаг за шагом вводит ребенка в знакомый для него новый мир, закономерно подменяя знакомое неизвестным, расширяя умственный горизонт ребенка, развивая у него фантазию.

И. Гришашвили принадлежит также перевод двух поэм и построенные на материале тбилисского фольклора три маленькие поэмы-сказки — «Коши Бабаджаны», «Молла и собака», «Ишак Мустафы». Если бы И. Гришашвили не «оживил» эти сказки, может, они были бы вообще преданы забвению. Теперь же благодаря таланту поэта «Коши Бабаджаны» и «Бабаджана» стали понятиями обобщенными и именами нарицательными, как, например, «Квачи Квачантирадзе», «Осенние дворяне», «Луарсаб» и другие.

Гиперболическое обыгрывание кошек в поэме создает сюжетную напряженность, и событие разворачивается так стремительно и свободно, что мораль напрашивается сама собой: милостыня сильных и повелевающих становится для бедняка причиной лишь новых бед. Такой подарок не идет ему на пользу. Автор этой статьи однажды в своей рецензии «Книга, которую полюбили малыши» тщательно спорил с поэтом, который считал, что социальный смысл «Кошей Бабаджаны» выражен недостаточно четко. Но куда уж более четко!

Кое-кто неправильно понял и мораль «Ишака Мустафы». Разве эта сказка, рассказанная с легким юмором, внушает мысль, что ни к чьему мнению не следует прислушиваться? Нет! Внимательно прочитав сказку, можно сделать только один вывод: человек, который слушает всех и не имеет своего суждения, смешон.

Антирелигиозный, обличающий характер «Моллы и собаки» с самого начала был распознан всеми и оценен по достоинству. Мнения юных читателей и критиков в данном случае полностью совпали, с той только разницей, что первые шли эмоциональным путем, а вторые — рациональным. Жаль, что любимый поэт детворы не успел создать и современной сказки, но и за то, что он оставил детям, мы числим его в созвездии лучших имен нашей детской литературы.

МОРЕ, ПОКОРНОЕ ЧЕЛОВЕКУ

Неутомимые путешественники былых времен, те, что погоняли караваны верблюдов из края в край земли или под парусами торговых судов бороздили воды мирового океана, давным-давно сказали о голландцах то, что не сказано ни о каком другом народе, населяющем нашу планету: бог создал море, а голландцы — берег.

Сердце не может не дрогнуть от гордости, заключенной в этих словах. Это особое чувство — гордость созидания. Даже мудрые эллины кичились тем, что неприступная Троя пала под натиском ее героев. Непобедимые римляне стерли с лица земли прекрасный Карфаген. Персидская рать Кира повергла высокомерный Вавилон. Племена османов взломали ворота Константинополя и утвердили на храме Айя-Софии турецкий полумесяц...

Вот чем гордятся народы и страны. А тут: бог создал море, а голландцы — берег!

Что и как создал бог, доказать нелегко; убедиться же в том, что берег действительно создан голландцами, значительно проще. Для этого надо совсем немного: наклониться к иллюминатору летящего самолета и, уткнувшись лбом в стекло, глянуть вниз с высоты одиннадцати километров.

С первого же взгляда вы увидите подтверждение старинной поговорки, несущей печать возмуженного и почтительного удивления.

Желтовато-коричневую сушу отделяет от моря прямая линия, точно подчеркнутая по гигантской линейке. Это плотина: какое бы ни было волнение, как бы ни бушевал могучий и яростный в этих широтах Атлантический океан, он тщетно бьется о незыблемую линию плотины. Разбитая в брызги волна откачивается вспять, чтобы собраться с новыми силами.

Высота плотины, возведенной нидерландскими рыбаками, пастухами и садоводами, местами достигает 70—80 футов. Рядом с ней бледнеет даже Великая Китайская стена, на протяжении столетий возводимая народом, более многочисленным, нежели муравьиная рать.

Никто не утверждает, что строительство дело легкое. Даже во сне трудно вообразить стену, опоясывающую огромное государство. Добыча и выработка бесконечного множества строительных материалов, их доставка из разных уголков страны к площадкам и подъем на высоту строительных лесов...

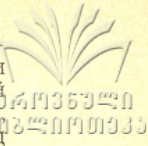
Но плотина голландцев, создавших берег, дело особое. С трудностями при ее возведении, да еще в незапамятные времена, несравнимо ничто. Плотина непосредственно граничит с океаном. И не только граничит, но даже атакует стихию, гонит прочь со своих владений, где теперь шумят листвою прекрасные сады и зеленеют огороды.

В дальнейшем, когда попутешествуешь по земле Голландии — пешком ли, на автомобиле, — эта мысль о богоравном человеке не покинет тебя. Голландцы создали не только берег: они создали ландшафт своей родины, ее природу, издавна удивляющую и радующую доброжелательных гостей. Здесь нет уголка, которого не коснулись бы руки работающего человека, нет предмета, на котором не лежала бы облагораживающая печать труда. Так что у бога и в самом деле не много заслуг перед голландцами, ибо народ, одаренный сказочным трудолюбием, проявляющий самоотверженную любовь к родине только и только в труде, в конкретных делах, не оставил места для творческой фантазии всевышнего.

Прежде чем мощные шасси воздушного лайнера коснутся бетона международного Амстердамского аэропорта, взгляд впервые прилетающего сюда человека заметит много необычного. Все видимое с высоты пространство исчерчено ровными, как стрелы, дорогами. Под прямым углом друг к другу они разбегаются во всех направлениях по бескрайней равнине.

Неужели это дороги? Возможно ли, чтобы дороги, даже идеально гладкие, даже смытые дождем, так ослепительно сверкали под солнцем? Ах, как я сразу

не догадался! Это же каналы, знаменитые голландские каналы, благодаря которым каждый город и поселок этой страны, каждый сад и плантация, все дороги и тропинки надежно связаны в нерасторжимый узел. А сам Амстердам, второй после столицы Гааги промышленный, торговый и культурный центр Голландии, называюот северной Венецией. Амстердам, так же как и романтический город Италии, выстроен на каналах, многие из которых заменяют улицы. По каналам, перевоза пассажиров и грузы, снуют сотни катеров и гондол. Через сто каналов переброшено 148 мостов. Чем не Венеция! Эти каналы пересекают голландскую низменность от берегов Северного моря к центру континента, и грузовые баржи, и изящные яхты, входящие через них в бассейны крупнейших европейских рек — Рейна, Мааса и Шельды, — достигают всех столиц Центральной Европы.

Между дорогами и каналами, словно обведенные ими, заключены прямоугольники тщательно возделанных участков. Когда мы прибыли в Голландию, стояла ранняя весна, а на плодородных польдерах, которые, не отвоуя их умелые руки голландцев, и по сей день оставались бы морским дном, уже состязались друг с другом все цвета радуги.

В Грузии в эту пору куда не кинешь взгляд, всюду зелень, зелень, зелень — цвет первозданной природы. Только стаеа снег, земля наша обновляется, оживает, зеленеет. Тут совсем другое. Голландский крестьянин освободил господа бога от всех забот. Он сам распоряжается стихиями своей страны, ее настроениями и прихотями. Две-три недели назад на этих землях наверняка еще лежал глубокий снег. Каким же образом цветы успели не только раскрыть глаза, но и подрасти на тонких стебельках, украсить долины пестротой и овеять их ароматами?

Словно маки, полыхают поля тюльпанов. Зеленовато-желтый и шафрановый цвет преобладает в полосах нарциссов и гиацинтов. Невежественный человек! Где уж мне знать названия всех цветов и как определить неисчислимые оттенки их колера!

Между цветниками сочно зеленеют дворы, поросшие молодой травой. Луга, пастбища, на которых пасется скот, сменяются ровными грядками свеклы. Затем опять тюльпаны, нарциссы, гиацинты, гвоздики и снова свекла и на лугах — пасущиеся без присмотра крупные пятнистые коровы.

Тут не найдешь невозделанной земли, годами незасеянных, выветренных полей, болот, пустошей, целины, которой не касался плуг пахаря. Тут не увидишь диких, необузданно разросшихся кустарников, колоний папоротников и вонючей бузины, нагло вымахавшего борщевика и морозника, как не увидишь и ищущую еды голодную скотину, жалость к которой с отроческих лет осталась в твоём сердце.

В открывшейся взору изумрудной долине дома под красными крышами разбросаны далеко друг от друга. Они стоят вдоль ровных, аккуратно мощенных дорог, и нескончаемый ряд этих домов так же, как и сама дорога, не прерывается из края в край страны.

Под крылом самолета с головокружительной быстротой пронесятся маленькие города, трубы заводов, широкие автострады с пестрым потоком автомобилей, там и сям алмазами на зеленой парче сверкают круглые, как чаши, озера, опять разноцветные квадраты, но вот гулкий ркот колес под ногами — самолет приземлился и, сбивая скорость, мчится по бетонной дорожке.

2.

От аэропорта Органте до Амстердама двадцать километров. Рейсовый автобус чуть ли не по воздуху одолевает этот путь, и, прежде чем ваши уши отвыкнут от рева самолетных двигателей, вы в Амстердаме.

Сам аэропорт занимает громадную площадь. Он связан воздушными трассами со всеми пятью континентами. На летном поле стоят самолеты «Трансконтиненталь Голланд», «Сабены», «Британии» и многих других авиакомпаний и стран. Здание аэровокзала выстроено из стекла и алюминиевых конструкций. Пассажир выходит из самолета, даже не ступив на землю аэродрома. Самолет останавливается в 15—20 метрах от аэровокзала. Тут же вместо трапа к дверям подается эластичный туннель, и — путь открыт. Через этот туннель выходите прямо в зал ожидания. Таможенный церемониал занимает буквально несколько секунд, и вот уже вы ждете свой чемодан у эскалатора, ведущего в следующий зал. На площадь, где, дожидаясь кого-то, стоят сотни легковых автомобилей, ведут стеклянные двери; они открываются при вашем приближении и следом за вами закрываются.

Гудящий сотнями авиамоторов Органте скоро остался позади, и рейсовый автобус помчал нас к Амстердаму по выложенной кирпичным паркетом трассе. Замелькали, сменяя друг друга, разделенные каналами и канавками, маленькие

усадьбы — вблизи они еще краше. Какие руки обработали их так любовно! Даже грядки на пашнях — произведения искусства.

В автотрассу постепенно вливаются другие дороги. Скоро на одном из стыков я прочитал название: «Гаарлем». Этот город еще в пятнадцатом веке оказал героическое сопротивление кровопийце герцогу Альбе и его озверевшим войскам, стремившимся в те времена к мировому господству. После осады Лейдена, осады Гаарлема — одна из общеизвестных страниц голландской истории. В конце концов Альба все-таки занял Гаарлем, взломал его прочные ворота, и испанцы саранчой налетели на богатейший город, но покорить свободолюбивый народ им не удалось.

Во время второй мировой войны здесь находился национальный штаб Сопротивления. Снова и снова Гаарлем стоял во главе борьбы голландского народа, на этот раз против новых претендентов на мировое господство. Голландцы прекрасно знают цену свободы и не забывают свою историю. Наверное, нелегко найти на земном шаре народ более традиционный, более преданный своей семье, своему городу и своей стране. Не он не раб своего прошлого: почитая прошлое, он идет вперед плечом к плечу со всем новым в мировой цивилизации.

Все поколения голландцев по-своему служили родине. Духовная и материальная культура страны несет множество следов плодотворного труда отживших поколений. Новое поколение бережно относится к этим следам, но если они мешают прогрессивным жизненным тенденциям, тормозят движение вперед, с ними поступают так, чтобы, как говорится, и волки были сыты, и овцы были целы: форму оставляют в неприкосновенности, а содержание меняют.

Тут же можно отметить, что все голландские города, если не забегать вперед и не касаться роттердамского центра, очень похожи друг на друга. Это сходство бросается в глаза прежде всего в жилых кварталах. Дома в них выстроены из темно-красного камня. После двойного обжига керамический кирпич темнеет до такой степени, что цвет его скорее тяготеет к черному, а это придает улице, особенно в пасмурные дни, довольно мрачный колорит. Голландцы это почувствовали и, дабы оживить архитектурный облик городов, выкрасили рамы окон на фасаде и все деревянные детали белой масляной краской. Кроме того, по кирпичной стене на высоте каждого этажа от угла до угла тянется белая полоса шириной в ладонь. И стоят, точно взявшись за руки, дома с белыми полосами и белыми глазницами и с наигранной веселостью视ают друг на друга через узкие улицы.

Амстердам в точности такой же: он начинается неожиданно, с кирпичных домов в 3 — 5 этажей. Эта окраина города выстроена лет двадцать назад, но новостройки ничем не отличаются от домов в старых районах. Большие многоэтажные дома (но не более восьми-десяти этажей) тут занимают исключительно государственные учреждения, американские отели и офисы иностранных фирм и банков.

В старой части города мы проехали подряд по нескольким мостам через широкие каналы, в чистом спокойном зеркале которых красовались двойники зданий, стоящих вдоль набережных, и огромный автобус осторожно свернул в узенький проулок.

От водителя автомобиля, в особенности такого громоздкого, как наш автобус, почти средневековые улочки Амстердама требуют особой осторожности и искусства. На улочках, и без того чрезвычайно узких, в ожидании владельцев круглосучотно простаивают сотни автомобилей, мотороллеров и велосипедов. Машин так много, что невольно кажется — появишься их еще с десяток, им негде будет приткнуться.

А движение на улочках головокружительное. Город пунктуально соблюдает все правила. Еще бы! Если бы не пунктуальность, невозможно было бы перейти с одной стороны улицы на другую. Дорогу никто никому не уступает, все знают свое время и свое место — закон есть закон.

Была пятница, вторая половина дня, и многолюдный и суетливый город был особенно суетлив. Перед домами устанавливали высокие бамбуковые стремянки и лестницы и щетками и горячей мыльной водой мыли фасады домов. Оказывается, здесь это обычная процедура. Каждый дом, и не только в Амстердаме, но и во всех других городах Голландии, два раза в месяц умывается с мылом и горячей водой. Двери и окна вынимаются вместе с рамами, а стены моют специалисты этого дела — мойщики домов. Все домовладельцы и хозяева заведений и предприятий обязаны соблюдать абсолютную чистоту перед своими домами. Весь город вымыт и выскоблен до такой степени, что нигде не найдешь ни соринки.

Мне невольно вспомнился наш родной Тбилиси. Однажды я присутствовал на важном и торжественном собрании, где под гром аплодисментов нам торжественно объявили, каких больших успехов добились мы, соревнуясь с Ригой за чистоту и благоустройство города... Мне вспомнились телефоны-автоматы с обор-

ванными трубками, опрокинутые урны, сломанные витрины, смрадные парадные подъезды, давка у дверей автобусов и троллейбусов, таксисты, только и думающие о том, как бы содрать с пассажира побольше, — вспомнилось все это, и стало горько и обидно... Но вот вопрос: что думают гости, приехавшие к нам из дальних стран, когда ходят по улицам Тбилиси, Кутаиси или других больших и малых городов Грузии? Те, что приехали не с добрыми чувствами, ясно, улыбнутся желчно — вот, мол, они все еще недалеки от варварства. Но друзья? Что скажут друзья? Эх, наше пресловутое грузинское самодовольство!.. Сколько неприятностей принесло ты нам и сколько еще принесешь стыда и конфуза, если мы не вынем вату из ушей...

Ажиотаж вокруг футбола в Голландии совершенно такой же, как и в любом другом месте. День перед отдыхом короток, в особенности если это день большого футбола, и все — стар и млад, мужчины и женщины — все без исключения спешат домой. Сегодня сборная Голландии играет с чехами в полуфинале Кубка европейских чемпионов. Первую встречу выиграли голландцы, к тому же — с крупным счетом. Чехам нужен реванш, и не просто реванш, а еще более крупным счетом. В противном случае можно считать, что билеты на Мадрид у хозяев поля уже заказаны. В городе чувствуется нетерпеливое ожидание. Еще немного, и все сядут к экранам телевизоров, поскольку день пасмурный и вечером вероятнее всего пойдет дождь. Чем мокнуть под дождем на трибунах стадиона, лучше спокойно посидеть дома. Дожди тут частые, в особенности весной. Как польет — до следующего утра не распогодится...

Улицы, охваченные энергией движения, полны гула и блеска. Мчатся друг за другом лимузины разных марок и расцветок, большие и маленькие, моднейшие и старомодные. Трещат и стрекочут мотоциклы и мотороллеры. И в этом потоке моторного транспорта с удивительной ловкостью лавируют восседающие на обыкновенных велосипедах горожане обоего пола и любого возраста. Достаточно хотя бы на секунду нарушить ритм улицы, и все и вся полетит друг на друга, произойдет страшная катастрофа, но четкий ритм сидит во плоти у каждого, словно впитан с молоком матери. Ритм не может нарушиться. Потому-то так уверенно смотрят вперед автомобилисты и мотоциклисты, велосипедисты и пешеходы.

Небо постепенно заволакивают тучи, и на мостовую падают первые капли дождя. В сумерках тут и там загораются световые рекламы. После трудового дня Амстердам начинает жить в свое удовольствие.

Мы сошли у маленького старинного отеля. Отелей, старых и новых, в особенности старых, в Амстердаме множество. Большие и маленькие, они стоят по разные стороны улиц или рядышком, смыкаясь фасадами или спиной друг к другу, — по-всякому.

В маленькой на редкость «домашней» гостинице царит удивительно интимная атмосфера. Так и кажется, что ты попал в дом к другу, где твоей личности не грозит нивелировка, как она грозит ей в холлах громадных отелей крупнейших городов мира. Здесь ты человек, личность и твои имя и фамилия начинаются с заглавной буквы.

В уютном холле, устланном красивым ковром, светился экран телевизора.

Чехи заметно переигрывали отчаянно защищавшихся долгоязыких хозяев поля. И все-таки два мяча влетели в ворота голландцев. Сами они ни разу не ударили по воротам противника. Хозяев поля выручил крупный счет в первом матче. В конце концов они все же завоевали путевку в Мадрид. Один из чешских нападающих ударил ногой вратаря голландцев. Это случилось в самом конце игры и несколько подпортило впечатление от матча. Люди плясали под проливным дождем. Смешно подпрыгивал доктор в белом халате. Какой-то толстенький, как колбаска, мужчина с зонтом в одной руке и с букетом в другой перебежал через все поле. Он своих футболистов он уже не застал на поле. Зрители на руках вынесли со стадиона победителей.

3.

Национальный характер Голландии, ее лицо выражают три крупнейших города этой страны: Амстердам, Гаага и Роттердам. По старой традиции эти города сохраняют определенную внутреннюю самостоятельность и каждый из них представляет собой как бы маленькое государство, что впрочем не освобождает их от подчинения нидерландской королеве и правительству страны.

В Голландии издавна распространена такая поговорка: «Гаага пишет, Роттердам строит, а Амстердам живет»...

Мне кажется, что эта поговорка родилась в Амстердаме. В ней довольно иронично упомянуты два других крупнейших города Голландии, а Амстердам — в позе молодца, который очень не промах и знает, что к чему. Пусть Гаага пи-

шет, Роттердам строится, но самое главное все-таки сладкая жизнь. А жизнь это по части эпикурейского Амстердама.

Посудите сами: что за смысл в шутке, если в ней нет доли истины!

Гаага — постоянная резиденция королевы, правительства, департаментов иностранных посольств, столица государства и его административный центр.

Пишет! Как же ей не писать при таких чинах...

Тут работает государственный бюрократический аппарат и рассылает во все четыре стороны страны циркуляры, приказы, распоряжения и пуды прочих особо важных бумаг.

Надо полагать, Амстердаму это кажется суетой сует, и он улыбается...

Роттердаму, третьему центру страны, который по количеству населения заметно превосходит два первых, выпал особый жребий. Его дважды бомбили в минувшую войну. Сначала немцы — в 1940 г., когда приближались к нему с боями; затем англичане, через четыре года после первой бомбардировки, когда настало время освобождения города-мученика. Нелегко определить, кто больше причинил ему бед: друг или враг. Центр Роттердама был разрушен нещадно. Лишь городская ратуша да несколько портовых построек на берегу Мааса уцелели от бомбежки и пожара.

Только умолкли пушки, Роттердам начал отстраиваться заново. Начал отстраиваться, поскольку другого выхода не было. Центр разрушенного города ждал восстановления. Говорят, аппетит приходит с едой. С тех пор Роттердам все строится и строится. Строятся дворцы для банков, трестов и иностранных фирм; строятся торговые центры, новые мосты, театры, первый в Голландии метрополитен.

Зато Амстердаму не пришлось пережить ни одной из этих бед. Он не стоял перед необходимостью срочного строительства. Что надо было выстроить, давно было построено. Ежегодное прибавление одного-двух кварталов, вызванное естественным приростом населения, не стоит даже брать в расчет. Сюда приезжают развлекаться и сорить деньгами самые богатые бизнесмены из разных стран мира.

И в самом деле: Амстердам — место, где можно быстро заработать миллион, но еще быстрее можно спустить его, вкушая всевозможные земные радости. Не существует предмета, нужного человеку в обиходе, более того, не существует такого предмета роскоши, будь он из золота или из драгоценных камней, который не могли бы предложить вам амстердамские купцы. Не существует экзотических блюд, которых вам не подали бы в амстердамских ресторанах, кафе и ночных клубах. Главное — деньги. Для тех, у кого есть деньги, здесь открыты врата рая. Здесь никто не спрашивает, кто ты, откуда и зачем приехал? Есть деньги? На-слаждайся. А нет, не надейся ни на что. Казалось бы, мораль не лишена своей логики, но грузину, воспитанному совсем в других традициях, она кажется слишком жестокой.

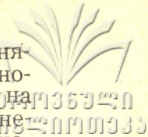
И наконец, так называемые «красные витрины» города. За высокими и широкими витринами, в красноватом полумраке, сидят полуобнаженные девушки и молча заывают проходящих мимо мужчин, будь то старик или юноша, красавец или урод...

«Красные витрины» занимают целые кварталы и улицы. В любое время суток здесь можно встретить группы подвыпивших иностранцев, которые с деловитостью знатоков разглядывают выставленный в витринах «товар» и переходят от одного заведения к другому. Кого только тут не увидишь! Мужчины всех рас и наций прохаживаются перед витринами, а одуревшие от бесконечного ожидания сонные женщины сидят на своих рабочих местах и терпеливо ждут, когда ожидание кончится и кто-то откроет дверь и войдет: то ли — бродяга с сорока гульденами в дырявом кармане, то ли щедрый гуляка, который после крупного проигрыша в казино оставит здесь последнюю тысячу, а потом, быть может, пустит пулю в лоб.

Прекрасен и полон соблазнов ночной Амстердам. Ночью он живет иной жизнью, совершенно отличной от дневной. Эта жизнь прекращается только на рассвете, уступая место обычному деловому дню.

Шагаешь по извилистым узким тротуарам и окунаешься в волшебные цвета световой рекламы, освещенных витрин, ночных кафе и богатых ресторанов. Свежий и нарядный, как невеста, город после дождя кажется особенно притягательным и таинственным. Ночное кафе «Мата Хари»... Собственно говоря, тут все кафе ночные — днем в них ни души. Надо заметить, что и ночью в кафе удивительно просторно. В разных концах зала сидят по одному и по двое... Ресторан «Рембрандт»... Голой кирпичной стене придает старинное благообразие выющийся по ней плющ. Реклама следует за рекламой, витрину сменяет витрина. Один стилизованный на домашний манер ресторан, чем-то напоминавший ресторан на Мцхетской дороге, называется «Иберия». Чей он? В честь какого иберийца назван? Над высоким зданием сверкает надпись: «Тушинский». Кто-то рядом отмечает — кажется, русской фамилия. Так ли это? Кто знает...

В кинотеатре на последнем сеансе показывали документальный фильм, снятый на дорогах Турции. Целью фильма была демонстрация византийских древностей, но, для того чтобы древности привлекли побольше зрителей, их показали на фоне путешествия полуголых мужчины и женщины. Казалось, фильм имел и некий философский подтекст, однако не думаю, чтобы он был внесен сознательно.

После документального фильма, прежде чем началась демонстрация художественного, экран минут на пятнадцать заняла движущаяся и неподвижная реклама торговых фирм.

Художественный фильм оказался западногерманским. Зрителям неторопливо и подробно поведали историю девушек из состоятельной семьи, мечтающих выйти замуж, и молодого человека, не способного к продолжению рода. Акцент целиком был перенесен на секс и эротику.

Вот вам и опиум — секс и ажиотаж вокруг спортивных состязаний, толкающие человека к пассивности и интеллектуальной бездеятельности. Это коварный и продуманный ход, и к нему прибегают не только в Нидерландах.

Фильм закончился, и никто толком не понял, что же произошло, для чего, для утверждения каких мыслей и каких идей были сняты эти кадры. Во время демонстрации фильма в зале не прекращалось движение. Зрители входили и выходили, как кому было угодно. Время от времени раздавались свист, топот, возгласы недовольства. Возможно, так вели себя, потому что фильм был западногерманский. Думаю, трудно найти страну, где так раздражало бы все немецкое, вплоть до самого упоминания о немцах. В Нидерландах немецкие фашисты поселяли огромную ненависть к себе, и сейчас вся Германия пожинает урожай этой ненависти. Вероятно, должны пройти сотни лет, для того чтобы эти страсти, эта горящая, как пожар, ненависть перегорела и улеглась в душах голландцев.

На второй день нашего приезда во время прогулки по набережной одна из наших туристок взяла у продавца цветов — степенного старика — букет прекрасных тюльпанов и спросила по-немецки, сколько он стоит. Женщина она была крупная, светловолосая, подвижная. Стоило ей заговорить по-немецки — и не осталась бы смоненной, что перед вами немка. Старик косо взглянул на нее, насмешливо поджал губы, довольно грубо отобрал цветы и на чистейшем немецком сказал: «Здесь для немцев ничего нет. Ступайте!». И хотя, судя по всему, он был человек благососпитанный, повернулся к нам спиной. Мы переглянулись. Встряска оказалась настолько сильной, что никто не стал объяснять старику его ошибку, и он остался наедине со своими цветами и ненавистью, имевшей, видимо, глубокие, крепкие корни.

4.

Из кино я вернулся домой пешком, преодолев изрядную путаницу узких, часто пересекающихся улиц. Вот площадь перед королевским дворцом с каменными балкончиками по фасаду. На противоположной стороне высится белый обелиск Победы. Через площадь, скрипя колесами, проехал запоздалый трамвай. Дул холодный ветер, и прохожих почти не было. Все улицы, тупики и переулки на моем пути были заставлены тысячами разноцветных автомобилей. Оставались только узкие проезды для движущегося транспорта и пешеходов. Я обошел довольно много стоянок, но не нашел ни одной машины московской или горьковской марки. Не видно было и расфуфыренных роскошных американских лимузинов. Видимо, амстердамцы лучше чувствуют себя в недорогих машинах — работагах, и приобретают те из них, покупка которых меньше отражается на семейном бюджете.

До глубокой ночи, пока часы на ратуше не пробили три и им не откликнулись часы на башне стоящего по соседству католического собора, я листал иллюстрированный журнал «Голланд Геральд». Один из фоторепортажей был посвящен королевской семье. 1941 год: королева Юлиана в сопровождении генералов обходит воинский строй. На другом снимке она стоит, выпрямившись и откинув голову, и сурово и решительно смотрит вперед; рядом с ней молодой офицер, вытянувшись в струнку по стойке «смирно», он ловит взглядом каждое движение верховной правительницы страны...

Вот королева Юлиана — почтенного возраста старушка. На ней длинное, словно не по росту, пальто, на ногах туфли на низком каблучке, на шее — лиса, на голове — старомодная шляпа с пером, которая делает Ее Величество несколько смешной. Трудно представить себе, что в этой простой и беспомощной на первый взгляд старушке сосредоточена вся государственная власть, что ее с почтением и робостью выслушивают высочайшие органы управления — Генеральные штаты, что ей непосредственно подчиняется кабинет министров, а как главнокомандующему — все вооруженные силы страны.

На следующем фотоснимке королева провожает на аэродроме почетного гостя. Тут старушка снята со спины, она подняла руку в прощальном приветствии.

Длинная юбка облепила ее под ветром, лезет ей между ног и, словно надутый парус, подталкивает вперед.

Опять 1941 год: скорбная королева в сопровождении морских офицеров и гражданских лиц стоит у развалин Роттердама, и сердце ее исполнено материнской скорби.

Вот королева — бабушка со своими двумя ангелоподобными внуками. Эти пухленькие красавчики, в жилах которых течет королевская кровь, пока что играют на качелях, и, глядя на них, бабушка (на следующем снимке открывающая специальную сессию Генеральных штатов) бесконечно счастлива.

1942 год — Юлиана и Теодор Рузвельт с дочерью.

1945-й — старушка одна шагает перед строем своей армии. В 1946 году Юлиана встречается с королем Георгием Шестым, грудь которого увешана орденами всех стран. А через несколько дней репортеры снимают ее с новым визитером — Уинстоном Черчиллем. Смеющийся, очень полный Черчилль растопырил два коротких пальца поднятой вверх руки, умудрившись придать этому античному жесту вид самого дружественного приветствия...

Надо полагать, королевский титул в этой стране — традиция, символ, выражающий завоеванную в кровавых боях свободу и независимость. Король — это старый фасад дома, который голландцы оберегают как зеницу ока, но за этим старым фасадом устроена чрезвычайно современная жилая квартира.

Рассвело солнечное утро. Царила удивительная тишина. Амстердам еще спал глубоким утренним сном. Я почувствовал неодолимое желание выйти и обойти пешком весь город. Он не так велик, как кажется при езде на автомобиле. Вдоль безлюдных улиц порхали птицы. Их беззаботный свист и перещелк слышались отовсюду. Я заметил красный барьер вдоль стены канала, за которым на зеленом поле стояли круглые кирпичные постройки. Предыдущим днем нам сказали, что это амстердамская тюрьма. Некогда она находилась за пределами города, но потом Амстердам разросся, и тюрьма оказалась в центре города.

Отсюда недалеко до огромного здания, выстроенного из красного кирпича, — «Дома Рембрандта» — Амстердамского музея изобразительных искусств с коллекциями картин прославленных на весь мир голландских живописцев. Главное место в экспозиции музея занимает гордость Нидерландов — Рембрандт. Вот уже некоторое время музей не принимает посетителей, и многие гости Амстердама возвращаются восвояси не солоно хлебавши. В связи с приближающимся юбилеем Рембрандта здесь собирают привезенные со всего мира шедевры, принадлежащие волшебной кисти сына этой страны. Попасть в Амстердам и не увидеть Рембрандта!.. Но ничего не попишешь... Не везет — так не везет!..

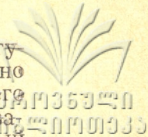
Солнце стояло довольно высоко, когда туристский автобус бережно объехал бесчисленные переночевавшие на улице машины и, набирая скорость, поехал в сторону Заандама. Дорога шла мимо обработанных полей и пастбищ на северо-запад. Вдоль реки Амстель. Так же как Амстердам — «плотина на реке Амстель», и Заандам выстроен на Амстеле. Со средних веков и по сегодняшний день Заандаму принадлежит ведущая роль в строительстве национального морского флота. Здесь строились первоклассные фрегаты, перед боевой мощью которых нередко отступали и английские «непобедимые армады».

Первый просвещенный монарх России — Петр Великий, вступив на отцовский престол, отобрал несколько надежных людей и отправился в Европу для изучения кораблестроения и мореплавания, дабы дать достойный отпор шведам, господствовавшим на северных морях. В Европе никто не знал, что русский великан, способный зубами раскусить корабельный канат и руками удержать судно, спущенное со ступеней на заандамских верфях, Петр Михайлов и Петр Романов — самодержавный царь необъятной России — одно и то же лицо.

В этом старинном поселке моряков и кораблестроителей, который давно уже разросся в город, и сегодня вам покажут крохотный одноэтажный домик, где под именем Петра Михайлова жил великий монарх с малочисленной свитой. В этой свите находился и несчастный Александр Багратиони, друг юности императора, первенец бежавшего в Москву царя Арчила, впоследствии первый артиллерийский генерал Российской империи, по тогдашнему фелдхейстер. Разве мог знать тогда юный Александр, или оставшийся в Москве его отец Арчил, или даже сам Петр Великий, что первое столкновение с Карлом XII закончится жестоким поражением для России и, прежде чем все церковные колокола не будут переплавлены в пушки и под Полтавой заново обученные русские полки не одолеют заносчивого Карла, грузинский царевич будет жить в плену на берегу Северного моря и, заболев неизлечимой болезнью, найдет здесь свое успокоение.

Все знают все, но этой печальной истории в Заандаме не знает никто. Наверное, не знают ее и в других местах. Александр хоть и был первым генералом огромной империи, хоть и пользовался братским расположением и любовью самого императора, был сыном маленького народа, и никто не побеспокоился о том, чтобы сберечь его имя.

Петр и сопровождающие его лица прибыли в Заандам в 1697 году 18 августа. Заандамцы давно перестали удивляться сходящим на берег иностранцам, но на этот раз они изменили своему обыкновению, и толпа обступила прибывшего из России великана и его друзей. Кто они? Куда направляются? Какие ветры несли их сюда? Любопытство заандамцев больше других разжигал черноволосый гигант, представившийся простым рабочим Петром Михайловым. Скоро выяснилось, что «простой рабочий» превосходный плотник, а вечера он просиживает за изучением сложнейших навигационных карт.

В первый же день Петр заметил в толпе знакомое лицо. Да, это действительно был он, Геррит Кист, корабельный мастер, старый знакомый царя. Когда-то он работал на петербургской верфи. Петр решил поселиться в доме своего старого знакомого. Такое стечение обстоятельств предопределило судьбу Геррита Киста, даровав ему бессмертие. Имя Киста связалось с именем Петра Великого и его миссией, а дом, в котором император отдыхал после выматывающего все силы нечеловеческого труда, превратился в историческую достопримечательность, хоть и переменял на протяжении веков множество владельцев.

Через два года, весной, переодетый Петр еще раз посетил гостеприимный дом Киста, а 5 мая 1717 года стоящие в порту Заандама корабли и пушки заандамской крепости салютом наций возвестили всем, что город осчастливил своим визитом Петр Первый, государь-император всея России.

На этот раз Петра сопровождали императрица Екатерина и огромная свита. Можно себе представить, каково было удивление заандамских кораблестроителей, когда в лице самодержавного императора России они узнали знакомого великана, толкового работягу и надежного друга Петра Михайлова.

Надо сказать, что император не слишком сковывал себя церемониалом: он быстро покинул императрицу и блестящую свиту и, обрадованный встречей со старыми друзьями, смешался с простым людом.

После этого прошло много времени, и император Наполеон, за несколько лет до восточного похода повидавший домик Киста, удивился тому, как умещался царь-великан в этих низких маленьких комнатах, и написал: «Человеку, поистине великому, ничто на земле не кажется малым».

Перевод Александра ЭБАНОНДЗЕ

Продолжение следует

Мамия ДУДУЧАВА

ОБ ОСОБЕННОСТИ Познавательной сущности Художественного творчества

Художественное творчество является специфическим видом познания. Поэтому и называется оно художественным познанием — областью идеологии, одной из форм общественного сознания. Познание как таковое представляет собой родовое явление; поэтому познавательная сущность не может быть признаком специфической чертой искусства; в художественном творчестве мы имеем дело лишь со свойственным ему видом познания, отличающимся от других его видов (логико-дискурсивного, практического и т. п.). Главной особенностью познавательной стороны искусства является то, что познание выступает здесь в образной форме, и эта специфичность проявляется во всех компонентах и на всех этапах процесса художественного творчества. Это делает вполне понятным один из основных принципов марксистской эстетики, согласно которому искусство, как и все другие виды познания, отображает, осваивает действительность «только свойственным ему способом», только соответственно его отличительным чертам.

На познавательную сущность искусства указал еще Демокрит, но своеобразие и значение этой сущности впервые определил Аристотель. В этом отношении особенно заслуживает внимания девятая глава «Поэтики», где отличие поэзии от истории рассматривается в виде особенности отражения. Поэт является поэтом «по своему подражательному воспроизведению»¹ (то есть он творец постольку, поскольку воспроизводит) — так формулирует Аристотель свой вывод при анализе основных специфических признаков поэзии. И хотя этот анализ и этот вывод характеризуются известной ограниченностью в соответствии с общепризнанным мировоззрением Аристотеля, но все же их следует признать большим открытием; они являются основополагающими в области теории художественного отражения.

В эпоху античности была создана и принципиально противоположная концепция, выраженная в эстетическом учении Платона. Согласно Платону, художник изображает не людей, не предметы и явления, а лишь свои собственные представления о них. Поэтому он всегда лжет. Исключение составляют лишь некоторые произведения отдельных отраслей искусства, имеющие особое содержание и назначение; причем характерно, что за исключением подражательных здесь отдельных произведений, имеющих особое содержание, Платон категорически запретил в своем идеальном «Государстве» искусство как фактор, оказывающий на народ отрицательное воздействие. Вместе с тем, он ставил искусство, как и собственно прекрасное, ниже идеи красоты и прекрасного в природе: искусство — тень прекрасного в природе, а это последнее, в свою очередь, тень идеи красоты, являющейся вечной и совершенной формой прекрасного. Следовательно, искусство представляет собой наиболее ограниченное выражение прекрасного.

В новое время, особенно со второй половины прошлого столетия, отрицание познавательной природы искусства находит свое крайнее выражение в формалистической эстетике. Здесь этот принцип основывается на полном отрыве искусства от действительности, на иррационализме и «чистом эстетизме», представляя собой теоретическую основу всех односторонностей декадентского искусства. При этом, если у Платона такое понимание (отрицание познавательной сущности) выражает отрицательное отношение мыслителя к искусству, то формалисты признают его ясным показателем высшего достоинства искусства.

Выдвинутый Аристотелем принцип находит дальнейшее развитие и углубление в первую очередь у Ш. Руставели, затем в своеобразной форме — в эстетике эпохи Ренессанса (в основном в «Трактатах» Леонардо да Винчи), а в более широком плане — у материалистов XVIII века и у великих русских революционных демократов в прошлом столетии.

¹ Аристотель. Поэтика, изд. «Худож. литература», Москва, 1957, стр. 69.

И отдельные идеалистические теории указывают на познавательную сущность искусства, но, разумеется, с определенным ограничением, соответствующим общепhilosophическим основам этих теорий. Здесь в первую очередь следует назвать вершину идеалистической эстетической мысли — эстетику Гегеля. В этом классическом эстетическом учении огромного значения совершенно признается познавательная сущность искусства. Но для Гегеля по существу художественное творчество представляет собой не своеобразный вид познания, а лишь одну из его ступеней, притом самую низкую. Искусство, религия и философия имеют одно и то же содержание и отличаются друг от друга лишь по форме познания их общего предмета — абсолютного. Первая ступень этого постижения, познания — непосредственное, чувственное созерцание, являющееся характерным для искусства; второй его ступенью, формой является представляющее сознание — религия; третьей же и высшей формой — свободное мышление абсолютного духа, то есть познание в форме понятия — философия.

Искусство постигает истину посредством чувственного образа, оно не ставит и не может ставить себе целью создание понятия. Именно вследствие этого и является искусство первой ступенью познания. Поскольку же форма второй ступени познания — представление, здесь абсолютное полностью сливается с внутренней жизнью субъекта, со всем субъективным миром. По существу в данном случае имеет место тождество субъекта и объекта.

Высшая и чистейшая форма познания — философия — выступает в виде абсолютно свободного мышления, в котором сливаются аспекты искусства и религии. В частности, объективность искусства здесь терит свою внешнюю чувствительность, место которого занимает высшая форма объективности — **мысль**. Субъективность религии заменяет **мышление** — эта чистая, самая внутренняя и действительная субъективность. Благодаря этим видоизменениям философия достигает своей исключительности. Разумеется, эта классификация дана у Гегеля с точки зрения совершенства познания и вообще постижения абсолютного духа. Но какова бы ни была основа этой классификации у Гегеля, главное значение имеет тот факт, что мы имеем здесь дело с ущемлением познавательной сущности искусства и ошибочным пониманием взаимоотношения философии, религии и искусства. Понятно, что это обусловлено философскими основами (идеологическими принципами) гегелевского учения.

Характерно, что некоторые идеалистические эстетические теории двадцатого века выдвигают противоположную точку зрения как по внешней форме, так и по существу: искусство как познание они ставят выше философии и всех других видов познания. Но в то же время, в конечном счете, отрицают возможность наличия познания и в самом искусстве, следовательно, вообще отрицают существование познания.

Современная идеалистическая эстетическая мысль характеризуется исканием в сфере искусства и той формы отражения, которая характерна для науки. Творческим выражением этой концепции является абстракционизм, одна из характерных черт которого — уход от действительности главным образом не путем самодовлеющего эстетизма, а посредством абстрагирования, абстрактного изображения. А это означает отрицание специфической сущности искусства: в результате механического подражания науке искусство теряет свой собственный язык, свойственный ему способ и форму отражения. Тем самым оно по существу упраздняется как искусство, как художественно-эстетический феномен. Само собой разумеется, творение искусства должно соответствовать специфическим законам художественного творчества. Эти законы и составляют единственную основу его существования, его специфическую сущность. В их же сфере находит свое объяснение познавательная особенность искусства. Нельзя судить об искусстве с иной точки зрения, и это потому, что всякая форма общественного сознания характеризуется только ей свойственным процессом отражения, своей функцией и характерными только для нее средствами и формой выражения. Уклонение от этого пути означает для каждой из них отрицание самой себя. Именно поэтому и потерял полностью абстракционизм эстетическую ценность подлинного искусства. Он полностью отошел от истинного пути художественного изображения и в то же время потерял поражение и в соревновании с наукой (конечно, абстракционизм имеет и иные основы, но в данном случае они не представляют для нас интереса).

* * *

Познавательная природа художественного творчества обоснована в специальной марксистской литературе настолько, что она не нуждается в особом рассмотрении. Поэтому мы здесь ограничимся кратким изложением некоторых, необходимых для анализа нашей проблемы, известных положений.

Художественное произведение представляет собой искусство прежде всего вследствие своей художественно-эстетической сущности. Это — первейшее усло-

вие существования искусства. «Но, — писал В. Белинский, — вполне признавая, что искусство прежде всего должно быть искусством, мы тем не менее думаем, что мысль о каком-то чистом, отрешенном искусстве, живущем в своей собственной сфере, не имеющей ничего общего с другими сторонами жизни, есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не было»¹.

Искусство является одной из форм общественного сознания, выражением отношения человека к среде, его дум и стремлений, изображением действительности в образном воплощении в соответствии с взглядами художника. А действительность, воплощенная в художественных образах, говоря опять-таки словами В. Белинского, «более похожа на действительность, чем в самой действительности, — и художественное произведение, основанное на вымысле, выше всякой быти...»² (то есть действительность здесь дана в соответствующем ее сущности выразительном образном перевоплощении). Таким образом, художественное обобщение обусловлено двойной основой, двойной функцией — художественной и познавательной. Это известная закономерность. Известно также и то, что непосредственным выражением познавательной функции образного воплощения является тенденциозность, идейное содержание. Поэтому отрицание познавательной сущности искусства означает отрицание и идейной сущности искусства: искусство идейно только вследствие того, что оно представляет собой определенный, специфический вид познания. Это с полной ясностью и необходимостью вытекает из известного ленинского положения: идея есть познание и стремление человека.

При освещении марксистского понимания познавательной сущности искусства наиболее существенное значение имеет данная Марксом известная характеристика логического познания (теоретического мышления). Мы имеем в виду следующую строку: «Целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом — образом, отличающимся от художественного, религиозного, практически-духовного освоения этого мира» (курсив мой. — М. Д.)³. Бесспорно, что в этом контексте освоение мира означает познание мира. Следовательно, существует не одно, только логически-теоретическое познание мира, но несколько его разновидностей, в том числе и художественная. Вместе с тем каждую из них «характеризует только ей свойственный» способ освоения действительности. Если при этом учтем и другие высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса об искусстве и познании, а также о произведениях отдельных классиков литературы и искусства, становится вполне ясным, что познание представляет собой родовое понятие. Правда, термин познание обычно применяется для обозначения логического познания, но это означает познание в узком смысле этого термина. В науке ведь нередко встречается подобное раздвоение понятий (например, драма представляет собой родовое понятие и вместе с тем обозначает и входящий в этот род особый жанр). Сказанное выше с полной очевидностью указывает на наличие конкретных видов познания как родового понятия: логического, художественного, практического...

* * *

Наиболее существенной стороной проблемы познавательной сущности искусства является установление основных специфических признаков свойственного искусству способа освоения действительности. Здесь имеется в виду ответ на вопрос: какой особенностью характеризуется указанный способ в отношении самого познания. Само собой разумеется, что при ответе на этот вопрос предметом нашего интереса не может быть специфическая сущность художественного творчества вообще. Напротив, мы должны ограничиться установлением только той особенности, которая определяет природу собственно познавательной сущности, образного воплощения, в отличие от всех других форм познания. Здесь же следует отметить, что, поскольку из этих последних ближе всех стоит к искусству логическое познание, для сопоставления исторически законена именно эта форма познания. И мы последуем за этой традицией.

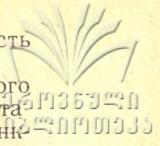
Прежде всего напомним, что единственным назначением логического познания является установление истины, вскрытие объективной закономерности вещей и явлений. Философии, вообще всем отраслям науки свойственна только эта функция. Следовательно, перед познанием этого вида стоит лишь один вопрос: какими объективными свойствами и признаками, какой закономерностью характеризуется познаваемый предмет. Для ответа на этот вопрос человек «создает абстракции, понятия, законы, научную картину мира». Достоинство

¹ В. Белинский. Собр. сочинений в трех томах, т. III, 1948, стр. 791.

² В. Белинский. Избр. сочинения в двух томах, т. I, стр. 790.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, в двух томах, т. I, стр. 63.

логического вида познания определяется достоинствами этих последних, то есть глубиной научного проникновения в суть вещей и явлений.

Художественное познание, вследствие свойственного ему специфического способа отражения действительности, не является и не может являться устоем новлением закономерности, тем более всеобщей закономерности. Такая функция ему не свойственна. Оно не представляет собой и отражение всей объективной действительности: его предмет, вследствие своеобразия его изобразительной формы, ограничен только человеческим миром, общественной действительностью (людьми, их социальной и духовно-интеллектуальной жизнью, их интересами, взаимоотношениями, определенной областью их непосредственной природной среды). Именно это имел в виду Г. Плеханов, когда писал: «Искусство выражает не отвлеченно, а в живых образах». А в живых образах можно выразить не всякую мысль, не всякую сферу действительности. «Гегель (а вместе с ним и наш Белинский) был не совсем прав, когда говорил, что предмет искусства тот же, что и философия».

Вместе с тем, и в отношении этого ограниченного предмета свойственный художественному творчеству масштаб отражения определенно своеобразен. В частности, некоторые его отрасли (изобразительное искусство, лирические жанры, некоторые жанры музыки) характеризуются изображением только одного момента действия и духовного состояния человека, вообще всего своего непосредственного объекта. А другие отрасли (эпические и драматические жанры литературы, театр, кино и др.) изображают тот же объект в процессе развития, разумеется, с различной полнотой в тех или иных жанрах.

Как известно, специфическая сущность и функция искусства относятся к сфере художественного (творчески эстетического). Только эта сфера составляет необходимое условие существования образного воплощения и основу его своеобразия. Познавательная сущность искусства с необходимостью сосуществует с конкретным проявлением именно этой основы — эстетического, вследствие чего она дана объективно даже в крайне формалистических творениях, понятно, в своеобразной конкретной форме, в своеобразном выражении.

По существу в этих рамках проявляются основные признаки познавательной сущности художественного творчества.

Первым из них является суждение, оценка; разумеется, само это суждение, оценка непосредственно выражается в образах либо самой действительности, либо же вызванных действительностью в духовно-интеллектуальном мире художника, в мире его эмоций, мыслей, дум.

В своей классификации форм познания Гегель по существу признал отмеченное здесь своеобразие художественного отражения — чувственно-конкретный характер, предметность — фактором, ограничивающим познавательную сущность искусства. Такая точка зрения Гегеля станет вполне понятной, если учтем, что для Гегеля не только предмет, но и познавательная функция и содержание искусства и философии, по существу, одно и то же, а высшим выражением познания является чистое знание, свободное мышление, понятийное постижение сущности и закономерности, полное самопознание абсолюта. Как видим, Гегель в данном случае был вполне последователен с точки зрения своей идеалистической системы.

Во избежание возможного недоразумения следует здесь напомнить, что вообще суждение и оценка действительности в конечном счете (во всяком случае потенциально) предполагают определенное понимание закономерности. Но в искусстве и это предположение в основном исключается. Такое же место занимает оценка и в логическом познании. Известная часть наук сугубо скупа в отношении оценки. Правда, общественные науки включают в себя суждение, оценку, но приблизительно в таком же виде (к тому же главным образом не непосредственно, а как логически вытекающее следствие из полученных ими научных выводов), как и художественное творчество изображает закономерности. Вообще же один из общепризнанных типологических признаков логического познания заключается в том, что оно изучает только объективно и чисто объективную закономерность, сущность. Проявление активного субъективного отношения (оценки) по существу противоречит его назначению. Поэтому научный труд тем более научен, чем более и последовательнее отмежевывается он от субъективного, следовательно, от проявления оценки. Разумеется, ученый, изучающий, скажем, нервную систему лягушки, и ученый, исследующий историю Грузии, вообще историк, социолог или экономист не могут иметь одинаковое отношение к объекту своего исследования. Несмотря на это, одна из задач всякой науки — абсолютное уклонение от всякого субъективизма. Замечательнейшим примером этого является «Капитал» К. Маркса: этот гениальный труд представляет собой одну из главных теоретических основ научного социализма, однако, как известно, в нем все же до конца соблюден «хладнокровный», беспристрастный анализ закономерности.

В этом отношении среди логических видов познания исключение составляет публицистика. И это потому, что она изучает проблемы современной общественной жизни и ее развития, борьбы классов и взаимоотношений наций, вообще все актуальные социально-экономические и политические проблемы современности. Вследствие этого один из основных характерных признаков публицистики — конкретный анализ, суждение и оценка той или иной сферы современной общественной жизни или же всей обстановки в целом, что в классовом обществе осуществляется в соответствии с определенными социально-классовыми идеалами. Но в отличие от искусства публицистика включает в себя не только суждение, оценку, но и общенаучно-теоретические предпосылки в виде определенной концепции общей закономерности общественного развития, всего исторического процесса развития человечества, которую иногда вырабатывает сама, обычно же заимствует из той или иной философии истории.

Таким образом, по рассмотренному здесь признаку искусство и публицистика, несмотря на их определенную общность (сходство), все же существенно отличаются друг от друга: для второй выявление общей закономерности является необходимой основой, к тому же ее освещение имеет здесь такой же непосредственный характер, как и оценка, суждение, тогда как в первом не имеет места ни освещение закономерности, ни, естественно, логический анализ.

Вторым основным признаком познавательной сущности искусства является сама основа суждения и оценки — идеалы художника, его обусловленные социально-историческими условиями эпохи взгляды, представления о лучших, более совершенных людях, о более высоком устройстве общественной жизни, всей социальной действительности, включающие в себя, естественно, и элементы должностояния. Вследствие этого признака искусство можно признать не только художественным познанием, но и познанием в соответствии с идеалами. Это с очевидностью вытекает и из сущности художественного метода, в частности, из того известного факта, что художественный метод опирается непосредственно на эстетические идеалы, а эти последние выступают в виде определенной точки зрения, определенных взглядов на лучшее, более совершенное и высокое искусство. Правда, сама эта точка зрения объективно вытекает из определенного понимания закономерностей искусства, но, несмотря на это, между закономерностью искусства и эстетическими идеалами существует такое же различие, как и между закономерностью социальной действительности и социальными идеалами. И эта основа познавательной сущности искусства (в виде определенных идеалов) обнаруживает наиболее близкую аналогию в сфере публицистики. Публицистика всегда опирается на определенные идеалы (т. е. идеи здесь выступают только в виде идеалов). Это свойство не присуще ни одному из других видов логического познания в качестве типологического признака, и — что главное — данный признак различно проявляется в искусстве и публицистике в соответствии с характерными для них специфическими способами освоения мира. Естественно, здесь подразумеваются те особенности познавательной сущности искусства и логического познания, которые отмечены выше.

Не будет излишним тут же отметить еще две особенности художественного творчества: 1) поскольку предметом публицистики является современная социально-историческая обстановка, актуальные политические проблемы, отраженные в ней идеалы прежде всего касаются конкретных вопросов эпохи; здесь не проявляются интимно-субъективные эмоции, а общечеловеческие идеалы выступают в ограниченном виде (разумеется, относительно). Художественное же творчество, помимо того, что оно вместе с социальными идеалами конкретного значения исходит и из собственно эстетических идеалов в качестве своей необходимой основы, характеризуется исключительной полнотой перевоплощения и изображения общечеловеческих идей и устремлений; 2) в искусстве идеалы, суждение, вообще идейная позиция художника проявляются в виде художественно-конкретной индивидуализации. Художественному изображению сопутствует собственное «я» художника, весь его духовно-интеллектуальный мир. Поэтому образное воплощение в определенном аспекте и самопознание, а эпохальные идеи, стремления здесь не даны в таком чистом объективном воплощении, как они выступают в публицистике. В искусстве их изображение слито с индивидуальным.

Наконец, напомним, что мы не так редко встречаемся с выражением: «Публицистический пафос искусства». Разумеется, это не случайная фраза, она имеет определенное конкретное содержание: актуальный идейно-познавательный характер художественных произведений, яркое выражение подчеркнутого нами здесь сходства вообще между публицистикой и искусством.

Третьим основным признаком познавательной сущности художественного отражения является **художественная правда**.

Для достоинства художественного творения как общего, так и собственно идейно-познавательного не имеет значения сама по себе правильность воплощенной в самом этом творении тенденции (идейной позиции художника).¹ Говоря иными словами, в художественном творчестве взятая сама по себе истина не имеет значения не только как одна из определенных основ общего достоинства произведения, но и как фактор его собственно познавательного достоинства. А между тем единственным аспектом оценки глубины и достоинства логического познания является лишь открытие истины. Вследствие этого известного и вполне понятного различия в искусстве действует закон единства художественности и идейности, а художественная правда здесь выступает в той роли, которую в сфере других видов познания выполняет истина, вообще правда.

Что же это означает?

Прежде всего напомним о том различии, которое существует между правдой в логическом и практическом познании и правдой в искусстве. Еще Аристотель признал, что не одно и то же правильность в политике и в поэтическом искусстве или в какой-либо отрасли логического познания и в поэтическом искусстве. Бальзак категорически утверждал: «Я не устану повторять, что правда природы не может быть и никогда не будет правдой искусства»¹. С тем же выводом встречаемся у Гёте: «Правдивое в искусстве и правдивое в природе — не одно и то же»².

Эта признаваемая многими другими художниками и мыслителями особенность свойственной художественному произведению правды обусловлена тем, что она связана со всей сферой изображения и проявляется в виде предметного художественного воспроизведения, характеризующегося такой конкретно-чувственной формой, какая свойственна самой действительности. В то же время оно сочинено, представляет собой результат вымысла художественной фантазии, результат обобщения и перевоплощения. Следовательно, художественная правда — это, прежде всего, единство познавательно-идейного содержания и собственно художественного, слияние истинной идеи с эстетическим, органическое единое проявление всех свойств, всех законов художественного освоения действительности. Тем самым она является и выражением степени совершенства творения искусства. Следует отметить здесь и то, также известное, обстоятельство, что художественная правда является правдой вымысла (можно сказать и так: правдой лжи), то есть она означает такой вымысел, который более соответствует сущности существующего, нежели конкретное объективное единство всех внешних признаков самого этого существующего. Повторение этих признаков в искусстве порождает как собственно художественную, так и собственно познавательную фальшь, — оно выражает и творческую беспомощность. Поэтому, языком художественного изображения является вымысел, изображение существующего через несуществующее. Или же, говоря известными словами И. Чавчавадзе, в художественной литературе «вымышленным событием уясняется правдивое»... «И вот это удивительное преобразование, или, лучше сказать, превращение небывшего бывшим, под силу только созидателю»³. Здесь же особо следует отметить, что в искусстве форма отражения представляет собой единство познавательных и художественных особенностей.

Таким образом, форма отражения в искусстве имеет две стороны: **познавательную и художественную**. Разумеется, их размежевание возможно только посредством сугубой абстракции, поскольку в художественном творчестве они выступают в едином виде. Поэтому они существуют как акценты органического целого, которые в процессе художественного творчества формируются на основе взаимодействия и взаимного соответствия⁴.

¹ Бальзак. Собр. сочинений, т. 15, 1955, стр. 347.

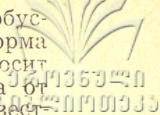
² Гёте. Собр. сочинений, т. X, 1937, стр. 446.

³ И. Чавчавадзе. Соч., т. I, стр. 177.

⁴ Сказанное по существу означает и то, что в этом аспекте специфическая сущность искусства имеет две стороны: 1) собственно отражательную, которая, в свою очередь, проявляется в виде художественного обобщения, изображения; она опирается на вымысел, на перевоплощение «в формы той же жизни», на творческую фантазию и, естественно, подразумевает и отмеченные здесь основные признаки познавательно-своеобразия художественного творчества; 2) изобразительно-эстетическую, следовательно, собственно художественную форму отражения, изображения, что в данном случае представляет собой целостность конкретного характера воплощения художественных приемов и специфических компонентов произведения, а поэтому непосредственную сферу проявления специфических функций и особенностей искусства.

На различие этих двух внутренних сторон особенности искусства впервые указал Аристотель при сравнительном анализе поэзии и истории. Однако он специфическую сущность искусства в основном ограничил первой стороной.

Перейдем теперь к рассмотрению того, какая объективная основа обуславливает художественную правду. В объективной действительности форма предметов и явлений не выявляет их сущность. Она, можно сказать, носит общий 'родовой' характер, вследствие чего мы так явно отличаем человека от животного, самих животных друг от друга, дом от стола и так далее. По известному заключению К. Маркса, если бы форма проявления и сущность предметов соответствовали друг другу, всякая наука была бы излишней. Разумеется, то же самое можно сказать и о познавательной сущности искусства. Как известно, это различие сущности и формы предметов и явлений логическое познание постигает посредством абстрагирования. Искусство же создает путем вымысла новый предметно-конкретный (имеющий жизнеподобное чувственно-конкретное образное воплощение) человеческий мир, форма которого полностью соответствует сущности существующего, и представляет собой отрицание объективной формы. Именно этим объясняется не раз подчеркнутое выше марксистское положение, согласно которому форма художественных творений характеризуется и познавательной функцией. Следовательно, она соответствует сущности изображенной действительности (а тем самым выражает и определенную оценку этой действительности), представляя собой и эстетический феномен. А все это означает, что творчески создаваемый художником новый человеческий мир обусловлен и познавательной сущностью художественного изображения.

Познавательной функцией художественной правды является именно искание этого соответствия. Но это только одна ее сторона. Другая же — собственно художественное достоинство, особенно художественной формы, вообще творения искусства. И поскольку процесс художественного творчества (разумеется, и его результат) характеризуется не только индивидуализацией изображаемого, но и творческой индивидуальностью художника, художественная правда органически выявляет силу таланта художника, уровень его мастерства и вообще всю творческую натуру. Поэтому, если истинным результатом логического познания является отражение объективного, художественная правда ясно выявляет творческую индивидуальность художника в качестве своего необходимого компонента. Вследствие этого известного, отмеченного и выше обстоятельства истина единственна, тогда как художественная правда свободна от этой ограниченности, она своеобразно проявляется в создаваемом любым автором подлинном художественном творении, посвященном одной и той же теме и основывающемся на одной и той же идейной позиции.

Мы здесь не будем касаться художественной правды шире, так как по этому вопросу существует богатая литература в марксистской эстетике и литературоведении. Для полноты картины лишь схематически укажем только на несколько ее сторон: 1) художественная правда основывается на передовых идеях эпохи; 2) она особенно убедительна; мы вне всякого сомнения верим в ее подлинность. Разумеется, как это отметил Л. Фейербах, искусство не требует, чтобы его признавали за действительность, но зато необходимо, чтобы мы признавали его за верное изображение действительности, более того, чтобы мы верили в необходимость его существования, в его соответствие действительности, «в его правдивость в отношении к природе»; 3) художественная правда — историческое явление, вследствие чего она в каждую эпоху и в каждом течении проявляется в своеобразном конкретном содержании и в творческом образном воплощении; 4) наиболее совершенное творческое выражение художественной правды — типичность, вообще реализм, в частности в классическом наследии — критический реализм, а в нашу эпоху — высший этап развития реализма — социалистический реализм.

Критический реализм характеризуется удивительными, виртуозными образцами правдивого и высокохудожественного изображения реальных отношений. Для иллюстрации достаточно назвать таких великих, гениальных реалистов-художников, как Бальзак и Толстой. В творчестве этих двух художников в таком совершенстве проявляется умение создавать правдивые картины, что последние вступают в явное противоречие с ошибочными политическими взглядами этих мастеров-чародеев художественного слова. Прежде всего, этим объясняется та высокая оценка, которую дает Ф. Энгельс познавательной стороне произведений Бальзака: «...Вокруг этой центральной картины Бальзак сосредоточивает «всю историю французского общества, из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше (...), чем из книг специалистов-историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»¹. А К. Маркс настоль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, в двух томах, том. I, 1967, стр. 7.

ко полагался на изображение социальной действительности Бальзаком, что использовал его даже при анализе сложнейших экономических проблем. По существу такую же высокую оценку давал В. И. Ленин познавательной стороне художественных произведений Л. Толстого.

Таковы основные признаки познавательной сущности искусства. Как видим, в своей целостности они делают совершенно ясным вывод, что познавательная сущность искусства основывается на художественном вымысле и созидании, на художественных открытиях и перевоплощениях. Следовательно, она существует не отдельно от специфической художественно-творческой сферы искусства, а составляет ее необходимое внутреннее свойство. Художник для изображения реальной человеческой действительности создает новый человеческий мир в соответствии, с одной стороны, с определенным пониманием и оценкой сущности изображаемой действительности, а с другой — со своей эстетическим-творческой концепцией (художественным методом). Таким образом, то своеобразное воплощение, которым характеризуется изображение реальной действительности в искусстве, обусловлено единством художественно-познавательных факторов, а сами эти факторы выступают в качестве органического свойства и с необходимостью содействующих друг другу компонентов творческого процесса. Художественное творчество с одинаковой неизбежностью основывается как на познавательной сущности и функциях, так и на эстетическом и включает их в себя. Мы потому вернулись еще раз к этой закономерности, что не так уж редко встречаемся при определении искусства, в частности литературы, с таким противопоставлением: «Литература — познание и творчество»¹. Выходит, будто в литературе творчество и познание представляют собой отдельные друг от друга явления, то есть будто творчество само не характеризуется познанием, не представляет собой специфический вид познания.

Основные признаки познавательной особенности художественного отражения делают очевидным и то, что художественное изображение гораздо полнее отображает целостность конкретных данных действительности, чем логическое познание: изображение действительности в форме той же действительности (в чувственно-предметной конкретности) дает искусству возможность выразить все стороны предмета, все «богатство многообразия», что, как известно, недоступно логическому познанию; и это вполне понятно в свете функции и особенностей формы логического познания.

Искусство представляет собой наиболее многостороннюю, деликатную и глубоко чувствительную (рефлектирующую) как в отношении социальной среды, так и в отношении к субъективному миру самого создателя, отрасль человеческого творчества. Оно является наиболее целостным и высшим выражением многообразных особенностей эпох и народов, биения их пульса, оно представляет собой венец творческого взлета человеческого духа, его вечную, неуязвимую славу.

* * *

Таким образом, познавательную особенность искусства составляет изображение человеческого мира в аспекте эстетических, социальных, этнических, философских и иных человеческих идеалов; она непосредственно проявляется в виде оценки или — что то же самое — в виде идейного кредо (ясно, что эстетический идеал упоминается здесь как основа эстетической оценки явлений и особенностей художественного метода).

Именно по этой причине высшим познавательным следствием, идеальным результатом художественного творчества является художественная правда, а не истина в логическом значении этого понятия. Открытия здесь даны в первую очередь в сфере особенностей, глубины и неповторимости этого результата: раскрытие какой-либо новой сферы или нового свойства действительности, выявление новых художественных приемов и творческих возможностей, новизна вымысла и его полное соответствие сущности изображаемого, новое конкретное воплощение единства формы и содержания.

Именно вследствие указанных здесь, а также отмеченных выше особенностей познавательной сущности художественного творчества имеет искусство большое общественное значение в качестве фактора духовного, нравственно-интеллектуального формирования человека и раскрытия сущности социально-исторических явлений. Стало быть, идейно-общественное назначение искусства является не извне приводящим его свойством, а представляет собой такой же необходимый компонент, как и собственно эстетическое.

Разумеется, эстетическое имеет свою специфическую общественную функцию: оно отвечает эстетическому чувству людей, приводит в движение эту су-

¹ «Краткая литературная энциклопедия», т. 4, 1967, стр. 219.

губо тонкую сторону духовной жизни человека и воспитывает общество в духе способности наслаждаться произведениями искусства¹.

Идейно-познавательная сущность искусства обретает определенное специфическое образное воплощение и силу в соответствии с особенностью художественного изображения. Именно вследствие этого характеризуется художественное творение исключительными, сугубо активными возможностями воздействия и убеждения. Н. Чернышевский справедливо отмечал, что «искусство вернее достигает своей цели, нежели простой рассказ, тем более ученый рассказ: под формою жизни мы гораздо легче знакомимся с предметом, гораздо скорее начинаем интересоваться им, нежели тогда, когда находим сухое указание на предмет»².

Вспомним и о взгляде И. Чавчавадзе на этот предмет. Его взгляд более четко выражен в данной им характеристике театра. Театр «жизненными картинами разговаривает с сердцем и умом человека», а «этим свойством он более мощно воздействует на настроение человека, чем что-либо иное. В этом отношении он очищает чувство и ум человека, делает их тоньше»³.

И. Чавчавадзе в одной из своих статей о театре указывает и на конкретное выражение этого взгляда. В частности, в рецензии на постановку на грузинской сцене комедии «Парижский мальчик» он специально отмечал: «Нужно было видеть, с каким восхищением слушало общество слова парижского мальчика, как каждая наилучшая мысль невольно вызвала взрыв аплодисментов одних и порицание этих нетерпеливых со стороны других за то, что не давали до конца дослушать то, что говорилось. Когда, например, старый генерал-аристократ знакомится с чувством парижского мальчика и повелевает своему сыну вступить в брак с обесчещенной им дочерью простолюдина, — кто не скажет, что эта картина лучше проповедует равенство людей, нежели нарочито сочиненные для выражения этой мысли фразы»⁴.

Разумеется, приведенные взгляды Н. Чернышевского и И. Чавчавадзе подразумевают определенный аспект. При этом нужно отметить и то, что общественная сущность искусства, его конкретное выражение и роль в развитии общественной жизни — суть исторические явления: не все произведения, творчество не каждого писателя или не всякое художественное направление проявляют одинаково эту великую миссию. Существуют и такие произведения, писатели, художественные направления, которые либо не оказывают никакого воздействия на общество, либо же оказывают отрицательные воздействия. Но нередко в условиях особой социально-исторической обстановки художественная культура, преимущественно литература, становится ведущей силой всей жизни и борьбы народа. В частности, такую силу представлял грузинский критический реализм. В первом случае, разумеется, речь идет о формалистических направлениях и произведениях с реакционным идейным содержанием. Во втором — мы имеем дело с прогрессивными идеями, возникающими на основе социального и национально-освободительного движения. Словом, та роль, которую искусство выполняет в развитии общественной жизни, полностью соответствует укоренившимся в самом искусстве прогрессивности, эпохальному диапазону и значению эстетических, политических, этических, философских и иных идеалов. А в том случае, когда основой искусства являются овладевшие массами идеалы, и оно, разумеется, становится большой «материальной силой» в историческом движении. Этим объясняется большое историческое и национальное значение грузинского критического реализма. Этим же объясняется такое огромное общественное значение советского искусства, органически связанного со всем советским народом: именно поэтому способствует советское искусство духовному росту людей и активно участвует в формировании нового человека, в развитии всей нашей жизни, в движении всего советского общества по пути непрерывного прогресса. Именно вследствие изложенной выше закономерности защищает наше искусство так твердо и последовательно свои основополагающие творческие принципы — принцип партийности и принцип глубокой художественной правды — свою высокую идейность.

Все отрасли советского искусства характеризуются высшим выражением познавательной сущности и общественного назначения. И это не только не умаляет его, как утверждают наши противники, а напротив, усиливает, повышает и специфическую, эстетическую сторону его произведений, придавая им высокое, впечатляющее художественное значение.

¹ К. Маркс говорил это вообще о художественном произведении, но, очевидно, здесь подразумевается именно эстетическая сторона художественного творения.

² Н. Чернышевский. Эстетика, изд. «Искусство», 1939, стр. 92.

³ И. Чавчавадзе. Соч., т. IV, стр. 90.

⁴ Там же.

ЭСТЕТИКА ГРУЗИИ ЗА 50 ЛЕТ

Установление Советской власти в Грузии знаменовало собою коренной поворот во всей многовековой истории грузинского народа, начало новой эры, эры социального и национального освобождения трудящихся масс, их подлинного экономического и культурного возрождения.

Говоря же о возрождении грузинской художественной критики и эстетической мысли, следует вспомнить о первых шагах, предпринятых в этом направлении журналом «Кура» («Гори»). Если поначалу его литературно-критические выступления были еще слабы, то со временем они набирают силу, становятся смелее. Этому в значительной степени содействовало появление новых сил. На страницах журналов «Момавали», «Дроша», «Мнатоби» и других стали публиковаться статьи молодых грузинских критиков (Ш. Радиани, Б. Жгенти, П. Кикодзе, Ш. Дудучава, В. Луарсамидзе, Р. Каладзе, В. Бахтадзе и др.), в которых заметна попытка с позиции социалистической эстетики подойти к оценке и анализу литературных группировок, художественных явлений.

В первые годы установления Советской власти в Грузии определенную роль в развитии грузинской советской эстетической мысли сыграли газеты «День поэзии» (1922—1924), «Иверия» (1923), журналы «Искусство» (1921), «Журнал Галактиона Табидзе» (1922—1923), «Знамя искусства» (1924), «Искусство» (1925 — 1926), «Художественно-литературный альманах грузинских писателей» (1925 — 1926), «Эпоха» (1925) и другие. Но решающая роль в этом деле по праву принадлежит журналу «Мнатоби», первый номер которого вышел в феврале 1924 года. Трудно переоценить положительное влияние этого журнала в деле перевооружения писателей старшего поколения и консолидации литературных сил. Одной из первых статей в грузинской советской печати по вопросам эстетической теории следует считать «Эстетический идеал в искусстве» Ш. Дудучава, опубликованной в № 3 за 1924 год журнала «Мнатоби».

Важное место в грузинской советской эстетической мысли занимает

статья М. Гогиберидзе «Органотропизм», опубликованная в журнале «Мнатоби» (№ 8 — 9 за 1925 год) и содержащая критический анализ книги К. Капанели «Основы социальной эстетики» (1925). Грузинский эстетик К. Капанели издал ряд книг по теории литературы, искусству и философии. Среди них — «Страдание и творчество» (1917), «Дух и идея. Философия, эстетика, критика» (1923), «Основы социальной эстетики, органотропизм» (1925), «Грузинский дух в эстетических образах» (1926), «Социальный генезис грузинской литературы» (1928), «Проблемы речи и литературы» (1938) и другие. В свое время труды К. Капанели, его так называемую теорию органотропизма критика оценила положительно (журнал «Иллиони», № 4, 1923 г., газета «Трибуна» от 31 августа 1923 г., журнал «Кавказиони», № 3 — 4, 1924 г., газета «Коммунисти» от 23 августа 1925 г. и т. д.), К. Капанели считался незабываемым авторитетом в области философии и эстетики.

Грузинская советская литературоведческая и эстетическая критика (М. Гогиберидзе, С. Хундадзе, Г. Джибладзе, А. Чавлеишвили, Г. Кикнадзе и др.) доказала, что так называемая теория органотропизма по существу смыкается с философией эмпириокритицизма, с антропогеографической школой в социологии и культурно-исторической — в этнографии, что эстетика органотропизма — эклектическая мешанина субъективизма и релятивизма.

Консолидации сил грузинских советских литераторов во многом способствовали первый (февраль, 1926) и второй (март, 1928) съезды писателей Грузии.

Передовая часть грузинских писателей, верная традициям реалистического искусства, с помощью партии правильно поняла новую историческую обстановку и тесно связала свое творчество с борьбой советского народа за развитие экономики и культуры. Стали ощутимы смелые шаги литературной критики и литературоведения, грузинской советской эстетической мысли.

Второй съезд грузинских литераторов осуществил мероприятия по изме-

нению организационной структуры Союза писателей, образовав всегрузинскую федерацию советских писателей, в которую вошли членами-учредителями представители существующих пяти литературных группировок. Несмотря на это, федерация грузинских советских писателей имела серьезные недостатки.

В марте 1927 года возникло еще одно объединение грузинских писателей, — «Арифони», литературно-художественную платформу которого справедливо осудил второй съезд писателей Грузии. Теория группы «Арифони» представляла собой запоздалый отголосок сменовеховщины, возникшей на грузинской почве.

Важным событием в развитии грузинской эстетической мысли следует считать появление труда Ш. Нуцубидзе «Теория искусства. Основы монистической эстетики». Эта книга вышла в 1929 году, когда в вопросах эстетики было много неразберихи и путаницы, довольно широкое распространение имели идеалистические эстетические теории; поэтому ее издание представляется значительным явлением как с теоретической, так и с практической точки зрения. «Теория искусства» полностью основывается на результатах алетологического реализма. В своем раннем философском труде «Основы алетологии» (1922) автор пытается признать философию наукой наук, ввести в обиход алетологию вместо гносеологии и теории познания.

Хотя при рассмотрении проблемы прекрасного в природе и в особенности в общественной жизни Ш. Нуцубидзе и упоминает социальную среду, социального человека, противоречия социальных слоев, рассуждения его носят все же абстрактный, отвлеченный характер, и в результате невозможно определить суть прекрасного в общественной жизни. По ходу мыслей автора искусство превращается в некое внеклассовое, вневременное, внеобщественное явление.

В работе Ш. Нуцубидзе, безусловно, имеется рациональный элемент, некоторые вопросы (поэтика, эстетические категории и элементы и т. д.) рассмотрены в ней оригинально; но, пытаясь применить метод материалистической диалектики, автор книги рассматривает эстетическую теорию в полном отрыве от практики искусства. Главную ошибку Ш. Нуцубидзе следует усматривать в стремлении соединить алетологию с диалектикой. В свое время недостатки этой книги в основном правильно были отмечены критиком Г. Натрошвили (журнал «Пролетарули мцрлоба», № 8, 1931 г.).

В конце 20-х годов в Советской Грузии заметно усилилось стремление дея-

телей литературы и искусства к объединению, ощущением стал отказ от замкнутых группировок. Более тесными становятся творческие контакты литературно-художественных организаций союзных республик, республик Закавказья. Однако, борясь за создание пролетарской литературы, выступая против так называемых воронщины, переверзщины и лифронтовцев, напостовцев и налитпостовцев (т. е. рапповцев), сами допускали серьезные ошибки, недооценивая творчество «попутчиков», приравнивая их к буржуазным писателям, пытаясь голым администрированием подменить руководство литературой и так далее. Влияние напостовцев в Грузии прежде всего отразилось на «пролемафовцах». Проводниками линии грузинских напостовцев являлись критики Б. Буачидзе, В. Луарсамидзе, П. Кикодзе, Д. Рондели, А. Сулава и другие, допустившие в своих выступлениях в печати ряд серьезных ошибок. Главным органом грузинской напостовской критики был журнал «Пролетарули мцрлоба» («Пролетарская литература»), издававшийся в 1927—1932 гг.

Ассоциация пролетарских писателей Грузии в 20-х — 30-х годах представляла филиал РАИШа и наподобие авербаховцев искажала политику партии в области литературы. Грузинские рапповцы с особым ожесточением нападали на представителей старшего поколения, нигилистически относились к оценке классического наследия.

Пользуясь «левыми» фразами, потворством некоторых руководящих работников, грузинские напостовцы проявляли нетерпимость к оценкам творчества классиков со стороны других критиков, если она не соответствовала их надуманной «схеме». Они тотчас же разражались каскадом громких слов и прикрепили этим критикам соответствующие ярлыки. Это было комчанством чистой воды, против чего так резко выступил в свое время ЦК нашей партии.

Не случайно на втором съезде писателей Грузии и после него неоднократно раздавался голоса передовых литераторов о том, что журналы и газеты нередко незаслуженно и грубо оханвают писателей и литературоведов, а это вредит дальнейшему развитию литературы и эстетической мысли.

Сложившаяся обстановка настоятельно требовала непосредственного вмешательства ЦК нашей партии в деятельность литературно-художественных организаций. В результате было принято постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций», имевшее программное значение для советской художественной культуры и эстетической мысли.

27 июня 1932 года состоялся чрезвычайный съезд писателей Грузии, который целиком и полностью одобрил постановление ЦК партии от 23 апреля и отметил, что недостатки, характеризующие деятельность РАППа, всецело проявились и в работе ассоциации грузинских пролетарских писателей.

Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», Первый Всесоюзный съезд писателей (август 1934 года) сыграли большую роль в дальнейшей консолидации сил художественной интеллигенции, в развитии литературы и искусства, эстетической теории.

Если сравнить произведения грузинских писателей и художников, созданные к 10-летию (1927) и к 20-летию (1937) Октябрьской социалистической революции, то мы обнаружим серьезные сдвиги как в разработке тем, так и в области совершенствования формы художественных произведений.

Литературно-художественная критика и эстетическая теория в то время значительно отставали от современности, от требований литературы и искусства. Это было вызвано тем, что советская литература и искусство находилась в процессе исканий, их творческий метод только определился и пока они не вполне созрели. Кроме того, значительная часть критиков не была свободна от влияния рапповского вульгаризма и вульгарного социологизма.

Литературная «деятельность» вульгарных социологов в начале 30-х годов нанесла серьезный ущерб развитию грузинской советской эстетики, искусствоведению и литературоведению.

Оценка грузинскими вульгарными социологами творчества И. Чавчавадзе и шестидесятников — «тергдалеулеби» — аналогична оценке творчества великого русского писателя Л. Толстого, данной В. Фриче в сборнике «Л. Н. Толстой» (1929).

Неправильная, ошибочная оценка творчества писателей-классиков вульгарными социологами вызвала справедливое недоволение широких кругов передовой советской интеллигенции. Учитывая это положение, наша партия, ее Центральный Комитет подготавливали почву для развернутого наступления против вульгаризаторов марксизма.

В то же время были развенчаны вульгаризаторские взгляды некоторых грузинских эстетиков, что в свою очередь способствовало дальнейшему развитию эстетической мысли. В периодической печати появляются статьи, анализирующие отдельные проблемы марксистско-ленинской эстетики.

Проблема прекрасного всегда была и поныне остается предметом больших и серьезных споров в литературе, искусстве, эстетике. Из грузинских совет-

ских эстетиков проблемы прекрасного в природе и искусстве впервые коснулся профессор Ш. Нудубидзе.

Важный вклад в развитие грузинской советской эстетической теории внес Г. Джибладзе своей книгой «Проблема прекрасного в природе и искусстве» (1940); автор ее показал, что прекрасное является объективной реальностью, субъективны лишь наши представления о нем; как в природе, так и в искусстве прекрасное конкретно. Прекрасное абсолютно в своей релятивности и релятивно в своей абсолютности.

Г. Джибладзе подробно анализирует эстетику Н. Чернышевского и совершенно справедливо указывает, что диссертация великого русского революционно-демократа имела огромное революционизирующее значение для литературы и искусства России XIX века. Книга Г. Джибладзе в свое время была неверно оценена грузинской советской периодической печатью, так как ее автор, следуя эстетике Н. Г. Чернышевского, действительность поставил выше искусства. Из анализа этой книги явствует, что, ставя прекрасное в природе «выше» прекрасного в искусстве, автор хотел, во-первых, сохранить пафос эстетического трактата «саратовского семинарища», а во-вторых, еще раз показать, что природа, жизнь — источник, мать искусства и с этой точки зрения она (природа, жизнь) превосходит искусство. Таким образом, Г. Джибладзе не признает роли искусства, ставя его ниже природы действительности, а признает вторичность искусства, первичность природы. Вполне понятно, что автор должен был конкретнее и отчетливее показать одностронность, ограниченность некоторых положений эстетического трактата Н. Чернышевского. Проблема прекрасного в природе и искусстве, вопросы методологии эстетики до последнего времени были объектом острых дискуссий. Разглазольствование о том, что «выше» и что «ниже», сводится к противопоставлению природы искусству. Такие примеры имели место и в грузинской советской периодической печати.

В постановлениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946—1948 гг., а также в выступлениях партийной печати наряду с успехами советской культуры отмечались серьезные недостатки в развитии литературы и искусства. В этих документах дальнейшее последовательное развитие получили ленинские принципы народности и партийности советской литературы и искусства, были разоблачены безыдейность, объективизм, космополитизм и другие проявления буржуазной идеологии. Эти документы, а также организованная по инициативе ЦК нашей партии философская дискуссия (июнь 1947 г.) имели важ-

ное значение для дальнейшего развития эстетической теории.

В области изучения эстетической теории дела обстояли далеко неблагоприятно. Богатейшее наследие классиков марксизма-ленинизма использовалось слабо. Изучению эстетики не уделялось должного внимания; не было не только учебников, но и учебных программ по этой дисциплине.

Слабая разработка вопросов эстетики как науки являлась одной из причин отставания литературоведения и искусствоведения, а это, в свою очередь, создавало почву для широкого распространения вульгарно-социологических, идеалистических, формалистических извращений. Решающее же значение для изучения марксистско-ленинской эстетики имели развитие и расцвет литературы и искусства социалистического реализма, утверждение его творческого метода.

Советские литературоведы и искусствоведы, сделав нужные выводы из итогов философской дискуссии, активно взялись за разработку вопросов эстетической теории. Появился ряд печатных трудов, монографий грузинских советских эстетиков.

Развитию грузинской советской эстетической мысли способствовала художественная критика—эта «движущаяся эстетика», призванная помогать росту литературы и искусства, ее тесной связи с жизнью, с современностью. Для этого критика должна заглядывать вперед, ясно представлять тенденции развития литературы и искусства. Вполне понятно, что эта задача сложная, требующая от наших критиков большой эрудиции, глубоких знаний; несмотря на это, она вполне выполнима. Именно в это время в нашей печати прозвучали не лишние основания голоса, что литературно-художественная критика отстает от требований жизни, мало помогает нашим литераторам, деятелям искусства.

В период подготовки ко Второму Всесоюзному съезду писателей в советской печати развернулась дискуссия по насущным вопросам литературы и искусства. Инициативу в этом вопросе проявила и редакция молодежной газеты «Ахалгазда комунисти», опубликовавшая в ходе дискуссии (декабрь 1954 г. — февраль 1955 г.) на тему «Почему отстает литературная критика?» статьи многих авторов. Эта довольно шумевшая дискуссия вызвала отклик не только в республиканской периодической печати; ее коснулись также центральные журналы и газеты. Объективная оценка дискуссии дана в журнале «Коммунист» (орган ЦК КПСС) в № 12 за 1955 г.

На Втором Всесоюзном съезде советских писателей справедливо говорилось о серьезном отставании литературной

критики и литературоведения, эстетической мысли и теории.

О слабой разработке вопросов эстетической теории свидетельствовали, хотя бы тот факт, что некоторые исследователи ставили под сомнение надстроечный характер искусства и причисляли его к явлениям, подобным языку. Давали о себе знать талмудизм, догматизм, начетничество и абстрактность в вопросах эстетической теории. Одной из причин этого следует считать и то обстоятельство, что по проблемам марксистско-ленинской эстетики не проводились творческие дискуссии, коллективные обсуждения сложных, неразработанных вопросов, в которых принимали бы участие искусствоведы, литературоведы, философы, психологи, физиологи, деятели литературы и искусства.

На Втором Всесоюзном съезде советских писателей впервые обсуждался вопрос критики и литературоведения.

Это свидетельствовало о том, какое большое значение придают наша партия, народ, литераторы развитию эстетической мысли, преодолению отставания эстетической теории, литературной критики и литературоведения, дальнейшему повышению их роли в идейно-художественном росте литературы и искусства, в воспитании и развитии эстетического вкуса народа.

Постепенно, преодолевая трудности в разработке эстетической теории, наши исследователи проявляли все большую научную смелость и самостоятельность. Это обстоятельство нашло свое выражение в издании отдельных книг и брошюр по тем или иным проблемам марксистско-ленинской эстетики. Появился целый ряд статей в периодической печати, а также отдельные печатные труды, рассматривающие актуальные проблемы литературоведения, искусствоведения, эстетики. В их числе назовем книги Б. Жгенти «Современная грузинская литература» (1949), Г. Ломидзе «За социалистический реализм в литературе» (1952), С. Чилая «Пути развития грузинской советской литературы» (1954), Г. Мерквилладе «О социалистическом реализме» (1954), Г. Джибладе «Искусство и действительность» (второе издание, 1955). Н. Чавчавадзе «О некоторых особенностях художественного отражения действительности» (1955).

Оценка этих работ дана на страницах советской периодической печати; и хотя они не лишены отдельных незначительных или даже существенных недостатков, в них налицо смелая постановка и оригинальное решение сложных вопросов, а это, в свою очередь, свидетельствовало о преодолении существовавшей в течение длительного времени неоправданной пассивности в области эстетики. Наряду с книгами и

брошюрами стали издаваться целые монографии, специалисты смежных отраслей знаний совместно обсуждали сложные проблемы эстетической теории.

Не поняв сущности партийной критики культа личности на XX съезде КПСС, некоторые деятели советской литературы и искусства, поддавшись влиянию буржуазных пропагандистов, стали сдавать принципиальные позиции; пытаясь ревизовать основополагающие принципы искусства социалистического реализма.

Грузинские советские писатели, искусствоведы и литературоведы стали уделять серьезное внимание коллективному обсуждению актуальных проблем эстетической теории. В грузинской советской периодической печати было опубликовано немало статей по вопросам искусства, в частности, таких авторов, как М. Дудучава, О. Джинория, К. Анбардия, Г. Бандзеладзе и другие, ставившие своей целью вынудить в суть актуальных проблем эстетики, специфики искусства и литературы. По отдельным проблемам литературоведения, искусствоведения и эстетики появилось немало интересных, содержательных книг. Среди них следует отметить «Вопросы эстетики» Н. Чавчавадзе (1958), «Проблемы искусства» М. Дудучава (1959), «Вопросы эстетической теории» Г. Джигладзе (1961), «Грузинская литература XX века» С. Чилая (ч. II, 1959, ч. III, 1962), «Современная грузинская литература» Ш. Радиани (1961), «Проблема прекрасного в истории домарксистской эстетики» И. Тавадзе (1962), сборники «Вопросы теории литературы и эстетики» (1963, 1965), «Теоретические проблемы развития советской литературы» Г. Ломидзе (1964), «О природе эстетического предмета» Н. Чавчавадзе (1965) и т. д.

Некоторые исследователи стремились во что бы то ни стало найти специфическое содержание и форму искусства, противопоставить друг другу его эмоциональную и познавательную стороны, игнорировать в эстетике гносеологический момент, познавательную роль искусства, превратить эстетическое наслаждение в абсолют, объявив его чуть ли не специфической отличительной чертой искусства.

Деятели советской литературы и искусства — верные помощники партии в осуществлении грандиозных задач строительства коммунистического общества, в воспитании трудящихся в коммунистическом духе. Все лучшее и значительное в нашей литературе и искусстве создано теми талантливыми мастерами и деятелями, которые навсегда связали свою жизнь с судьбой народа, с делом партии.

Советская литература и искусство развиваются в тесной связи с жизнью;

они оплодотворены высокими, благородными идеями социализма и коммунизма, идеями новой программы партии. Народ, партия и правительство высоко оценили успехи деятелей советской литературы и искусства. Самые лучшие произведения по праву отмечены Ленинскими и Государственными премиями. В ряды мастеров советского искусства и литературы изо дня в день вливаются молодые талантливые силы, вместе с представителями старшего поколения создающие правдивую и волнующую художественную летопись нашей героической эпохи. Все это вызывает законную гордость народа.

На фоне общих успехов нашей литературы и искусства беспомощно и смехотворно выглядели так называемые абстракционистские произведения, явившиеся следствием слепого подражания буржуазному формалистическому искусству Запада.

В 1962 году в Тбилиси была организована выставка работ художников республики. Большинство представленных на ней полотен, скульптур, графических работ правдиво и высокохудожественно отражали нашу современность. Однако на выставке демонстрировались и такие произведения, которые не вызывали благородных мыслей и чувств. На них сказалось увлечение модернизмом, псевдоноваторством, манеризмом. Некоторые грузинские художники, сами того не сознавая, увлеклись мимолетной «модой», временно, но все же подпали под влияние формализма.

Рецидивы формализма в советском искусстве не обошлись без теоретических «основ». В целом ряде журналов и газет были опубликованы статьи отдельных искусствоведов и критиков, проповедующих «единый современный художественный стиль». Идя на поводу некоей «моды», эти теоретики под видом многообразия искусства стремились внедрить формалистическое однообразие. Такие взгляды высказывали в своих печатных выступлениях и некоторые грузинские советские специалисты искусства и эстетики.

Партия, народ, советская общественность сурово, но справедливо осудили рецидивы формализма в советском искусстве. В защите марксистско-ленинской эстетики, в борьбе против формализма и его крайнего крыла — абстракционизма важную роль сыграли печатные выступления и грузинских советских эстетиков.

Как известно, в начале XX столетия, когда буржуазная культура и, в частности, изобразительное искусство переживали глубокий кризис, творчество Эль Греко для некоторых «теоретиков» явилось своеобразным открытием, сенсацией. Теоретики модернистской эстетики увидели в нем предшественника экспрес-

сионизма и других формалистических течений. Такой подход к творчеству великого испанского живописца искаженно представлял то, что составляло захватывающую силу его художественных образов, — огромный накал трагических чувств. Некоторые молодые грузинские художники и искусствоведы в оценке творчества Эль Греко (Доменико Теотокопуло) по существу не ушли далеко от взглядов адептов модернистского искусства и эстетики.

Деятели грузинского изобразительного искусства сделали должные выводы из критики и создали высокохудожественные, высокоидейные произведения. Об этом свидетельствовали республиканская художественная выставка 1965 года «На страже мира», посвященная двадцатилетию победоносного окончания Великой Отечественной войны Советского Союза, выставки, организованные в честь 50-летия Октября (1967), 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (1970), 50-летия Советской Грузии (1971).

Проблема прекрасного в природе и общественной жизни в последнее время не раз была объектом больших дискуссий советских эстетиков, проведенных, в частности, в журналах «Вопросы философии» и «Вопросы литературы»; дискуссия о природе, сущности эстетического еще раз показала, что для всестороннего решения этой проблемы сделаны, правда, убедительные и смелые, но пока лишь первые шаги, ибо в природе эстетического многого еще нужно уточнить и согласовать коллективным усилием исследователей смежных дисциплин.

В грузинской советской эстетической мысли за последние годы значительно возрос интерес к определению природы эстетического. Плодотворную работу в этом направлении ведут профессоры М. Дудучава, Н. Чавчавадзе и другие.

Журнал «Вопросы философии» (№ 2 и № 3 за 1971 год) в редакционной статье «Советская философская наука перед XXIV съездом КПСС» отмечал наметившийся сдвиг в развитии эстетики, в том числе грузинской советской эстетической мысли.

После XXIV съезда КПСС в республике немало было сделано для развития грузинской советской эстетической мысли. Появилось много статей в периодической печати, ряд капитальных исследований по отдельным проблемам эстетики. Среди них следует отметить книги Г. Джигладзе «Эстетический мир Руставели» (1966), А. Бочоришвили «Эстетика Канта» (Изложение. Интерпретация. Критика, 1967), Г. Джигладзе «Принципы эстетического воспитания» (ч. I, 1968), сборник «Вопросы эстетики» (1968), Б. Поцонава «Вопросы марксистской эстетики» (1968), Г.

Ломидзе «Проблемы жанрового своеобразия комедии» (1969) и другие.

Ныне значительно возросла роль советского литературоведения, искусствоведения, эстетической мысли в глубокой научной разработке проблем марксистской эстетики.

Эстетика как наука призвана способствовать осуществлению тезиса программы партии, согласно которому при коммунизме «художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и обогатит человека». Это положение непосредственно связано с проблемой эстетического идеала нового человека, строителя коммунистического общества, с тем, как должны быть воплощены в литературе и искусстве нравственные принципы коммунизма.

Советский народ, ставя своей целью построение коммунизма, самоотверженно борется за его претворение в жизнь. В. И. Ленин указывал, что партии надо шире и смелее ставить свои задачи, чтобы ее лозунги служили маяком для масс, «показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал». Грузинская эстетическая наука за последние годы немало сделала для дальнейшей разработки основополагающих принципов советского искусства, обогатилась трудами, глубже и всесторонне освещающими неоценимый вклад В. И. Ленина в материалистическую эстетику. В этом отношении заслуживают внимания книги М. Дудучава «В. И. Ленин и вопросы эстетики» (1970), Д. Стурца «За грузинскую социалистическую культуру» (1970), сборник «Ленин и вопросы литературы» (1970) и другие.

В Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС положительно оценивались достижения нашей литературы, театра, кино, телевидения, изобразительного искусства, музыки; но было отмечено, и то, что у нас в области художественного творчества не все обстоит благополучно, особенно в смысле качества создаваемых произведений.

«Несомненно, — говорил тов. Л. И. Брежнев, — успехи советской литературы и искусства были бы еще значительнее, а недостатки изживались бы быстрее, если бы наша литературно-художественная критика более активно проводила линию партии, выступала с большей принципиальностью, соединяя выискательность с тактом, с бережным отношением к творцам художественных ценностей».

Это замечание целиком и полностью относится и к эстетике.

За последнее время у нас не раз говорилось об отставании литературно-художественной критики, о ее пассивности, примиренческо-либеральном отношении к идейно-художественным изъ-

янам отдельных произведений. На этом особо заострено внимание в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». Было бы несправедливо перечеркнуть все, что сделано грузинской советской критикой за прошедшее время. Однако в развитии критики и эстетики в последние годы были и неправильные идеологические наслоения, недостатки и ошибки. Прежде всего это выразилось в забвении принципа классового, партийного подхода при оценке отдельных произведений, в отсутствии четкого, единого идейно-эстетического критерия; преимущество отдавалось только эстетической стороне вопроса — художественности, форме, изобразительным средствам и так далее. Из виду ушлись идейные, классовые позиции, ясность мысли художника.

В ходе общего подъема грузинской советской литературы и искусства подчас создавались и такие произведения, которые ничего путного не давали читателю, зрителю, слушателю, не волновали его. Возросший интеллект и эстетические вкусы нашего современника не терпят преднамеренного затуманивания художественных образов, нарочито запутанных, явно надуманных сюжетных переплетений, что в последнее время порой наблюдалось в творчестве некоторых молодых художников и литераторов.

В ослаблении литературно-художественной критики и эстетики также следует искать причину появления отдельных произведений, в которых были выражены узко личные взгляды, субъективные переживания, процветали сентиментальность, нытье, замыкание в собственную скорлупу, в «башню из слоеной кости».

XXIV съезд КПСС призвал деятелей советской литературы и искусства с предельной ясностью отдать себе отчет в том, какое огромное место они занимают в той борьбе идей, в той классовой битве, которая ведется сейчас на нашей планете. В этих условиях особое значение приобретает умение беречь и развивать таланты, благоприятствовать подлинному новаторству, вести беспощадную борьбу с конъюнктурщиной и ремесленничеством, со всем, что мешает росту и совершенствованию истинного дарования. И задача литературно-

художественной критики, этой «движущейся эстетики», исключительно велика.

На современном этапе социалистического строительства важнейшей задачей в области общественных наук следует считать разработку насущных проблем марксистско-ленинской эстетики в их непосредственной связи с практикой; плодотворное же решение этой задачи ныне возможно лишь при совместной, согласованной работе литературоведов, искусствоведов, философов, психологов, физиологов, представителей других смежных отраслей науки.

Полное и всестороннее освещение пути развития грузинской эстетической мысли — дело сложное. Он был весьма сложен, противоречив. Но, несмотря на большие противоречия, препятствия, вызванные первоначальной острой идеологической борьбой в стране, столкновением исключаящих друг друга идеологий, а затем слабостью, незрелостью литературы и искусства, их несоответствием требованиям новой жизни, влиянием буржуазных идей, трудностями роста, грузинская советская эстетическая мысль из года в год прокладывала правильные тропы и, становясь ровней с советской литературой и искусством, постепенно выходила на широкую научную дорогу. На этом пути были серьезные ошибки и отступления, промахи и недостатки, интересные поиски и находки; но в целом основная линия была поступательной.

В этой связи нам представляется неоправданным и упрощенным показ борьбы против идеализма в грузинской советской эстетической теории и по существу игнорирование роли литературоведов и искусствоведов в ее развитии, проявившееся в книге «Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах». (Историко-философские очерки. Издательство «Наука», Москва, 1965, стр. 340).

Не ставя своей задачей решение всех выдвинутых и рассматриваемых в данной статье проблем и спорных вопросов, мы постарались хотя бы в общих чертах рассказать о том богатстве материала, который дает представление о развитии грузинской советской эстетической мысли.

Марк ЗЛАТКИН

„Когда книга сближает народы“

Художественные переводы — прозаические и поэтические — не есть нечто застывшее, раз и навсегда сложившееся. Зачастую переводчик возвращается к переведенному им произведению, пересматривает его стилистику, ритмику, вновь и вновь сличает с оригиналом, но, конечно, не во имя буквализма.

Вспоминается, как однажды к нам в издательство пришел известный грузинский поэт, переводчик и исследователь литературы Константин Арчилович Чичинадзе. Застав меня у разложенных на письменном столе книг бессмертной поэмы великого Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводах Георгия Цагарели, Николая Заболоцкого, Пантелеймона Петренко, Константина Бальмонта и Шалвы Нуцубидзе, спросил:

— Чем вы занимаетесь?

— Некоторыми сравнениями и попыткой разобраться — чей лучше?

Константин Арчилович взял со стола книгу с переводами Пантелеймона Петренко и категорически заявил:

— Лучше этого перевода не было, нет и не будет!

Согласившись отчасти с заключением и выводами Константина Арчиловича по поводу первых двух положений, я ответил:

— Если принять за абсолютную истину ваше последнее заключение, то нам нужно сегодня же оставить всю нашу работу, запереть на ключ издательство и сдать его на вечное хранение в музей, ибо все сомнения и искания исчерпаны.

Жизнь продиктовала свои требования. В преддубильные месяцы празднования 800-летия со дня рождения Руставели наше издательство выпустило вновь тщательно отредактированный квалифицированной комиссией подстрочный перевод бессмертной поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Этот «подстрочник» был воспринят широкой писательской общественностью как новый «заряд», вдохновляющий на новые искания и попытки перевести заново это гениальное творение.

Б. И. Корнеев, много поработавший над переводом целого ряда произведений грузинской художественной прозы, писал мне однажды: «Поскольку состояние моего здоровья улучшилось, я взялся в первую очередь за необходимую правку (редакционную и стилистическую) переведенного мною еще в 1935 году романа М. Джавахишвили «Арсен из Марабды». Из двух его изданий, вышедших сначала в Закгизе, а затем в серии исторических романов издательства «Огонек» в 1936 году, я взял в основу последнее, как авторизованное». Переводчик работал над совершенствованием этого своего перевода, даже будучи прикованным к постели, до последних дней жизни.

Издательство всегда поощряло и одобряло, если переводчик, в особенности не имеющий большого опыта, обращался за консультацией к переводчикам, уже снискавшим себе славу своим мастерством. Так, например, Эдуард Гольдернесс, посылая свои переводы издательству, писал: «Перевод стихотворения «Призыв к миру» я показывал С. Я. Маршаку, и Самуил Яковлевич его одобрил, что меня, конечно, ободрило. Вообще же встреча с С. Я. Маршаком оставила незабываемое впечатление. Очень приятно, когда человек и его творчество производят единое впечатление...».

Продолжение. Начало в №№ 11, 12.

Но самым первым и незаменимым помощником для переводчика является, конечно, автор. Его мнение и суждение имеют в большинстве случаев решающее значение. И в этом отношении особенно показательно письмо, с которым Николай Заболоцкий обратился 2 августа 1936 года к Тициану Табидзе: «... Посылаю Вам два перевода: «В ущелье Арагвы» и «Рождение слова». Это — не окончательные тексты, тем более что некоторые строчки для меня до сих пор темноваты, и я слишком свободно перевел их. Вообще, как Вы видите, переводы довольно свободные. Я очень страшусь пунктуальной передачи смысла в том случае, если это звучит в русском стихе нарочито и неестественно. Я стремлюсь к тому, чтобы перевод звучал как оригинальное стихотворение. Это не значит, конечно, что я допускаю искажение смысла... В Ваших стихах пленяет меня удивительная близость душевного мира к миру природы. У Вас эти два мира сливаются в одно неразрывное целое — и это для нашего времени явление редчайшее. Среди современных русских поэтов природу любят и чувствуют лишь очень немногие... Такое гармоничное и естественное слияние душевного мира с природой, какое я вижу по Вашим стихам, я не встречал еще ни у кого. Оно, конечно, есть результат, о котором молодые поэты могут только мечтать. Я вас прошу, Тициан Иустинович, отметить в моих переводах все те места, которые требуют исправлений. Их есть несколько, и некоторые я уже знаю. В Тифлисе я постараюсь выправить переводы»¹.

Это обращение переводчика к автору показательно во многих отношениях. Оно, во-первых, раскрывает принципиальную позицию переводчика в переводческом искусстве, во-вторых, оно показывает отношение его к переводимому оригиналу, то есть восприятие его, в-третьих, оно признает за автором решающее слово оценки перевода.

Конечно, это редкий случай, когда переводчик посылает на обсуждение «не окончательные тексты». Как правило, и Заболоцкий и другие поэты доделывали все до конца, прежде чем показывать кому-либо свою работу.

Совершенно другой случай, когда автор консультирует переводчика в процессе его работы, что чаще встречается при переводе прозы.

Так, например, когда было принято решение о переводе на русский язык нового романа Элизбара Зедгинидзе, автор обратился в издательство с письмом, в котором сообщал: «Я решил поехать в Москву и поработать вместе с переводчиком». Конечно, такое решение было для автора нелегким — он использовал свой отпуск, ему понадобилась финансовая помощь со стороны издательства. Но все организационные вопросы и трудности обычно отступали перед главным вопросом об использовании всех средств для достижения высокого качества перевода.

Весьма важным для переводчика является фактор времени. Поэт, конечно, всегда остается прежде всего поэтом, а затем переводчиком, как бы он ни любил свое второе призвание.

В период создания цикла стихов «Когда разгуляется» (1956—1959) Борис Пастернак почти перестал переводить. Редактору (Г. В. Бебутову) своего сборника стихов о Грузии и переводов он писал, что «совершенно перестал заниматься переводами»². Это несколько не означало ослабления связей Б. Пастернака с поэтами-друзьями, стихи которых он переводил на протяжении многих лет. Поэтому он писал: «Именно друзья должны были бы препятствовать тому, чтобы я занимался переводами...»³.

Но в ряде случаев даже трудно разграничить во времени собственное творчество и переводческую работу поэта. Так, например, Александр Межиров писал мне в письме от 12 мая 1955 года: «Все время пишу стихи. Так и проходят дни». Вместе с тем он много времени уделял переводам и иногда искренне признавался в переутомленности. Так, он писал мне 9 декабря 1968 года: «...Переводы у меня пока не получаются. В октябре я двадцать дней работал только над ними, но, вероятно, усталость помешала — и результат получился неудовлетворительный. Вообще после «По следам Руставели» я всегда часто топчусь на месте, качество новых переводов кажется мне слабым по сравнению с той удачей... Я буду еще делать упорные попытки и обязательно добьюсь требуемого».

В другом письме, посланном позже, Межиров ссылается на пример своих предшественников — Тихонова и Антокольского, которые «никогда не занимались переводами беспрерывно».

И все же надо сказать, поэт преодолел и усталость и другие помехи и оправдал собственные надежды — «добился требуемого». Грузинская литература

¹ Тициан Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Тб., 1964, стр. 277.

² Г. Бебутов. «По страницам одной переписки». Журнал «Литературная Грузия», № 3, 1966, стр. 76.

³ Там же.

жая общественность высоко ценит трудовой подвиг талантливого русского поэта А. Межирова и неизменно выражает ему свою признательность за его истинно огромный труд на переводческом поприще. Следует признать, что до его отточенным и выверенным с высокой требовательностью к себе переводам, многие молодые поэты-переводчики учатся овладевать этим искусством.

Фактор свободного времени, с которого начат был выше разговор, не всегда зависит от субъективных причин. К примеру, вот что писал мне Николай Семенович Тихонов 22 июля 1960 года: «Прошлой осенью совсем уже было собрался поехать и время выбрал доброе — сентябрь. А потом вместо Грузии я оказался в Китае. Немалый конец — немалая поездка! Думаю, что все-таки доберусь и до проспекта Руставели, и до кахетинских деревень, и до снежных гор. Может быть, если повезет, даже в этом году. Очень сожалею, что не мог сразу Вам ответить — был в командировке, вне Москвы. Теперь же пишу Вам, благодарю Вас за память и заботу. Шлю лучшие приветы всем тбилиским друзьям!».

А кто не знает, что каждый приезд Николая Семеновича в Грузию всегда оставляет литературный, творческий след. Ну как не написать новое стихотворение о Грузии, как не обрадовать своих друзей-поэтов переводами их новых стихов!

Успех переводческой работы зависит от целого ряда обстоятельств. Как важен выбор подходящего времени, так не менее важен выбор места, где можно уединиться на время работы. Этот немаловажный вопрос издательство всегда рассматривает в интересах переводчика.

Опытный переводчик Элизбар Ананишвили взялся за решение сложной задачи — перевести прозу Георгия Леонидзе «В тени родных деревьев». И вот что писал он мне: «Все время после отъезда из Тбилиси сижу в Ялте и, не поднимая головы, работаю над переводом новелл Леонидзе. Очень трудный перевод. По существу, это стихотворная работа, а не прозаическая. Каждый абзац — новая головоломка для передачи на другом языке: редкостные слова и обороты, образы и ритм — все крайне оригинально и требует такой же выдумки, не терпит банальной передачи. Как мне удастся, увидите, когда прочтете. Надеюсь, удастся, но напряжение большое».

Перевод действительно удался, и на него затрачены большие творческие усилия. Приведу для примера начало его первой главы:

«В этой небольшой книге — воспоминания давних лет, виденное и пережитое мною в грузинской деревне времен моего детства.

Я протягиваю читателю эти страницы, как гору фруктов на узорном деревянном блюде, чтобы поделиться с ним золотистыми плодами моих детских воспоминаний.

Не пером исписать, а проплести фиалками и лилиями, разукрасить цветами моих родных полей и лесов хотел бы я листы этой книги. В ней — отблеск улыбки моего неба и моей земли, свежее дыхание моего детства!

Как щедры, как ласковы были сверкающие утра в Патардзеули! Как золотисто-звонки весенние дни, когда мы сами раскрывались как вешний миндальный цвет и земля пела у нас под ногами, а сердце прыгало в груди золотым мячом и с неба низвергались нам на голову золотые дожди...

Исток моей песни, моего слова — в тех весенних утрах; струя ее бьет из прозрачных ключей, над которыми в густой нависшей ореховой листве возилась, трепыхалась иволга-желтогрудка, окликающая меня: «Бичо — Гогия!», как тезку и товарища».

И совершенно очевидно, что при такой напряженной творческой работе переводчика должны обеспечиваться все внешние условия.

Поэтессы Елена Николаевская и Ирина Снегова в период подготовки к проведению в Москве Декады грузинского искусства и литературы решили приехать в Тбилиси и обратиться за советом в издательство: «Удобнее всего нам было бы приехать в начале сентября, примерно на месяц. Как вы смотрите на это?»

В такой постановке вопроса не было ничего удивительного, ибо работать над переводами полезнее всего в общении с авторами оригинала. Так, например, Евгений Евтушенко писал нам: «...Нормально я смогу работать лишь в Тбилиси при непосредственном общении с авторами. Кроме того, моего пребывания в Грузии требует и работа над моими собственными стихами о Грузии».

Но бывают периоды в работе, когда подстрочный материал выверен, встречи и беседы с авторами состоялись и требуется строгое уединение — надо отгородиться от личных дел и забот, уйти от породского шума и суеты.

«Приезжать в город пока не буду, — писал из Боржоми-Ликани А. Межиров, — чтобы не нарушать ритм работы». В другом случае он же сообщал из Москвы: «Собираюсь в самое ближайшее время приехать в Тбилиси, а там уединение и время должны мне помочь».

Уединение и время всегда оказывают благотворное влияние на работу переводчика, и часто эта работа по своей продуктивности превращается для него в своего рода «болдинскую осень».

Переводчица Вера Киреева в письме от 31 мая 1961 года ставила в известность издательство: «Сейчас я нахожусь под Москвой, в санатории, где имеются все условия для работы (отдельная комната, тишина, здоровый режим и т. п.). Я тружусь изо дня в день, выполняя определенную норму, и думаю, что книга получится недурная».

Все эти вопросы — о времени и месте работы, об отборе произведений для перевода, о подготовке консультационных материалов для переводчика — и многие другие, вплоть до вопроса о материальном обеспечении переводчика, неизменно находятся в поле зрения издательства, и решение их определяет стиль его повседневной работы. И когда Николай Заболоцкий подарил мне поэму Шота Руставели, изданную в его переводе, с надписью: «На добрую память о нашей совместной, многолетней и, надеюсь, небесполезной работе», я стал припоминать множество наших встреч, деловых бесед, порой и споров, совместных решений, без которых немислима работа такого сложного организма, как издательство.

Порой воспоминания об этой работе настраивают и на шутиливую волну. Имея в виду рентабельность наших изданий, критик и переводчик Георгий Маргвелашвили в надписи на своей книге посвятил мне и такое четверостишие, в котором помянул по-хозяйски расчетливых и деловитых издателей старого времени:

А главное, что, нас насытив,
И фирма не несет урон.
Благослови вас Маркс и Сытин,
Гранат, Брокгауз и Ефрон.

Выполнив в срок договорные обязательства, Елена Николаевская и Ирина Снегова писали мне: «Просим обратить высочайшее внимание на незиданную в истории литературы точность в работе поэтов-переводчиков: рукоякоии прибывают как поезда, по расписанию и даже четче».

Итак, вернемся к предыдущим страницам. Когда я писал их, возникла мысль: а что если предложить каждому переводчику, накопившему большой опыт, имеющему широкое поле наблюдения в своей работе, рассказать о своих методах, приемах и устоявшихся принципах переводческого искусства, — какая получилась бы интересная и полезная для молодого поколения переводчиков книга. В ней нашли бы отражение как общие вопросы советской школы художественного перевода, так и все индивидуальное, что отличает почерк каждого переводчика.

Собственно говоря, у нас в Тбилиси сделаны в этом направлении первые шаги, учитывалось, как важно для искусства художественного перевода накопление опыта, его осмысление и теоретическое обоснование.

Так, в 1960 году на страницах журнала «Литературная Грузия» (орган Союза писателей Грузии, который в ту пору выпускался нашим издательством), была проведена полезная дискуссия о принципах переводческой работы, начавшаяся со статьи Лины Хихадзе «Переводчик или автор?». В статье приводился ряд примеров, когда перевод полностью или частично не совпадает с оригиналом. С ответом на статью выступил литературный критик (ныне редактор издательства) М. Заверин. Его статья озаглавлена: «Нет, в одной книге — и переводчик и автор». Не оприца правоту Л. Хихадзе в самой постановке вопроса, в попытке привлечь внимание читателей к тем или иным несоответствиям художественного перевода оригиналу, М. Заверин упрекает автора за отсутствие в статье попытки поставить на обсуждение важнейшую проблему о границах творческой свободы переводчика, о точности подлинной, художественной и мнимой. Между тем, поэтический перевод отличает многообразие путей и художественных решений.

В дискуссию, путем которой издательство и редакция журнала «Литературная Грузия» хотели еще раз проверить свои методы работы, улучшить практику переводческого дела, включились Н. Тихонов, П. Антокольский, Б. Ахмадулина, Н. Чхеидзе, Л. Каландадзе, Г. Маргвелашвили, Г. Гачециладзе и др.

Отмечая, что перевод — область весьма специфическая, «поэт-переводчик», в отличие от просто поэта, связан исторической и национальной обусловленностью подлинника, не он связан также и собственной обусловленностью, своей эпохой, своим языком», Г. Маргвелашвили приходит к выводу, что «художественный перевод сам по себе также является одной из интереснейших и сложнейших форм поэтического творчества». А поскольку речь идет о творчестве, всяческие упрощения вопроса отменяются, и разговор переводится Георгием Маргвелашвили совершенно в иную плоскость, ибо поэзия способна на взаимность: «Она от-

вечает любовью на любовь, страстью на страсть, дружбой на дружбу. Так рождаются стихи, а не «просто переводы», так утверждаются «права», а не просто «правила», так свершается «воля», а не просто «вольничанье».

И поэтому, не вдаваясь сейчас во все полемические заострения этой дискуссии, не отрицая наличия отдельных расхождений в точках зрения, надо прежде всего отметить, что никто из участников не оправдывал в какой-либо степени отсечки в переводах, полного отхода от оригинала. И поэтому справедливы замечания Л. Г. Каландадзе о том, что борьба против некоторых случаев фальсификации в переводах не означает необходимости ремесленной точности. «В деле перевода художественных произведений, — пишет Л. Каландадзе, — необходимо бороться против всякого буквализма и ремесленной точности. Но это никак не исключает необходимости при анализе перевода и определении его качества сопоставить подлинник и перевод не только в целом, но и в частности». При этом автор этих строк не чужд настойчивого стремления глубже проникнуть в поэзию переводимого автора, он ясно представляет себе, где переводчик-творец достиг полной поэтической адекватности, где он отступил от буквы подлинника с тем, чтобы приблизиться к духу и сущности его.

Выступая с этих же позиций, Гиви Гачечиладзе, разрабатывающий теоретические вопросы художественного перевода, писал: «Мы согласны с защитой различных путей в творчестве перевода, но мы принципиально не согласны подмешивать оригинал новым, пусть и художественно совершенным, произведением. Оно не рождено художественной действительностью оригинала и поэтому не является переводом».

Остановлюсь также на выступлении Павла Григорьевича Антокольского, озаглавленном «Кто виноват?»

Нисколько не снимая вины с переводчиков за отход от оригиналов, но призывая оказывать помощь молодым переводчикам, П. Антокольский правильно ставит вопросы: «Где скрывался при этом редактор, в чью обязанность прежде всего входит тщательно сравнить перевод с оригиналом? Его обязанностью было также указать переводчику на его недопустимую вольность, а то и забракковать перевод!»

Где был автор? Разве входит в его намерения предстать перед русскими читателями в изменившемся до неузнаваемости виде?».

Издательство в ходе обсуждения вопроса еще раз убедились, что стимулируемое им содружество переводчика и автора в работе (о редакторе будет речь в следующей главе) служит залогом повышения всего уровня художественного перевода.

Тот факт, что вопросы переводческого искусства систематически ставятся на повестку дня, свидетельствует о большой их актуальности. Хотя считается, что советская теория художественного перевода в основном уже сложилась и отшлифовалась, тем не менее многие проблемы остаются еще окончательно не решенными. Это в особенности относится к вопросу о так называемых вольном и буквалистском переводах. В этом отношении нельзя пройти мимо состоявшейся в 1962 году в Тбилиси Закавказской региональной конференции на тему «Художественный перевод и современность».

Не задаваясь целью дать анализ различных точек зрения, высказанных на этой конференции, остановлюсь на отдельных выступлениях участников конференции, на мой взгляд, относящихся к вопросам, затронутым в данной главе.

Нельзя не согласиться с таким эрудированным переводчиком, как Иван Кашкин, который отметил, что в художественном переводе необходим не просто грамотный, но именно художественный перевод, не просто стилистическая, но стилиевая равноценность. И здесь нам надо признать, что в нашей практической работе нашим кадрам переводчиков не всегда удается достичь именно этих стилиевых вершин.

Правильно заметила Евгения Калашникова, что выбор слова — дело очень нелегкое и в прозе, и в поэзии. Нам не раз приходилось сталкиваться в работе с этим вопросом и убеждаться, как важно переводчику расширить свой словарный запас, быть на уровне современного литературного языка и в выборе слов точно учитывать принадлежность переводимого произведения к той или иной эпохе. С большим вниманием я слушал на конференции выступления Сергея Васильевича Шервинского, в лице которого видел и поэта и переводчика. Вот что он сказал: «...Я нередко слышал на наших совещаниях, да и на этом, требования, а иногда и пожелания, чтобы поэты или переводчики прозы заинтересовались каким-нибудь автором, какой-либо культурой, изучили их язык. Я не могу допустить такого дилетантства в отношении языковой проблемы. Не может человек в течение 2—3 лет освоить язык настолько, чтобы свободно владеть им. Конечно, было бы идеально, если бы переводчик в совершенстве владел обоими языками. Я допускаю, что некоторые молодые товарищи, которые кончают спе-

специальные учебные заведения лингвистического характера, могут в течение курса хорошо изучить язык; но сказать, что поэт, заинтересовавшись той или иной культурой, выучит язык — это лингвистическая наивность, говорить о которой мы здесь не должны. Совершенно другое — некоторое знакомство с языком. Если поэт пользуется так называемым подстрочником, письменным или устным, — все равно этот переводчик должен иметь представление о языке, то есть знать основы его строя, его характер, звучание, уметь ориентироваться».

Остановлюсь еще на выступлении нашей старшей переводчицы Елены Давидовны Гогоберидзе. Ее замечание, что «...взрослому человеку трудно так изучить язык, чтобы переводить с него или на него», совпадает с высказыванием С. В. Шервинского. Она также ставит вопрос о том, чтобы в литературных институтах молодежь обучали различным языкам народов СССР.

Выступивший на конференции Павел Григорьевич Антокольский согласился с теми, кто говорил, что любой перевод — это перевод поэтический. В этом выразилась та высокая требовательность, с которой всегда подходил Павел Антокольский — один из зачинателей советской переводческой школы — к своей работе: «...Поэзия, — говорил он, — в данном случае есть тот предел, до которого дорастает проза, когда она прекрасна». Нельзя не согласиться с этой афористической фразой и с той мыслью, что и к переводу прозы надо предъявлять, безусловно, те же высокие требования.

Подытоживая высказывания участников конференции, Виссарион Давидович Жгенти говорил: «...Мы благодарны Заболоцкому, Пастернаку, Державину и другим, которые, не зная грузинского языка, изучили культуру, поэзию и литературу нашего народа, полюбили ее и сделали возможным звучание нашей поэзии на всесоюзной и мировой арене.

Безусловно, мы будем воспитывать кадры молодых переводчиков, приложим все усилия, чтобы в специальных вузах молодежь овладевала языками народов СССР. Но разве можно рассчитывать на то, что именно в этих вузах рождаются настоящие талантливые поэты?».

Конечно, мы всячески приветствуем и поощряем изучение молодежью языков и в то же время широко раскрываем двери перед теми талантливыми поэтами и прозаиками, которые посвящают себя переводческой деятельности, глубоко проникаясь всеми элементами данной культуры и языка.

Мы много говорим о накопленном опыте, о работе старшего поколения переводчиков, но порой забываем, что и сами когда-то были молодыми, что нынешние мастера художественного перевода были молоды, когда только начинали свою работу. Поэтому надо признать, что еще очень мало оказывается помощи молодежи, которая делает первые шаги на этом поприще. В начале пути еще трудно сказать о каждом из них, об их будущей квалификации переводчиков, но во всяком случае не надо жалеть сил на то, чтобы терпеливо и настойчиво работать с ними. Молодые переводчики — люди различного уровня подготовки, разного характера. Одним приходится напоминать об их праве твердо отстаивать свои убеждения и вкусы, если они верны, другим, еще не создавшим заметных культурных ценностей, но уже самонадеянно отмахивающимся от каждого дельного совета, приходится приводить примеры скромности, отличавшие всех подлинных мастеров. Все это не страшно. Будут, конечно, и срывы, и споры, и столкновения мнений и вкусов, но во всех случаях возьмет верх наиболее верное, подлинно творческое отношение к переводу.

Продолжение следует

Антон ЛЕЖАВА

ГРУЗИНСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Сразу же после победы над Деникиным народы Северного Кавказа приступили к восстановлению Советской власти. Эту работу успешно проводил Северо-Кавказский ревком, созданный 31 марта 1920 года во Владикавказе. В его состав были избраны Серго Орджоникидзе (председатель), С. Киров и И. Полуян (заместители), Б. Мдивани, А. Стопани, Н. Нариманов и С. Габиев¹.

Для непосредственного руководства партийной работой в тот же день при Северо-Кавказском ревкоме было образовано бюро под председательством Смилги (член ЦК РКП(б)). Членами его были С. Киров и Б. Мдивани. Бюро это выполняло функции высшего партийного органа в Терской области, так как Кавказский Краевой Комитет, находившийся в то время на нелегальном положении в меньшевистской Грузии, не всегда мог оказать действенную помощь советским районам Северного Кавказа.

Для упрочения Советской власти в Терской области Северо-Кавказский ревком 8 апреля 1920 года создал Терский областной революционный комитет во главе с Б. Квирквелия. Его заместителями были назначены Т. Эльдарханов и С. Такоев. Полномочным членом ревкома являлся также военный комиссар Н. Гикало².

Терский областной ревком руководил работой ревкомов на местах, оказывая им большую помощь. Были созданы также Осетинский, Чеченский, Ингушский и Дагестанский ревкомы, которым надлежало вести борьбу с остатками контрреволюционных банд, решать хозяйственные и культурно-бытовые задачи. Наряду с партийными организациями ревкомы должны были подготовить и провести выборы в органы Советской власти. Для ее упрочения на Северном Кавказе и для проведения среди народов края особой, осторожной политики, в соответствии с постановлением IX съезда партии, Пленум ЦК РКП(б) принял 8 апреля 1920 года постановление о создании в лице Кавказского бюро ЦК РКП(б) полномочного представительства ЦК РКП(б) на Северном Кавказе³.

Кавказским бюро ЦК РКП(б) руководили С. Орджоникидзе и С. Киров; большую работу вели входившие в его состав А. Назаретян, М. Орахелашвили и другие выдающиеся деятели нашей партии⁴.

В течение 1920 года в составе Кавбюро ЦК РКП(б) работали Г. Белобородов, Ф. Махарадзе, Б. Мдивани, Н. Нариманов, И. Смилга, К. Стасова и другие⁵. Создание Кавбюро было новым этапом в строительстве партийных организаций Кавказа.

По заданию ЦК РКП(б) Кавбюро руководил всей партийной работой на Северном Кавказе (Терек, Дон, Кубань и Дагестан), восстановлением и упрочением

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане, 1917 — 1921 гг., Сборник документов и материалов, М., 1958, стр. 410.

² Партархив СО Обкома КПСС, г. Орджоникидзе, Ф. истории партии.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 30, л. 1.

⁴ П. Мосесов. В. И. Ленин об интернациональных традициях и боевом содружестве народов Кавказа. «Ученые записки», т. IX, Махачкала, 1961, стр. 38.

⁵ История КПСС, т. 3, ч. 2 (март 1918 — 1920 гг.), М., 1968, стр. 526 — 527. Что касается Кавказского Краевого Комитета РКП(б), он как региональный орган кавказских коммунистов продолжал свое существование параллельно с Кавбюро, прекратив свою деятельность только в мае 1920 г. По данному вопросу до последнего времени было распространено мнение, по которому Кавказский Краевой Комитет якобы прекратил свое существование 8 апреля 1920 г., будучи преобразован в Кавбюро ЦК РКП(б). Этот вопрос правильно освещен в докторской диссертации К. М. Иванидзе. См. К. М. Иванидзе. Образование и деятельность Кавказского Краевого Комитета РКП(б) (октябрь 1917 — май 1920 г.). Автореферат докторской диссертации, Тбилиси, 1971, стр. 67 — 70.

партийных организаций на местах, осуществлением первых социалистических преобразований. Кавбюро направляло и всю партийную работу в Закавказье. 3 августа 1920 года Пленум Кавбюро ЦК РКП(б) предоставил Армавирской тройке решать все вопросы, касающиеся Северного Кавказа и Дона, а Бакинской тройке — вопросы, относящиеся к Закавказью⁶.

Кавказское бюро сыграло большую роль в деле руководства партийными организациями на Северном Кавказе, упрочения Советской власти и проведения ленинской национальной политики.

Одной из важнейших задач Советской власти в этот период являлось восстановление разрушенного хозяйства в крае. «Опираясь на эту победу, мы всеми силами должны ее закрепить теперь уже на другом фронте, на фронте бескровном, на фронте войны против разрухи, к которой нас привела война, с помещиками, капиталистами, Колчаком и Деникиным», — писал В. И. Ленин⁷.

Коммунисты Терской области во главе с С. Орджоникидзе и С. Кировым развернули большую работу по восстановлению разрушенного хозяйства. В этом большая заслуга принадлежит Кавказской армии труда, созданной на базе VIII армии. Кавказскую армию труда в те годы, как известно, возглавил И. В. Косиор.

Для упрочения Советской власти на Северном Кавказе большое значение имело решение земельного вопроса. 19 апреля 1920 года была объявлена национализация земли. Ревкомы многое сделали для упрочения Советской власти и подготовки трудящихся для работы в Советах.

4 августа 1920 года состоялся областной съезд Советов народов Терка. Представители осетинского, кабардинского, балкарского, ингушского, чеченского и других народов вместе с посланцами трудового казачества Владикавказа и Грозного, подведя итоги работы, проделанной областным революционным комитетом, избрали исполком Терской области в составе 18 человек. Председателем облисполкома единогласно был избран В. Квирквелия, его заместителями Н. Гикало, В. Элердов⁸.

В начальный период восстановления разрушенного хозяйства и упрочения Советской власти на Северном Кавказе не дремала, как говорится, и контрреволюция. Для борьбы против Советской власти в горах Кавказа сколачивались разные группы контрреволюционеров. В этот период не было исключено и вторжение контрреволюционных банд с территории Грузии, меньшевистское правительство которой широко распахнуло двери разбитым белогвардейским войскам и контрреволюционерам всех мастей. С этой целью 28-й дивизии было приказано прикрыть все дороги, ведущие из Грузии в Терскую область⁹.

Под руководством С. Орджоникидзе в 1920—1921 гг. на Северном Кавказе почти полностью были ликвидированы контрреволюционные банды.

В период борьбы за победу и упрочение Советской власти народы Северного Кавказа получали значительную помощь от Советской России, Закавказья и Советского Баку.

В борьбе за упрочение Советской власти большую помощь народам Северного Кавказа оказывали трудящиеся Грузии. Многие грузины-революционеры принимали активное участие в борьбе за упрочение Советской власти на Северном Кавказе. Среди них особая роль принадлежит Г. К. Орджоникидзе, видному партийному и государственному деятелю нашей страны.

После разгрома деникинцев в Дагестане очень остро встал вопрос об обеспечении трудящихся продуктами питания, одеждой, о восстановлении разрушенных аулов.

Г. К. Орджоникидзе и С. М. Киров приняли экстренные меры: в первых числах апреля 1920 года они обратились к В. И. Ленину с просьбой «как можно скорее двинуть продовольствие».

29 сентября того же года С. Орджоникидзе телеграфировал Дагестанскому ревкому, что «согласно распоряжению Председателя Совнаркома товарища Ленина, Дагестанскому ревкому отпущено 100 миллионов рублей на восстановление разрушенных аулов. Из этой суммы 50 миллионов Дагестанским ревкомом получено, надлежит еще выдать 50 миллионов, почему предлагаю открыть кредит Дагестанскому ревкому в 50 миллионов»¹⁰.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, ед. хр. 1, л. 2.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 370.

⁸ История Северо-Осетинской АССР, Советский период, Орджоникидзе, 1966, стр. 118—119.

⁹ ЦГАСА, ф. 109, оп. 3, ед. хр. 63, л. 33.

¹⁰ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, 1910—1926, М., 1956, стр. 124.

Как известно, В. И. Ленин считал «делом абсолютной общегосударственной важности»¹¹ ликвидацию контрреволюционных банд на Кавказе и Кубани. Это ленинское указание было положено в основу деятельности Кавбюро, которым руководил Г. К. Орджоникидзе. Он не раз приезжал в Дагестан, чтобы оказать соответствующую помощь партийным организациям края. 6 ноября 1920 года Г. К. Орджоникидзе приезжает в Дагестан, чтобы на месте разобраться в положении дел, исправить некоторые ошибки, допущенные местными партийными работниками и военным командованием, а также для мобилизации всех сил на разгром врага.

9 октября 1920 года Г. К. Орджоникидзе принял участие в работе съезда представителей бедноты, который проходил в с. Левашаи. На съезде он выступил с речью, в которой разъяснил горцам задачи Советской власти, подчеркнув, что главная ее цель — защита свободы и прав горцев от посягательств врагов трудового народа¹².

13 ноября 1920 года в Темир-Хан-Шуры собрался чрезвычайный съезд народов Дагестана, призвавший трудящихся к скорейшей ликвидации контрреволюционного восстания в горах и мобилизации всех сил для восстановления разрушенного хозяйства. На съезде с речью выступил Г. К. Орджоникидзе.

«Сегодняшний день войдет в историю Дагестана как один из великих дней. Когда в Москве были получены известия, что в Дагестане восстание, что появились Гоцинский, Алиханов, которым оказывают помощь грузинские меньшевики, мы знали, красный Дагестан, ведший долгую революционную борьбу, оправдает себя. Мы сказали: настал момент испытания Дагестана. Гоцинский не будет желанным гостем для народов Дагестана.

Наши ожидания оправдались. Красные партизаны Дагестана вместе с нашими товарищами красноармейцами выгонят Гоцинского не сегодня-завтра туда, откуда он пришел»¹³.

В своем выступлении Г. К. Орджоникидзе горячо поздравил народы горного края с провозглашением Дагестана автономной республикой.

17 ноября 1920 года Г. К. Орджоникидзе выступил на съезде народов Терской области, поздравив их с историческим событием: провозглашением Горской автономной республики.

Падение меньшевистской власти в Грузии имело важное значение для разгрома контрреволюционных сил и упрочения Советской власти на Кавказе. Материальная и идеологическая база контрреволюции в значительной степени была подорвана.

«Дагестанская авантюра, — писал С. Орджоникидзе 8 марта 1921 года. — подорываемая из Тифлиса, сейчас же после падения меньшевистской власти пошла на ликвидацию с поразительной быстротой и в настоящее время почти ликвидирована»¹⁴.

К 15 марта 1921 года антисоветский мятеж в Дагестане и Терской области был подавлен. Только одна группа (около 300 человек) вместе с главарями банды сумела укрыться в глухих ущельях, но уже в мае того же года она была полностью уничтожена¹⁵.

В деле упрочения Советской власти на Северном Кавказе большую роль сыграл председатель Терского областного ревкома В. Квирквелия.

К сожалению, малочисленность архивных материалов не позволяет в полной мере осветить деятельность грузинских революционеров на Северном Кавказе (в Терской области и Дагестане).

Однако освещение их революционной деятельности даже в той мере, какую представляют нам выявленные материалы, бесспорно, расширяет наши знания о преданных солдатах революции.

Как показывают данные архивных документов, воспоминания современников и другие источники, грузинские революционеры принимали активное участие в окончательном разгроме остатков контрреволюционных банд и упрочении Советской власти на Северном Кавказе.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции большинство руководящих партийных работников Грузии занимали руководящие места в революционных комитетах Северного Кавказа. Так, например, член Ревкома Грузии и председатель Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией

¹¹ В. И. Ленин. Военная переписка, 1917 — 1920 гг. М., 1943, стр. 108.

¹² История Дагестана, т. III, М., 1968, стр. 125 — 126.

¹³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, 1910 — 1920 гг. М., 1956, стр.

¹⁴ Там же, стр. 181.

¹⁵ Н. Гоцинский еще долго скрывался в горах. В 1925 г. он был арестован и по приговору народного суда расстрелян (см. История Дагестана, т. III, стр. 130).

в Грузии К. Цинцадзе в 1920 г. был членом Терского областного ревкома и председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией в Терской области. А. Гегечкори, член Ревкома Грузии и председатель Тифлисского городского ревкома, в 1920 году работал председателем Владикавказского городского ревкома¹⁶.

В борьбе за упрочение Советской власти на Северном Кавказе отличился Илья Гобедашвили — активный участник освобождения Баку и Северного Кавказа. После освобождения Баку он был направлен в Кабардино-Балкарию командиром эскадрона, где принял активное участие в ликвидации бандитизма (август 1920 г.). В июне 1921 года обком партии назначает т. Гобедашвили командиром кавалерийского отряда, созданного для борьбы с бандитизмом. За большие заслуги в деле победы Советской власти в 1917—1922 гг. И. Гобедашвили был награжден орденом Ленина¹⁷.

Как известно, многие грузины-революционеры боролись за победу Советской власти на Северном Кавказе. В феврале 1919 года после временного захвата Деникиным Терской области большая часть грузинских революционеров перешла в Грузию. После победы Советской власти на Северном Кавказе в марте 1920 года многие грузины-революционеры вновь вернулись на Северный Кавказ. Среди них были Серго Губели (Медзмаришвили), Василий Элердашвили, Акакий Кавтарадзе, Александр (Алекси) Камараули, Семен Джугели, Ной Лежава и многие другие.

По заданию Батумского большевистского комитета С. Губели удалось скрыться из Батуми и нелегально вновь перейти на Северный Кавказ. В августе 1920 года он руководил партизанским отрядом, который действовал в тылу Врангеля¹⁸.

Василий Элердашвили, после освобождения из тюрьмы, направляется во Владикавказ, где избирается заместителем и членом президиума Исполкома Советов Терской области. С 9 августа 1920 года до 26 марта 1921 года В. Элердашвили работал начальником отдела Управления внутренних дел¹⁹.

В борьбе за упрочение Советской власти на Северном Кавказе активное участие принял один из создателей и руководителей комсомола на Северном Кавказе Акакий Кавтарадзе. В мае 1920 года меньшевистское правительство выслало А. Кавтарадзе за пределы Грузии. После этого он обосновывается во Владикавказе, где работал ответственным секретарем Владикавказского областного комитета комсомола России. Одновременно А. Кавтарадзе являлся членом Кавказского бюро Российского Коммунистического Союза Молодежи. Он был делегатом на III съезде комсомола от молодежи Владикавказа. В ноябре-декабре 1920 года А. Кавтарадзе работал секретарем Терского обкома партии²⁰.

Председателем Владикавказского ревкома работал Александр Камараули, который принял активное участие в боях за восстановление Советской власти на Северном Кавказе (впоследствии он работал зав. отделом связи Терской области)²¹.

На руководящей партийной работе находился Семен Джугели. После освобождения из заключения в мае 1920 года он начинает работать на Северном Кавказе, во Владикавказе, где активно включается в борьбу за упрочение Советской власти. Его избирают членом партийного бюро Владикавказа. Он организывает профессиональный союз медицинских работников, избирается председателем областного союза медсантруд, членом профсоюза и Совета рабочих и крестьян²².

В очищении сел и станиц Северного Кавказа от остатков казачьих белогвардейских банд активное участие принимал Ной Лежава²³.

Представляет интерес и деятельность на Северном Кавказе Александра (Сандро) Махарадзе, командовавшего отрядом особого назначения в Терской области. А. Махарадзе самоотверженно боролся против контрреволюционеров в Моздокском районе. 25 октября 1920 года он и его супруга Амалия героически погибли в бою с белогвардейцами²⁴.

¹⁶ И. Д. Ахалая. Революционные комитеты Грузии в борьбе за установление и упрочение Советской власти (февраль 1921 — март 1922 гг.), Сухуми, 1968, стр. 16.

¹⁷ Газета «Кабардино-Балкарская правда», 1967, 24/X.

¹⁸ Деятели революционного движения в Грузии (биографический сборник), на груз. языке, Тбилиси, 1961, стр. 185.

¹⁹ ЦГА СО АССР, г. Орджоникидзе, ф. 852, оп. 1, д. 62, стр. 1—2.

²⁰ Архив СОНИИ, ф. 238, папка 82, л. 33.

²¹ В. Имедадзе, А. Иремадзе, С. Цицкишвили. Грузины-солдаты революции, на грузинском языке), Тбилиси, 1961, стр. 41—43.

²² ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 585, л. 8.

²³ Деятели революционного движения в Грузии, указ. соч., стр. 359.

²⁴ М. Траскунов. Славный путь Однадцатой Красной Армии (на груз. яз.), Тбилиси, 1960, стр. 69.

Из грузинских революционеров, принимавших в этот период участие в боях за укрепление власти на Северном Кавказе, необходимо отметить также деятельность Петра Агинашвили, Захария Палавандишвили, Алексея Кобаидзе, Илья Мгеладзе, Нино Мгеладзе, Веры Нанейшвили, Илья Цивцивадзе, Георгия Чхеидзе, Тамары Мамулашвили (Досхоева), Шалвы Цитлидзе и других.

Некоторые из вышеназванных революционеров находились на ответственной партийной работе. Так, Илья Мгеладзе работал на Северном Кавказе первоначально председателем Железноводского райисполкома, а затем заведующим отделом агитации и пропаганды Пятигорского обкома партии. Его жена, Нино Мгеладзе, одновременно занимала пост ответственного секретаря Железноводского райкома партии, политического комиссара курортного управления, а также вела работу по линии детских домов²⁵.

В 1920 году на Северный Кавказ вернулась Вера Нанейшвили. Она работала в Пятигорске заведующим областной Советской партийной школой. В 1921 году ее переводят в Дагестан на должность заведующего женским отделом и избирают членом Дагестанского обкома партии²⁶. В августе 1920 года во избежание ареста со стороны меньшевистского правительства Шалва Цитлидзе с разрешения Сухумского городского комитета переходит в партийный комитет Туапсе на должность зав. отделом работы на селе²⁷.

Уполномоченным Наркомпрода на Северном Кавказе являлся Георгий Чхеидзе²⁸.

Большую работу на Северном Кавказе и в горных районах Грузии (Пшави-Хевсурети, Тушети) вел Захарий Палавандишвили²⁹.

После победы Советской власти на Северном Кавказе широкую культурно-просветительную работу среди горняков развернула Тамара Мамулашвили³⁰.

Нами обнаружен в г. Орджоникидзе протокол заседания Обревкома Кавбюро и ответственных товарищей по вопросу о распределении на работу коммунистов, приехавших из Грузии. В этом интересном документе, датированном 24 июня 1920 года, упоминается всего 33 коммуниста, 20 из которых — грузины. Среди них были — Александр Гегечкори, Ладо Думбадзе, Илья Цивцивадзе, Василий Элердашвили, Илья Мгеладзе и Ной Лежава. Из этого документа выясняется, что Илья Цивцивадзе был назначен политическим комиссаром Особого батальона Чрезвычайной комиссии, а Ладо Думбадзе избран членом областного бюро партии и «ответственным партийным организатором в провинции». В этом же протоколе упоминаются и другие грузины-революционеры: Лордкипанидзе, Эркоманишвили, Сарджвеладзе, Джгмадзе, Рухадзе, Матикашвили, Каландадзе, Навроздашвили, Мокерия, Мамулашвили, Георгадзе, Леломадзе, Пабуладзе и Джеджелава³¹.

Как видно и из этого документа, грузинские революционеры внесли определенную лепту в укрепление Советской власти на Северном Кавказе.

²⁵ Государственный архив Ставропольского края, ф. 1919, оп. 1, д. 167, стр. 2—4.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1362, л. 7.

²⁷ Борцы за Советскую власть в Абхазии, Сухуми, 1965, стр. 230.

²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 2119, л. 6.

²⁹ Архив музея С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе, СО АССР, ф. 8, оп. 2, д. 87-а.

³⁰ Газ. «Ленинское знамя» (на груз. языке), г. Махарадзе, от 31/X, 1967.

³¹ ЦПА СО АССР, ф. 39 (Владикавказский окружной революционный комитет), оп. 1, д. 7, стр. 46.

М. ГОРЬКИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В советском горьковедении давно уже укрепилась хорошая традиция — в тех местах нашей страны, где жил и работал А. М. Горький, появляются многочисленные монографии, сборники статей и материалов, посвященных его жизни и творчеству.

Множество таких книг уже издано в Грузии. Появились они и в Азербайджане. В Баку издательством «Элм» была выпущена книга Камала Талыбаде «Горький в Азербайджане».

Книга эта как бы суммирует все созданное ранее на эту тему. Читатель впервые узнает из нее о ряде новых интересных фактов биографии писателя, о новых важных документах, относящихся к рассматриваемому вопросу. Ценность работы Талыбаде в новизне и свежести заключенного в ней материала.

Одной из ярких страниц великой летописи братства русского и азербайджанского народов являются связи А. М. Горького с азербайджанской общественностью, так полно представленные в рассматриваемой монографии. Она состоит из пяти глав: «Горький в дореволюционной азербайджанской печати», «Азербайджан в творчестве Горького», «Горький в социалистическом Баку», «Горький и азербайджанская культура» и «Горьковские традиции в азербайджанской литературе».

С целью наиболее полного освещения этих вопросов систематизирован обширный материал (литературные и исторические источники: документы, публицистические и критические статьи, мемуары), позволивший автору сделать глубокие и интересные выводы.

В книге Талыбаде нашли отражение поездки Горького в Азербайджан в 1892, 1898 и 1928 годах, встречи его с азербайджанскими писателями, общественными и государственными деятелями.

Известно, с каким искренним интересом и уважением относился А. М. Горький ко всем народам, населявшим бывшую царскую Россию. В своих многочисленных статьях и письмах он не раз говорил об их культуре, о необходимости перевода на русский язык лучших образцов национальных литератур. Все это в равной мере относится и к литературе братского Азербайджана.

На ярких примерах показан интерес Горького к азербайджанскому фольклору, пробудившийся на заре его литературной деятельности.

Грузинского читателя не может не заинтересовать та часть книги азербайджанского исследователя, в которой описывается пребывание А. М. Горького в Тбилиси в 1892 году, когда возникли его обширные знакомства не только с грузинскими писателями и общественными деятелями, но и с некоторыми азербайджанскими литераторами — корреспондентами бакинских газет, работавшими в Грузии.

В числе передовых людей, которые в начале века высоко оценили творчество М. Горького, были и прогрессивные азербайджанские литературные деятели. На страницах газет «Каспий», «Бакинские известия» они выступали в защиту Горького, против буржуазных реакционных критиков.

Как это хорошо показано в книге, особо принципиальный характер носили статьи, освещавшие творчество Горького в дореволюционной большевистской печати. Среди них выделялись своим полемическим задором известные статьи Степана Шаумяна, напечатанные в бакинском журнале «Современная жизнь» в 1911 году.

Внимание, уделявшееся передовой азербайджанской печатью творчеству Горького, его литературно-общественной деятельности, несомненно, сыграло немалую роль в распространении в Азербайджане революционных идей и настроений.

В книге «Горький в Азербайджане» хорошо освещены и творческие связи великого пролетарского писателя с лучшими азербайджанскими писателями, показана его роль в развитии азербайджанской советской литературы.

Интересны, с нашей точки зрения, выводы автора о специфических особенностях национальных литератур и необходимости правильной оценки влияния Горького на их развитие. Талыбаде выступает против механического подхода к этому вопросу, подменяющему подлинно научное, исторически конкретное исследование.

В результате допускаясь в азербайджанском горьковедении ошибок с именем Горького стали связываться все

Общие черты советской литературы, а в конечном счете в силу этого заслоняться индивидуальными особенностями творчества самого Горького, индивидуальные черты, присущие творчеству отдельных национальных советских писателей.

В книге, к сожалению, есть и некоторые недочеты. К ним следует отнести неверное утверждение автора о посещении Горьким Азербайджана в 1897 году. Вторая поездка Горького в Баку могла состояться лишь в 1898 году, когда он возвращался из Тбилиси, после освобождения из-под ареста в Метехском тюремном замке по делу о марксистской организации.

Автору книги не удалось также вскрыть весьма интересные связи М. Горького с бакинским революционным подпольем в 1903—1905 гг., когда он оказывал самую действенную помощь нелегальной большевистской типографии «Нина», в которой печаталась ленинская «Искра».

Несмотря на эти и некоторые другие промахи, книга Талыбзаде «Горький в Азербайджане» читается с большим интересом и, несомненно, является ценным вкладом в советское горьковедение.

Б. ПИРАДОВ,
кандидат филологических наук.

Сдано в производство 18 декабря 1972 г. Подписано к печати 18 января 1973 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Заказ 4097

Тираж 4000

УЭ 07546

Цена 40 коп.

И Н Д Е К С
76117

Дорогие читатели!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЖУРНАЛ

*„Литературная
Грузия“!*

**СТАТЬ НАШИМ ПОДПИСЧИКОМ ВЫ
МОЖЕТЕ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА, ОБРА-
ТИВШИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ
«СОЮЗПЕЧАТИ».**

**ПОМНИТЕ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРО-
ДАЖУ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ПО-
СТУПАЕТ В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕ-
СТВЕ!**